

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
АЛЬ-ФАРАБИ**

**БЕГАЛИЕВА А.К.
КОСАНБАЕВ К.**

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДА ТУРКЕСТАНА В
ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
(В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВВ)**

Алматы - 2019

УДК
ББК
И

Рекомендовано к печати Ученым советом факультета довузовского образования Казахского национального университета имени аль-Фараби

Рецензенты:

Токтабай А.У., доктор исторических наук, профессор
Махаева А.Ш., доктор исторических наук, профессор

Ответственный редактор:

Исмагулов О.И., доктор исторических наук, почетный профессор
Болонского университета (Италия), академик НАН РК

Бегалиева А.К., Косанбаев К. История изучения этнографии народов Туркестана в трудах дореволюционных российских исследователей в XVIII - начала XX вв. – Алматы: Қазақ университеті, 2019. -

ISBN

В монографии освещаются собранные и систематизированные авторами историко-этнографические сведения о народах Туркестана в XVIII - начала XX вв, опубликованные дореволюционными российскими, казахскими и зарубежными исследователями. В научной форме излагается история взаимоотношений народов Туркестана в XVIII - начала XX вв.

Книга адресована ученым, студентам, магистрантам исторических и других гуманитарных наук, а также всем, кто интересуется историей и этнографией народов Туркестана.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СВ – Сибирский вестник

В С – Военный сборник

ТС – Туркестанский сборник

ИЖ – Инженерный журнал

РВ – Русский вестник

ЖС – Живая старина

ВС – Вокруг света

ПТКЛА – Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии

ТОРГО – Туркестанское Отделение Русского географического общества

ЦГАРУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан

ЦГАРК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

ЗРИГО – Записки Русского Императорского географического общества

МДСТК – Материалы для статиститки Туркестанского края

ВЕ – Вестник Евразии

ИОАИЭ – Известия общества археологии, истории и этнографии

СОДЕРЖАНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ	4
1 ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОЛОГИИ НАРОДА ТУРКЕСТАНА	11
1.1 Социально-экономическое положение Казахстана	11
1.2 История изучения этнологии народа Туркестана в трудах дореволюционных российских исследователей в XVIII – начале XX вв.	16
2 КУЛЬТУРА И БЫТ КАЗАХОВ В ТРУДАХ КАЗАХСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX – НАЧАЛА XX вв.	44
2.1 Отражение культуры и быта казахского народа в трудах дореволюционных казахских исследователей XIX в.	44
2.2 Отражение культуры и быта казахского народа в трудах дореволюционных казахских исследователей начала XX вв.	58
3 КУЛЬТУРЫ И БЫТА НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА В МАТЕРИАЛАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	64
3.1 Описание культуры и быта народов Туркестана в материалах зарубежных исследователей XIX в.	64
3.2 Описание культуры и быта народов Туркестана в материалах зарубежных исследователей начала XX в.	80
4 НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРКЕСТАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В КРУПНЕЙШИХ КУЛЬТУРНО – ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ	
4.1 Научная деятельность туркестанских исследователей в «Туркестанском обществе сельского хозяйства».....	84
4.2 Научная деятельность туркестанских исследователей в «Туркестанском кружке любителей археологии».....	88
4.3 Научная деятельность туркестанских исследователей в Туркестанском Отделе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и в Туркестанском Отделе Русского Географического Общества	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	101
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	104
ПРИЛОЖЕНИЯ	119

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. В работе проанализирована история изучения этнографии народов Туркестана в трудах дореволюционных российских исследователей XVIII - начале XX вв.

Актуальность темы. Статья Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», вышедшая в апреле 2017 г., вызвала широкий резонанс в Казахстане [1]. Глава государства призвал общество отказаться от старых идеологических систем советского периода и совершить поворот к новому. В статье «Семь граней Великой степи», опубликованная 21 ноября 2018 года, Глава государства подчеркивает актуальность и важность неразрывной генетической связи исторического прошлого, исторического настоящего и предполагаемого, прогнозируемого будущего [2]. В данной статье Главы государства отмечается актуальность и необходимость выработки новых подходов к решению многогранных задач жизни общества. Казахстан, устремленный в будущее, твердо идет по пути прогресса и глубинного обновления.

С обретением независимости широкий размах приобрели процессы возрождения национального самосознания, исконных духовно-нравственных ценностей, менталитета народа, жестко подавляемых в условиях господства Советской тоталитарной системы. Особое значение при этом на наш взгляд, придается повсеместному учету особенностей национально- исторического уклада жизни населения, познанию этнических корней, восстановлению традиций и обычаев, которые на протяжении тысячелетней истории народов Туркестанского края служили связующим звеном в преемственности поколений, определяли специфику и своеобразие их национального быта и культуры, образа мышления и мироощущения.

В связи с этим на современном этапе общественно-экономического развития Республики Казахстан история изучения народов Туркестана получила новое осмысление и оценку.

Духовная, социальная, экономическая жизнь каждой нации может развиваться только в тесном взаимодействии с другими народами. Национальная самоизоляция в области духовной жизни может привести к национальному самоубийству. Поэтому духовное развитие каждого народа всегда остается неразрывной частью общей мировой цивилизации.

Национальному возрождению способствует и рациональное использование опыта исторических, культурных, экономических и духовных связей между народами Центральной Азии.

Несмотря на колониальный гнет и жесткую политику советской тоталитарной системы, казахский и узбекский народы всегда стремились к достижению своей независимости.

Только независимость на наш взгляд, дает широкие возможности для нового этапа развития духовной культуры. Ведь забвение духовной культуры равносильно исчезновению нации.

После обретения независимости, как в Казахстане, так и в Узбекистане, произошли глубокие позитивные перемены в общественно-политической и духовной жизни казахского и узбекского народов, без которых невозможно развитие современного общества, дальнейшее продвижение вперед.

Государственный суверенитет Казахстана и формирование национальной идентичности связаны с глубоким осмыслением истории страны и судьбы народа. Фундаментальным требованием стало комплексное изучение общественно-политического, духовного и культурного развития общества и государства [3, с.7].

В то далекое и суровое время испытаний, продемонстрировав братство и дружбу народов, плечом к плечу с казахами встали узбеки, кыргызы, таджики, каракалпаки и представители других народов, населявших территорию Туркестана.

В свете вышеизложенного представляет большой научный интерес исследование истории изучения этнографии народов Туркестана в XVIII – XX вв. В истории формирования и развития у народов Туркестана, в частности у казахов и узбеков есть много общего, они принадлежат к одной этнолингвистической и языковой семье, к единой мусульманской конфессиональной общине. Живя на едином экономическом пространстве, оба народа своевременно приходили на помощь друг к другу в период нашествия иноземных захватчиков.

Степень изученности проблемы. История изучения этнографии народов Туркестана в XVIII-XX вв. не получила в дореволюционной исторической науке разностороннего и глубокого освещения, а рассматривалась лишь при изучении общих вопросов истории этих народов.

Расширение территории Российской империи вело к увеличению этнического разнообразия населения, ставило задачу изучения народов. Подчиненные народы подвергались всестороннему изучению. Объектами становились их территории, этносостав, природные богатства, материальная и духовная культура. Российские исследователи собрали богатейшие новые материалы по этническому составу, быту, культуре, семейно-родственным и общественным отношениям народов Туркестана. В трудах А.И. Левшина, П.И. Рычкова, А.Н. Татищева и других имеются многочисленные этнографические сведения о материальной и духовной культуре, семейно-брачных отношениях народов Туркестана. Но надо отметить, что в некоторых трудах эти сведения были отрывочны, а иногда носили чисто описательный характер.

Значительное количество публикаций было посвящено анализу отдельных аспектов этнографии, включая проблемы этногенеза и этнической истории казахского народа, антропологии, развития материальной и духовной культуры народов Туркестана. Среди работ можно остановиться на таких как: Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии (СПб., 1821г); Спасский Г.И. Киргиз-кайсаки Большой, Малой и Средней орды (Сибирский вестник. – 1820 г.); Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в

5-ти томах (Алма-Ата, 1985); Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника (М., 1989г).

В данных работах приводится богатый фактологический материал, делаются попытки обобщающего анализа историко-этнографических данных. Основным недостатком работ колониального периода является то, что в них зачастую с ценной научной информацией приводятся и некоторые не вполне достоверные факты, которые нуждаются в критическом переосмыслении.

Сведения по истории и этнографии народов Туркестана содержатся в труде И.Г.Андреева (1743-1801 гг.), военного инженера, вся служба которого была связана с Казахстаном [4].

Одним из крупных русских ученых – востоковедов тесно связанных службой и научными интересами с народами Туркестана был В.В. Григорьев (1816-1881гг.). Направленный на службу в Оренбург в 1851 году, он служил на различных должностях чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе, начальник губернской канцелярии, начальник Оренбургской пограничной комиссии, что позволило ему в значительной степени проникнуть в духовный мир тюркских народов и написать ряд ценных трудов по истории и этнографии тюркских народов [5].

В дооктябрьское время вопросы взаимоотношений казахов с соседними народами Туркестана затрагиваются в публикациях Н.И.Веселовского, Л.Мейера, А.И.Макшеева, Н.И.Гродекова и др. [6].

Ценные сведения о хозяйственных, культурных взаимоотношениях казахов с другими народами Туркестана, прежде всего с узбеками, содержатся в работах Н.А.Северцева, А.Н.Краснова, П.И.Пашино, Л.Ф.Костенко и др.[7].

В трудах известного дореволюционного российского исследователя А.И.Добросмыслова наряду с экономическими, политическими и культурными связями, отмечаются этногенетические взаимоотношения казахского и узбекского населения Сырдарьинской области [8].

К изучению политических, экономических и культурных взаимоотношений казахов с соседними народами Туркестана, в частности с узбеками, каракалпаками, туркменами посвящены монографии С.Мадуанова и М.У.Шалекенова [9].

Ценным вкладом в изучение взаимоотношений народов Хорезмского оазиса – казахов, узбеков, каракалпаков, туркмен и других народов – является монография У.Х.Шалекенова «Казахи низовьев Амударьи». К истории взаимоотношения народов Каракалпакстана в XVIII – XX вв., в котором прослеживаются исторические, культурные и духовные связи народов Каракалпакии с другими народами Туркестана в XVIII – XX вв. [10].

Из публикаций специального историографического характера, раскрывающих общую динамику развития этнографической науки следует особо выделить монографию Э.А. Масанова «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР» [11].

В данной монографии делается первая попытка дать в хронологическом порядке обобщающий анализ тех эмпирических данных, которые накопились

в казахской, российской и мировой науке относительно этнической истории и этнографии казахов. К сожалению, данная работа рано ушедшего из жизни Э.А. Масанова не была завершена, но ее вклад в развитие национальной этнологической школы бесспорен.

То есть, историографический анализ убеждает нас в том, что при изучении истории этнографии народов Туркестана была проделана определенная работа. Однако до сих пор нет обобщающего труда, рассматривающего в комплексе политические, культурные, экономические и духовные связи казахов с другими народами Туркестана.

Цель настоящей работы заключается в комплексном изучении истории этнографии народов Туркестана в XVIII – XX вв. В соответствии с целевым замыслом ставятся следующие конкретные **задачи**:

- проанализировать роль российских исследователей XVIII- начала XX вв. в изучении этнографии народов Туркестана;
- охарактеризовать вклад известных представителей казахской интеллигенции в становление этнографической науки Казахстана;
- показать роль и вклад зарубежных исследователей в изучении этнографии народов Туркестана.

Источниковую базу исследования составили архивные данные как Республики Казахстан, так и Республики Узбекистан, устное народно-поэтическое творчество народов Туркестана, публикации российских, зарубежных путешественников, казахских исследователей, научная литература. Авторами коллективной монографии были широко использованы материалы Фундаментальной Библиотеки РУз им. А. Навои, Фундаментальной Библиотеки АН РУз, Национальной Библиотеки РК, Фундаментальной Библиотеки АН РК, материалы «Туркестанского сборника», «Военного сборника», «Русского вестника», «Живая старина» и др.

Авторами данной работы были также изучены и проанализированы следующие архивные фонды Центральный государственный архив Республики Казахстан (г.Алматы):

Ф-3. Начальник Алатавского округа и киргизов Большой орды. В данном фонде содержатся материалы о взаимоотношениях России со среднеазиатскими ханствами, Китаем, о вторжении русских войск на территорию среднеазиатских ханств, послужные списки многих известных ученых Казахстана (Ч.Ч. Валиханова и др.), письма Ч.Ч. Валиханова.

Ф-4. Областное правление Оренбургскими киргизами МВД. В данном фонде содержатся протоколы заседаний Оренбургской пограничной комиссии, приказы и предписания Оренбургских генерал-губернаторов, отчеты, проекты, материалы по родоплеменному составу населения северного и западного Казахстана, статистические материалы, документы о проведении политики российского правительства в отношении Казахстана и Средней Азии, о дипломатических и торговых отношениях с Казахскими ханствами, Бухарой, Хивой и т.д. Послужные списки многих ученых

Казахстана (М.Г. Тяукина, А. Джантурина, А. Сейдалина, И. Алтынсарина и т.д.).

Ф-374. Пограничное управление сибирскими киргизами содержит данные о родственниках известного ученого Ч.Ч. Валиханова, журналы заседаний пограничного правления, дело об утверждении майора Чингиса Валиева старшим султаном Кушмурунского округа.

Авторами данной работы были также изучены и проанализированы следующие архивные фонды Центрального государственного архива Республики Узбекистан (г.Ташкент):

Ф-3. Российское императорское политическое агентство в Бухаре. В данном фонде содержатся циркуляры и предписания МИД России, переписка с этим министерством и с туркестанским генерал-губернатором об экономическом, политическом и военном положении Бухарского эмирата. Докладные записки, донесения и переписка об административном устройстве Бухарского эмирата, о путешествиях русских и иностранных ученых по ханству, о въезде и проживании в Бухаре иностранцев и т.д.

Ф-69. Туркестанский отдел Императорского РГО. В данном фонде содержатся протоколы общих собраний членов Туркестанского отдела и годовые отчеты о его деятельности, рукописи докладов о родо-племенном составе населения Средней Азии, письма ученых Л.С. Берга, А.И. Добросмыслова, В.В. Бартольда и др., географические карты разных местностей, планы и схемы.

Авторами данной монографии были также изучены фонды личного происхождения:

Ф-2773. Фонд М.Е. Массона. В данном фонде содержатся научные работы, статьи, очерки. Справки, отзывы и заключения данного ученого., материалы служебной и педагогической деятельности, лекции, доклады, выступления, отчеты, биографические материалы, письма А.Х. Маргулана и других ученых..

Ф-2681. Фонд Н.Г. Чаброва. В данном фонде содержатся научные работы, статьи, очерки, заметки. Ряд работ: «Этнографические работы в Каракалпакской АССР», «В.Н. Плотников художник-этнограф», «Тарас Шевченко художник Казахстана» и др.

Ф-10009. Фонд Н.П. Остроумова. В данном фонде содержатся рукописи, вырезки из газет и журналов за 1912-1926 гг., научные работы, статьи, очерки, заметки, письма, дневники. Среди работ хотелось бы отметить следующие: «Разные торжества у азиатских народов», статьи о Туркестане, фольклорный материал (сказки), этнография, киргизы, погребальные обычаи, религиозные обряды, фотоснимки о фонетике тюркских наречий и т.д.

Ф-2868. Фонд Б.В. Лунина. В данном фонде содержатся научные работы, статьи, очерки, заметки. Особенно следует отметить такие рукописи как «Этнографы Средней Азии», «Этнография в трудах ученых Узбекистана в 20-30-е гг.». В фонде много научных трудов других ученых с дарственными надписями Б.В. Лунину: Т.А. Жданко на титульном листе работы «Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана», Б.Х. Кармышевой - на

титульном листе работы «Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии», У.Х. Шалекенова (ныне д.и.н, профессора КазНацГУ им. Аль-Фараби) на титульном листе работы «Жилище каракалпакского колхозного крестьянства» (в сборнике КСИЭ АН СССР, т. 28, 1957 г.).

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности и системный подход, позволившие совместить различные способы анализа и синтеза. Для написания работы послужили наиболее фундаментальные научные положения истории, этнологии, историографии, принцип научного историзма, сравнительно-исторический метод, структурно-функциональный метод, типологический метод, статистический метод, историко-генетический метод, историко-социологический метод, культурно-исторический метод и т.д.).

Практическая значимость работы. Материалы и выводы, сформулированные в работе, могут быть использованы при написании обобщающих и частных работ по новой истории Казахстана и сопредельных регионов, а также при разработке учебных пособий и в лекционных курсах на исторических и неисторических факультетах ВУЗов.

Выводы, сделанные в данной работе могут быть использованы для написания обобщающих трудов по истории Казахстана и Центральной Азии.

Структура монографии обусловлена целями и характером исследования, состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и приложения карт.

1 ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОЛОГИИ НАРОДА ТУРКЕСТАНА

1.1 Социально-экономическое положение Казахстана

Социально-экономическое положение Казахстана конца XIX – начала XX века характеризовалось разложением традиционного казахского хозяйства и формированием капиталистических отношений, а также усилением социальной дифференциации общества. Экономика Казахстана в этот период развивалась медленно. В зависимости от исторических условий, близости к хозяйственным и культурным центрам, к железным дорогам и рынкам сбыта, а также в зависимости от природно-географических условий районы Казахстана заметно отличались друг от друга по уровню развития экономики. На обширных степных просторах и горных массивах Казахстана, в засушливых пустынных и лесостепных зонах существовали различные типы хозяйства: кочевое, полукочевое и оседлое. Основным видом хозяйства в этот период было скотоводство, однако существовали целые районы оседлого земледелия, а в южных областях было распространено орошаемое земледелие. Промышленное производство было в исследуемый период крайне неразвитым и было представлено небольшими кустарными предприятиями в основном добывающей и обрабатывающей промышленности. Казахстан являлся в конце XIX – начала XX века аграрной страной традиционным хозяйственным укладом жизни народов Туркестанского края. В этот период только начинается формирование капиталистических отношений в Казахстане [12].

В материалах Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года по графе занятия населения можно в общих чертах представить структуру хозяйственной деятельности населения Казахстана. Сырдарьинская область в материалах переписи представлена гораздо полнее, скорее всего в силу большей развитости инфраструктуры региона. Так по данным известного казахстанского исследователя Джунусбаева С.М. «Среди занятий населения области перечисляются сельское и лесное хозяйство, обрабатывающая и горная промышленность, передвижение и сообщение, торговля, вооруженные силы и административная деятельность. Несмотря на более обширный спектр занятий населения Сырдарьинской области, все же, как и в других областях преобладающим занятием населения было скотоводство и земледелие. Так, по данным переписи этими видами деятельности было занято 82, 54 процентов населения области [13].

Характеризуя особенности хозяйственно – экономической жизни населения Сырдарьинской области известный казахстанский исследователь Исмаилов А.И. отмечает, что: «Главное занятие населения Сырдарьинской области было скотоводство и земледелие. Большая часть населения области (почти все киргизы и каракиргизы) кочевники, и исключительное занятие их скотоводство. Лишь кое – где, по берегам Сырдарьи, в Казалинском и Перовском уездах, где есть возможность пользоваться, без больших затрат, водой для орошения полей. Главнейшей отраслью скотоводства является овцеводство, которому благоприятствует обилие сухих пастбищных мест.

Важное значение до последнего времени имело также и разведение верблюдов, число которых с проведением Среднеазиатской железной дороги, значительно сократилось, и теперь, однако, в степных частях области передвижение грузов совершается исключительно караванами на верблюдах. В Аулеатинском уезде развито табунное коневодство и имеются два завода с европейскими производителями. Продукты скотоводства, в виде шерсти, шкур, кож и прочее, служат предметом оживленной торговли между степью и оседлыми оазисами, идут на приготовление различных кустарных изделий и в значительных размерах вывозятся в Европейскую Россию» [14].

Обрабатывающая промышленность области занимала одно из важнейших мест в экономике области после скотоводства и земледелия и заключалась в переработке местного животноводческого сырья. Главную роль в обрабатывающей промышленности области играла переработка шерсти, из которой потом выделялись ковры, войлоки, ковры, ткани и многое другое [15].

Как справедливо отмечает известный казахстанский исследователь Исмаилов А.И.: «Первое место занимает обработка шерсти, сосредоточенная преимущественно в руках кочевого скотоводческого населения, женщинами выделяются огромное количество войлоков, ковров, веревок, тканей и других предметов, необходимых в быту не только кочевого, но и оседлого населения. Избыток шерсти вывозится в Европейскую Россию и Сибирь. Более крупная фабрично-заводская промышленность сосредоточена преимущественно в руках русского населения г.Ташкента, сюда относятся винокуренные и пивоваренные заводы, винодельные заведения, табачная фабрика, хлопкоочистительные заводы, кожевенный завод, 3 сантонинных завода (производство около 114 т.руб. в год) и другое» [16].

Таким образом, многоукладная структура экономики южных областей Казахстана в рассматриваемый период была в достаточной степени однородной, главным занятием населения края по-прежнему продолжало оставаться аграрное производство, промышленное же производство было развито весьма незначительно и практически не играло значительной роли в экономике исследуемого региона.

В конце XIX в. 93,6% населения Южного Казахстана проживало в сельской местности. Главным занятием казахского населения издавна было кочевое скотоводство. Следует отметить, что кочевое скотоводство было наиболее оптимальной и рациональной формой хозяйствования на большинстве территорий Казахстана, которые состояли в основном из аридных зон, пригодных именно для такого типа хозяйства [17].

Об этом же факте отмечает известный казахстанский исследователь Е.Б.Бекмаханов в своей солидной монографии «Присоединение Казахстана к России», где автор пишет: «Основную отрасль хозяйства казахов составляло кочевое скотоводческое хозяйство. В действительности господствующим типом хозяйства всего Казахстана было экстенсивное скотоводческое хозяйство» [18].

Как отмечает известный казахстанский исследователь Джунусбаев С.М.: «О том, что скотоводство было очень эффективной формой хозяйствования, свидетельствуют даже отчеты царской администрации. Так в отчете Степного генерал-губернаторства об естественноисторическом и хозяйственно-статистическом исследовании степных областей отмечается следующее: Благодаря вековому опыту и точно установившимся приемам, киргизы умеют использовать своим животноводством даже степные пространства, которые безусловно непригодны для всякой иной культуры» [19].

Отдельно остановимся на утверждениях о том, что в казахском обществе было слабо развито земледелие. На наш взгляд, данное утверждение не соответствует исторической действительности. Даже по материалам переписи можно утверждать о том, что в отдельных областях Казахстана еще до прихода российских переселенцев уже функционировало земледелие. Так, например, П.Г.Галузо, тщательно проанализировав сведения, представленные П.П.Румянцевым, обследовавшим кочевое и полукочевое казахское хозяйство Семиречья в начале XX века, опроверг утверждения о том, что земледелие у казахов стало развиваться только под влиянием крестьян – переселенцев. Он пишет: «казахи Семиреченской области начали заниматься земледелием не только задолго основания в ней русских казачьих крестьянских поселений, но и задолго до присоединения области к России, не менее 40% процентов общин уезда начали заниматься земледелием задолго до основания в нем первых казачьих и не менее 50% - до основания русских крестьянских земледельческих поселений» [20].

В конце XIX – начале XX века земледелие становится основным занятием части населения. Им кроме крестьян – переселенцев занимались и казахи, которые по переписи 1897 года составили 55,4 % всего земледельческого населения Туркестанского края» [21].

Проникновение капиталистических отношений в Казахстане было тесно связано с крестьянской колонизацией, способствовавшей усилению социального расслоения казахского общества и разложению натурального хозяйства.

По свидетельству Е.Б.Бекмаханова: «В 70-х годах XIX в крестьянской колонизацией были охвачены Акмолинская, Тургайская и Уральская области. С конца 60-х годов отдельные крестьяне из Тобольской и Томской губерний заселили местность при озере Кривом (Саумалкол) и урочище Такырчилик Кокчетавского уезда. В конце 70-х годов крестьяне – переселенцы основались в Тургайской области. Так образовались в Казахстане самые старые русские поселки – Александровский, Жуковский, Боровский, Михайловский. Основную массу переселенцев составляли выходцы из Самарской, Саратовской, Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской и Донецкой областей. В Тургайской области к 1894 году число переселенцев достигло свыше 16000 человек, в Сырдарьинской области 12000 человек, по Аулие-Атинской области – 8807 человек» [22].

Российские крестьяне распространили в Казахстане лучшие сорта семян, более совершенные сельскохозяйственные орудия – плуги и молотилки. Российские крестьяне завезли в Казахстан и улучшенные породы скота.

Между казахами и русскими крестьянами установились тесные экономические связи. Побывавший в Семиреченской и Акмолинской областях Трегубов писал: «Переселенцы живут с киргизами очень дружно. Мне не приходилось слышать жалоб переселенцев на киргиз. Случаи же частого тамыра (братанье) между переселенцами и киргизами служат также лучшим доказательством возможности доброй жизни киргиз с русским человеком. Обычай «тамыра» заключается в том, что киргиз, желая выразить особую приязнь, предлагает взять любую вещь, чтобы гость не спросил – отказа не может быть. Киргизы (казахи– Г.П.) отличаются гостеприимством, необходимо только уважать их традиции» [23].

Вполне понятно, что сближению русского и казахского народов мешало царское правительство. Неоднократно царизм прибегал к политике разжигания национальной розни и вражды, натравливанию казахов на русских крестьян и наоборот. Но тем не менее, по нашему мнению, исторические связи между казахским и русскими народами, основанные на общности исторических судеб и совместной борьбе против иноземных захватчиков, с каждым годом укреплялись и не нарушались ни при каких обстоятельствах.

Под влиянием культурно-экономического общения с русским народом казахи переходили к новым формам хозяйства и быта. Так, например, по данным П.Хворостанского: «Самые воззрения киргизов (казахов – Г.П.) на использование пастбищ в корне изменилось, если раньше они были убеждены, что косилку можно пускать в степь на известное место через год, а для тебеновки табуна необходима нетронутая ковыльная степь, то теперь убедились, что степь дает ежегодный укос, хотя и в меньшем количестве, а табун может тебеновать и по выкошенной в начале лета степи» [24].

Более рациональное использование сенокосных угодий способствовало заготовке казахами необходимых запасов сена для скота. Под влиянием русских крестьян – переселенцев изменились сроки уборки покосов. Казахи убедились, что ковыльное сено по своему качеству не уступает луговому.

Хозяйства сырдарьинских казахов очень верно описал А.Ф.Кауфман. По его свидетельству: «Замечается влияние крестьянских поселений на технику киргизского хозяйства. Так, некоторые из живущих в окрестностях села Ванневского киргизы начали пахать такими же железными плугами, какими пашет большинство переселенцев» [26].

Под влиянием русских крестьян казахи северных областей строили дома, создавали надворные постройки, крытые сараи для скота. Однако было бы неверным связывать переход казахов к новым формам хозяйства только с влиянием русской культуры. Этот переход вызывался прежде всего социально-экономическими причинами. Во второй половине XIX века земледелие получило значительное развитие в казахской степи в связи с общей интенсификацией хозяйства.

Развитие земледелия привело к тому, что в казахской среде появляются скупщики, занимающиеся скупкой и продажей хлеба. Хлеб, как товар начинает занимать важное место в экономическом балансе хозяйств шаруа. К примеру, только в Акмолинской области казахскими хозяйствами продавалось около 2,5 млн пудов хлеба» [27].

Торговля, товарообмен и ярмарки начинают играть большую роль в жизни казахского общества, все больше вовлекая его в орбиту капиталистических отношений. В конце XIX века в Казахстане существовали три формы торговли: разъездно- меновая, ярмарочно- периодическая и стационарная. В степном крае главными торговыми центрами были Омск и Петропавловск. Ярмарочная торговля стала приобретать межрегиональное и всероссийское значение. В конце XIX - начале XX вв. торговые обороты ярмарок составляли 60-70 млн. рублей. На ярмарках продавали скот, продукты животноводства и земледелия, промышленные товары из европейских губерний России [28].

Одной из самых ранних ярмарок является Кояндинская (Ботовская) ярмарка, основанная в 1848 году ялutorским купцом Ботовым. По официальным данным, в 1899 году торговый оборот Ботовской ярмарки составлял 1731707 рублей. В конце XIX века крупнейшей ярмаркой Туркестанского края была Аулие-Атинская с торговым оборотом около миллиона рублей. На эту ярмарку приезжали торговцы из Симбирска, Нижнего Новгорода и Тамбова, только в одном 1894 году русские торговцы скупили на этой ярмарке 6100 пудов бараньей шерсти, свыше 1500 пудов козьего пуха, до 500 пудов верблюжьей шерсти. В Северном Казахстане действовали американские, немецкие, английские фирмы, связанные торговыми отношениями с местными купцами и промышленниками, распространившие свое экономическое влияние практически на всю территорию Казахстана [29].

Как отмечает Б.Т.Тулеуова: « Торговля имела двойной характер – меновый (с кочевниками) и денежный (между казаками и переселенцами). К концу XIX века изменился характер торговли и отношение к ней казахов. Казахи приобретали опыт в деле обмена, возрос спрос на предметы быта и скота кочевников и цены на них соответственно выросли». В связи с оседанием и сокращением кочевков в казахских хозяйствах все больший удельный вес приобретает крупный рогатый скот. Все чаще продукты молочного хозяйства становятся предметом купли – продажи. Развивается маслоделие, что в свою очередь приводило к увеличению доли крупного рогатого скота в казахских хозяйствах, а также к улучшению породы и продуктивности скота [30].

Укрепление и расширение рыночных отношений приводит к росту числа купцов. Более распространенный прежде ростовщический капитал постепенно вытесняется торговым капиталом. Так, к примеру, в 1901 году в каждой волости Семипалатинской области действовало не менее 20-40 торговцев – перекупщиков. То есть один торговец приходился на каждые 30-40 кибиток или на 150 – 200 человек» [31].

Таким образом, опираясь на вышеизложенные данные, можно утверждать, что вся степная торговля скотом и продуктами животноводства была сосредоточена в руках казахских торговцев. Все большую роль в торговых операциях играли деньги.

Иными словами, Казахстан во второй половине XIX - начале XX веков благодаря своим особенностям, своим выгодным для транзитной торговли географическим положением, богатству историческому прошлому, полезными ископаемыми, занимал весьма важное место в системе экономики и культуры центральноазиатского региона и сумел сохранить свое этническое своеобразие и национальный колорит.

Таким образом, Казахстан в рассматриваемый период времени переживал серьезные изменения во всех сферах общественной жизни. В результате развития капиталистических отношений казахское хозяйство стало утрачивать свой натуральный характер, все более приспосабливаясь к потребностям российского рынка.

1.2 Истории изучения этнологии народов туркестана в трудах дореволюционных российских исследователей XVIII – начала XX вв.

После завоевания территории народов Центральной Азии царской Россией началось систематическое и планомерное изучение истории и этнографии тюркских народов дореволюционными российскими исследователями. История хорошо знает о чёткой позиции передовой демократической российской интеллигенции того периода – учёных востоковедов, географов, историков, лингвистов, этнографов, которые сделали многое для изучения истории, культуры и быта казахского и других народов Центральной Азии. Именно они на наш взгляд, сумели верно, определить, кто есть кто, и что представляли собой в прошлом казахи, они смогли оценить ту великую роль, которую сыграли казахи в развитии экономики, торговли, культуры народов Центральной Азии. Передовым российским демократам, придерживавшихся демократических принципов при освещении и анализе ключевых проблем Отечественной истории и этнографии казахского народа совершенно чуждо были такие понятия как фальсификация, искажение прошлого казахов, искусственно насажденные советскими миссионерами в годы установления Советской власти в Туркестане. Многие выдающиеся дореволюционные российские исследователи, такие как В.В.Радлов, Г.Н.Потанин, В.В.Бартольд, Н.М.Ядринцев, Н.А.Маев, А.П.Федченко, Н.А.Северцев, В.Ф.Ошанин и другие исследовавшие природу, флору, фауну, климат, рельеф, этногенез и этническую историю, родоплеменной состав, культуру и быт народов Центральной Азии, относились с уважением и симпатией к тюркским народам. На наш взгляд, большинство демократически настроенных российских исследователей в силу своей честности, порядочности и ответственности перед исторической наукой не могли ввести в заблуждение

научную общественность, которые глубоко интересовались богатейшей историей и этнографией народов Центральной Азии.

Таким образом, в силу определённых исторических обстоятельств проблема изучения наиболее актуальных проблем Отечественной истории и этнографии народов Центральной Азии остаётся пока ещё слабоизученным.

Процессы активной суверенизации и становления независимого Казахстана сопровождаются значительным подъемом общественного интереса к богатому историко-культурному наследию казахского народа. В современную переломную эпоху истории общество целенаправленно стремится заново переосмыслить главные вехи пройденного длительного исторического пути, познать самого себя и определить свое, принципиально новое место в современной социальной действительности.

Сама древность происхождения казахского этноса, его нелегкие исторические судьбы, очень специфическая, оригинальная национальная культура – все это предмет заинтересованного рассмотрения со стороны исследователей вот уже на протяжении многих веков.

Многие видные дореволюционные прогрессивные российские исследователи конца XVIII – начала XX вв. внесли неоценимый вклад в развитии туркестанской науки. Это были передовые люди, искренне верующие в будущее местных коренных насельников Туркестанского края. Многие из них владели в совершенстве языками местных народов и поэтому довольно успешно изучали этот богатейший край. Крупнейшие дореволюционные российские исследователи конца XIX – начала XX века П.И.Рычков, И.И.Кирилов, В.Н.Татищев, А.И.Левшин и другие были первыми исследователями многообразной и сложной истории, археологии и этнографии народов Центральной Азии.

С 1730-ых гг., в связи с переходом в российское подданство Младшего казахского жуза, все более усиливается российское проникновение, начинается систематическое научное изучение этнографии казахов [32]. Имеются ценные сведения по истории и этнографии казахского народа в трудах таких российских исследователей как В.Н. Татищев, И.И. Кирилов, П.И. Рычков. В 1734 г. И.И. Кирилов представил записку «Изъяснение о киргиз-кайсацкой и кара-калпацкой ордах» с планом освоения казахских земель и налаживания торговых отношений с ханствами Центральной Азии. Свое представление И.И. Кирилов начинает с характеристики 3-х казахских жузов («киргиз-кайсацких орд»). Указав их численность и места кочевков, он отмечает, что до тех пор, пока «ордынцы жили между собой в мире и согласии, они имели в своем владении знатные провинции и города: Туркестан, Сайрам, Ташкент» [33].

По проекту И.И. Кирилова была создана «Известная экспедиция» («Оренбургская экспедиция»). Будучи руководителем экспедиции, Кирилов способствовал расширению изучения казахских земель [34]. Под его руководством было организовано изучение этнографических особенностей казахов Северного и Западного Казахстана.

Много сделал для изучения этнографии казахов П.И. Рычков, много лет, прослуживший в Оренбургской экспедиции, автор «Топографии Оренбургской» Уже в XVIII в. наиболее подробные сведения из всех народов Центральной Азии российские чиновники имели о «киргизах». В работе П.И. Рычкова говорилось подробно о делении их на три основные группы - Старшую, Среднюю и Младшую «орды», которые в свою очередь подразделялись на более мелкие роды (аймаки). Российский учёный-чиновник подробно описывал язык «киргизов», их историю, веру, образ жизни и места кочевания. П.И. Рычков отметил, что сами киргизы называют себя «казаками». В этом сочинении описаны этнические группы, проживавшие в самой губернии – киргис-кайсаки, татары, башкиры, а также к югу и востоку от Оренбуржья - аральцы, хивинцы, киргис-кайсаки Большой орды (Старшего жуза – В.И.) [35].

В 1733-1743 гг. состоялась 1-я экспедиция РАН в Казахстан, Сибирь, Центральную Азию, давшая обширный историко-этнографический материал. В 1768-1774 гг. состоялась 2-я экспедиция РАН в Сибирь и Центральную Азию, давшая также обширный историко-этнографический материал [36]. Сын П. И. Рычкова, Н.П. Рычков, как и отец, внес достойный вклад в дело изучения казахского этноса российской наукой. В 1771 г. Рычков-младший участвовал в экспедиции в Тургайские степи до горы Улутау (Улытау – В.И.) и оставил много интересных заметок о казахах. В частности, он дал описания казахского национального вооружения: «Оружием нашего вспомогательного киргизского отряда были копыя, сабли, стрелы и кремневые ружья» [37].

Оренбуржье и Оренбург издавна являются связующим звеном между Казахстаном и Россией. Регулярные политические, торгово-экономические и культурные связи двух соседних стран получили свое развитие в начале XVIII века. Оренбург был основан в 1743 г. и вскоре после возникновения превратился в крупный центр торговли России с Казахстаном и Средней Азией. Ежегодно на Меновой двор Оренбурга по проложенным в казахской степи торговым путям направлялись из Бухары, Хивы, Ташкента и других известных среднеазиатских центров караваны верблюдов с товарами. В большом количестве прибывали казахи Младшего и Среднего жузов: ежедневно приезжало от 100 до 2000 человек. Роль Оренбурга во взаимосвязях со Средней Азией значительно возрастает после пуска в эксплуатацию в 1876 г. железной дороги Оренбург-Самара и завершения строительства железной дороги Оренбург-Ташкент в начале XX в [38].

В.В. Радлов в работе «Тюркские степные кочевники», 1-ю главу посвятил «казак-киргизам», вторую – «кара-киргизам». В последней он писал: «По языку, обычаям, одежде, устройству жилища, так же как по занятиям и образу жизни, казак-киргизы очень мало отличаются от кара-киргизов», но «тип» их, безусловно, иной. Весь остальной текст Радлова был построен на этом противопоставлении. Автор отмечает сметливость казахов: «Из всех чувств у киргизов особенно развито зрение, да и это не удивительно. Киргиз живет обычно в широкой пустой степи и поэтому смолоду привыкает взглядываться вдаль. Он может целыми днями ехать по следу пропавшего

животного и не потеряет этого следа, даже если он ведет через пастбище большого стада, испещренное следами животных. По следу животного он часто поразительно может определить его особенности» [39].

Кроме того, в работе В.В. Радлова подробно описывается кочевое хозяйство, одежда, жилище, промыслы и ремесла, социальные и семейно-бытовые отношения, верования, занятия, фольклор казахского народа.

Значительный вклад в изучение истории и этнографии казахского народа внес военный инженер И.Г. Андреев, который «пристально изучал жизнь и язык казахского народа, часто посещал казахские аулы, беседовал со стариками и известными людьми, записывал сообщения купцов, чиновников, путешественников, бывавших в Казахской степи, Джунгарии, Средней Азии». Главный труд И.Г. Андреева - «Описание Средней Орды киргиз-кайсаков с касающимися до сего народа, так и прилегающих к российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний крепостей, дополнениями». Данная рукопись была частично опубликована в 1795-1796 гг. в №№ 40-48 «Новых ежемесячных сочинений». Полностью данный труд получил известность лишь во 2-й пол. XIX в. Для сбора материалов он проехал от Усть-Каменогорской до Пресногорьковской крепости, останавливался в некоторых местах подолгу, расспрашивал аксакалов. В труде И.Г. Андреева отразились нравы и быт казахского народа, перечислены поколения с указанием мест кочевок в XVIII в., приводятся важные статистические сведения о количестве кибиток, скота, список султанов, рассказывается о строительстве на зимовках для «знатнейших старшин» деревянных домов, чтобы «приохотить их к России», и многое другое. Ценность труда возрастает в связи с тем, что это описание очевидца и участника событий. Кроме этих разносторонних этнографических сведений, которые по достоинству оценены в современной историографии, труд содержит существенный исторический материал о размещении около 60 казахских волостей и принятии ими российского подданства. Выявив и систематизировав большой круг источников, И.Г. Андреев расширил границы изучения истории Казахстана во времени. Ему, как и другим краеведам XVIII - первой половины XIX века, свойствен хронологически описательный характер повествования, без серьезного анализа каких-либо событий. Этот русский интеллигент, служивший в далеких окраинных городках и крепостях Казахстана, внес значительный вклад в развитие этнографической науки [40].

Этнография казахов с начала XIX в. становится сюжетом не только для российской научной литературы, но и для публицистики. В 1818 г. горный инженер Г.И. Спасский начал издавать журнал «Сибирский вестник», в котором печатал научные сведения не только собственно о Сибири, но и о казахских землях. В 9-ом и 10-ом номерах этого журнала напечатано описание «Киргиз-кайсаков Большой, Средней и Малой орды». Ещё в 1804 г. Г.И. Спасский записал со слов «старшины япасского рода» Кубека Шукуралиева одиннадцать фрагментов казахского национального уложения «Жети Жаргы» («Семь установлений») и опубликовал их на страницах

«Сибирского вестника» в 1820 г. В работе «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды» он даёт много интересных с этнографической точки зрения заметок относительно хозяйства и быта казахов. Так, например, он отмечает особое гостеприимство казахов: «Ни один киргиз, отправляясь в дальний путь, не берет с собой никакого запаса, везде находит изобильную пищу и все знаки добродушия, хотя бы нигде не имел знакомых. Всякого приезжего почитают они зародного, угощают не только его без всякой платы, всем, что имеют лучшего, но и самих гостей, собирающихся для него из всех окружающих аулов». Далее он пишет: «Беспечная, простая жизнь киргизов, проводимая почти всегда под открытым небом и в чистом воздухе, способствует их здоровью и долговечности. Многие из них до ста и более лет сохраняют крепость тела, твердую память, хорошее знание и свободно ездят на верховых лошадях». Г.И. Спасский отмечает также трудолюбие казахов: «Ни один из кочующих в Сибири народов не может сравниться в успехах земледелия с киргизами. Трудолюбие их самую сухую песчаную землю обращает в плодородную. Они избирают места для пашен большей частью при речках, их коих прокапывают небольшие рвы и посредством их при обыкновенном недостатке дождя, проводят воду по пашням» [41].

Таким образом, Г.И. Спасский отмечает, что уже в тот период хозяйство казахов носило не сугубо скотоводческий, но и комплексный характер, наряду с традиционным кочевым скотоводством важное место занимало и земледелие.

Е.К. Мейендорф писал о Бухарском ханстве, которое он посетил в 1820 г. «Мы видели киргизов на северо-востоке Бухарии, около Карши, на севере Мианкаля, где они приходят в соприкосновение с каракалпаками... Киргизы, живущие в Бухарии, пришли из Малой и Средней Орды искать счастья в новых пустынях [42].

Е.К. Мейендорф отмечал характер межэтнических взаимоотношений в Бухаре, обусловленный традиционной толерантностью населявших эти территории этносов – узбеков, таджиков и т.д.

В 1820 и 1822 гг. в Казахстане был чиновник Азиатского департамента МИД России А.И. Левшин (1799-1879). Его путешествие было очень значительно по своим научным и практическим последствиям. Левшин несколько лет исследовал центральные и местные архивы, собрал значительные полевые материалы о народах «Великой Татарии» - казахах, башкирах, калмыках. Исследовав все имевшиеся ранее сведения о казахах, Левшин издал в 1832 г. трёхтомное сочинение «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей». Этот фундаментальный труд не потерял своего научного значения и поныне. В 1-м томе изложены «известия географические», во 2-м томе – «исторические известия», включая данные об этногенезе казахов, родословные казахских ханских династий и т.д. Третий том целиком посвящён «этнографическим известиям». Подробно описаны культура, быт, «образ управления и законы» казахов. В качестве приложения дан «Устав о сибирских киргизах» от 1822 г., в подготовке которого А.И. Левшин принимал непосредственное участие. Ещё одной большой заслугой

Левшина является публикация 34 фрагментов казахского национального уложения «Жети Жаргы». Работа А.И.Левшина была первым значительным трудом по казахам. Его монография содержит фактические материалы по истории и этнографии казахов, которые по сей день используются в научном обороте. Он обратил внимание на то, что «им дают в Европе чужое имя, которым они сами себя, ни их соседи, исключая Россию, их не называют». Настоящие киргизы - известны как кара-киргизы (чёрные киргизы), закаменные (горные) киргизы, буруты. Само слово «киргиз-казак» или «киргиз-кайсак» состоит из двух частей, вторая из которых является подлинным именем, первая - дана русскими, чтобы отличить их от южнороссийских казаков. К слову, Левшин не имел ничего против, чтобы такое название за народом сохранялось и впредь. В работе речь идет также об этногенезе казахов. А.И. Левшин не только отверг прежде распространенную гипотезу о том, что киргиз-казаки произошли от татар Золотой орды, но и стремился доказать, что их предки проживали в Степях гораздо раньше. Со временем «они наконец слились в один народ (...). Язык, религия, образ жизни, нравы служат тому доказательством» [43].

В книге автор попытался нарисовать типичный портрет и характерные черты киргиз-кайсацкого народа: «наружность киргизов ясно показывает смесь происхождения монголо-турецкого (...). Лица их не так плоски и широки, как у калмыков, но узкие глаза, малый рот, выдавшиеся скулы, редкая клокком на конце подбородка растущая борода отличают их от племён Турецких и приближают к Монгольским...», они привыкли «...почти всегда быть на лошадях (...), они вообще ходят медленно и иногда даже с трудом...», киргизы «беспечны», «сластолюбивы» и «болтливы», «до чрезмерности любопытны», «угрюмы» и не «предаются шумным веселостям», «легкомысленны» и «доверчивы», склонны к обману, «признательность за благодеяния и почтение к старикам» суть лучшие черты их характера, «...язык их есть испорченное турецкое наречие...»; «...всё законодательство киргизское заключается ныне только в произвольной и никаким правилам не подчинённой баранте» (т.е. воровству скота и дракам из-за этого между различными семьями и родами). А.И. Левшин описывал образ жизни казахов как «живую картину патриархальщины», киргизский народ считается мусульманским, но «исламизм совсем мог бы в нём угаснуть», если бы не муллы из Бухары, Хивы и Коканда, а также татары-муллы из России [44].

В конце 20-начале 30-ых гг. XIX века казахская тема начинает постепенно проявляться не только в научной и публицистической, но и в художественной литературе, и даже музыке России. Среди известных произведений следует отметить такие как: повесть в стихах «Киргизский пленник» Н.Н. Муравьёва (1828 г.), повесть «Киргиз-кайсак» В.А. Ушакова (1829 г.), повесть «Киргизский набег» (1829 г.) и рассказ «Киргизцы» (1830 г.) А.П. Крюкова, романс «Киргиз-кайсак» знаменитого Глинки (1831 г.).

Перу известного лингвиста и этнографа В.И. Даля принадлежит повесть «Бикей и Мауляна», которую современники называли не иначе как «превосходное изображение киргизских (*казахских – В.И.*) нравов и быта» Заметный след оставил в Оренбуржье В.И. Даль, писатель и этнограф, автор «Толкового словаря русского языка». Он свободно изъяснялся на казахском языке и сочувственно относился к местному населению, за что получил прозвище «Справедливый». Не однажды поднимавший вооруженные восстания против феодального и колониального произвола батыр Исатай Тайманов в письме к военному губернатору Оренбурга взывал: «Пришлите к нам честных чиновников, чтобы провели всенародное расследование. Особенно желаем, чтобы жалобы наши попали к господину подполковнику Далю. Пришлите справедливого Даля» Известны факты большого интереса гения русской литературы А.С. Пушкина к истории, этнографии, культуре казахского народа. В 1833 г. специально для него переведена на русский язык казахская народная поэма «Козы Корпеш и Баян Сулу» [45].

В начале 40-ых годов XIX в. Я.В. Ханыков, обследовал область Внутренней (Букеевской) орды. Он является автором статьи «Очерк состояния внутренней киргизской орды», опубликованной в Записках РГО в 1849 г. В ней он описал родоплеменную структуру казахов Младшего жуза, указал их численность, места кочевок. Вместе с тем приводятся ценные сведения о скотоводстве и земледелии казахов. Отмечая ведущую роль скотоводства автор пишет: «Главное исключительное богатство внутренней киргизской орды составляет скот. Киргизы разводят верблюдов, лошадей, баранов, коз и коров» [46].

В 1849 г. в журнале «Записки РГО» была опубликована интересная статья М.Иванина «Поездка на полуостров Мангышлак», в которой приводятся этнографические наблюдения о малоизученном в то время родоподделении Младшего жуза - адай [47].

В ней он отметил природную сметливость казахов. «Нельзя однако же отвергать, что киргизы и туркмены завидят и отличат в степи барана, верблюда, лошадь, всадника, скорее чем мы, это от того, что они имеют преимущество перед нами в знании степи, привычке всматриваться в даль и следовательно скорее распознавать одни и те же знакомые им предметы, точно таким же образом, моряк прежде других увидит в море судно и распознает его, охотник птицу и т.д. Говорят также, что киргиз есть живой компас, что если ему завязать глаза и повернуть, хоть сто раз вокруг, он все-таки не ошибется и укажет где север» [48].

Многие российские исследователи обращали внимание на внутреннюю иерархию казахского этноса. Так, И.Ф. Бларамберг, описывая иерархию внутри Младшего жуза и ведущую роль группы алимулы, отмечал: «в Киргизских (*казахских – В.И.*) народных сеймах Алимулинцы первые подают голоса, первые делают определение, и принятие его одним родом дает полную власть к общему согласию и исполнению.... старейшим по первородству родоначальника своего, им везде и, во всяком случае, оказывается наружное предпочтение» [49].

Данное обстоятельство необходимо учитывать при анализе родоплеменной структуры казахского этноса.

В середине XIX в. Г.И. Данилевский в книге «Описание Хивинского ханства» дал характеристику хозяйства казахов, находившихся в подданстве данного ханства. Он писал: казахи, «находящиеся в управлении хивинского хана, делятся на несколько родов; главные табынцы, адаевцы и чикинцы». [50].

Уже в 1862 г. А. Грен отмечал сложные взаимоотношения казахского этноса с русско-казачьими поселенцами. Казакам для хозяйствования выделялись земли, которые изымались у казахов, результатом чего были столкновения, нападения кочевников на казачьи крепости, угон скота и т.д. [51].

В более позднее время, с увеличением процессов казачьей и русско-крестьянской колонизации казахских земель межэтнические взаимоотношения все в большей степени носили сложный характер.

Особый период в развитии российской этнографии казахов начался в 60-е годы XIX в. В оазисах междуречья Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, завоёванных в 1860-1870-е гг., российские учёные обнаружили не только кочевых, но и других казахов («киргизов»), которые вели полуоседлую и оседлую жизнь, а также близких к ним по культуре, внешнему облику, языку, быту представителей родственных «племён» (кипчаки, кураминцы). Это вызывало новые дискуссии о том, кто такие «киргизы», какова их история и этнография.

Казахи были не очень фанатичными и ревностными мусульманами, тем не менее, попытки их христианизации, как правило, успеха не имели. Несмотря на это, некоторые из российских исследователей все же считали казахов не вполне мусульманами, а этносом, способным нарушить сплошное мусульманское единство от Волги и Урала до южных границ России. Так, Н.И. Ильминский писал: «В интересе отечественном, в виду этой массы народа, который под видом особого племени киргизского занял огромную степь между казанскими татарами и Среднею Азиею», необходимо было принять соответствующие усилия, чтобы казахи «не сливались с магометанами в общую сплошную массу» [52].

М. Иванин, анализируя пути и транспортные средства в среднеазиатском регионе отмечает: «Казахи перекочевки свои совершают верхом, а пожитки, то есть кибитки и войлочные шатры, с небольшим имуществом, они перевозят на вьючных верблюдах, по направлению к тому месту, где намереваются остановиться для корма скота, причем едут целиком, а не по проложенным дорогам. Перекочевки эти обыкновенно бывают верст в двадцать. Направление перекочевок, большей частью, бывает с весны до осени от юга на север, и с осени к зиме от севера на юг. При своих перекочевках киргизы не держатся никаких дорог; названия дорог или путей присвоено в степи только тем направлениям, по которым идут караваны на вьючных верблюдах, которые проложили глубокие тропинки» [53].

Н.А. Маев в работе «Путеводитель от Санкт-Петербурга до Ташкента» подробному анализу были подвергнуты такие важные научные вопросы, как особенности кочевого образа жизни, их нравы и обычаи, домашние промыслы и ремесла, верования и т.д. К примеру, касаясь ареала территориального обитания казахов, Н.А. Маев отмечает: «Кочевое население Туркестанского генерал-губернаторства составляют киргизы, обитающие преимущественно в степи между Уралом, Каспийским морем, туркменскими кочевьями, Амударьей горными отрогами Тянь-Шаня». Ценные сведения приводятся в «Путеводителе» о верованиях казахов. Так, автор замечает: «Киргизы считаются магометанами, но собственно религиозные верования магометанства мало укоренились между ними и только султаны, муллы да еще некоторые старики исполняют правила и требования своей веры. Большой же их частью сущность их религиозного культа заключается в молитвах и различных приношениях на могилах святых, уважаемых народом людей, а таких могил с высокими курганами много в степи» [54].

Таким образом, автор отмечает, что в религиозных верованиях казахов наблюдается смешение исламских и доисламских моментов.

В этой же работе Н.А.Маев очень познавательно описывает жилище кочевых казахов. По его свидетельству « Киргизы (казахи – В.И.) живут летом в кибитках из тонких жердей, переплетенных решеткой и обтянутых кошмами. В жаркие дни, летом, вместо кошм, кибитка то есть юрта обставляется с боков особыми матами из чия. Пол устилается кошмами, посреди кибитки разводится огонь, а вокруг стен расставляются сундуки» По свидетельству Н.Маева « Главное оседлое население Туркестанского края, как и вообще всей Средней Азии, от Хивы до Коканда, составляют сарты (то есть узбеки – В.И.). Сарты (узбеки – В.И.) – народ красивый, умный и сметливый, натура их – честная и открытая. Сарты (узбеки – В.И.) народ торговый и промышленный, а со времени занятия русскими Туркестанского края, это прирожденная склонность к торговым оборотам получила еще большее развитие. Почти все торговцы в Ташкенте и других городах Туркестанского края сарты (узбеки – В.И.) [55].

В статье известного российского исследователя Г.А.Арендаренко «Из Ходжента» опубликованного в Туркестанском сборнике справедливо отмечает, что: « Туземное население Туркестана различается на кочевое – киргизов (казахов – В.И.) и оседлое (сартов – узбеков В.И.). Семиреченская область и некоторые уезды Сырдарьинской области населены исключительно одними киргизами. Остальные же уезды последней области заняты частью киргизами (казахами – В.И.), частью сартами (узбеками – В.И.). В городах вообще господствует сартское (узбекское – В.И.) население, а киргизы (казахи – В.И.) кочуют в своих кибитках по степям, беспрестанно меняя пастбища для своих обширных стад рогатого скота баранов, лошадей и верблюдов, составляющих их исключительное богатство и почти единственный промысел. Характеризуя питание номадов автор подчеркивает что: « Питаются киргизы (казахи – В.И.) очень неизысканно: бедные едят

зимой почти одно просо с водой, мясо употребляют редко. Летом пьют кумыс и айран – питье приготовленное из козлинного молока. Только богатые лакомятся бараниной и кониной» [56].

В данной статье автор подробно описывает занятия, одежду, верования, образ жизни узбеков. По его свидетельству: « Сарты (узбеки – В.И.) живут оседло, занимаются земледелием и торговлей. Костюм сарта (узбека – В.И.) состоит из халата, который шьется большей частью из бумажных и ситцевых тканей. Народ чрезвычайно любит пестроту, на бритой голове сарта (узбека – В.И.) с подстриженными усами и полной бородой, всегда надета тубетейка и сверх ее чалма, обыкновенно белая, размер которой зависят об общественного положения и происхождения хозяина, чем знатнее сарт (узбек – В.И.), тем больше его чалма, так что у некоторых величина ее достигает громадных размеров. Ноги обувают в мягкие сапоги, а на улицах постоянно носят галоши из зеленой кожи, которые снимают только при входе в комнату и в мечеть» [57].

В статье известного дореволюционного российского исследователя М.Граменицкого «Степь Сибирских киргизов» дано описание традиционного образа жизни кочевников, их занятия, пища, направление перекочевков и т.д. Так, например, автор отмечает, что: « Жить для киргиза (казаха – В.И.) значит переходить с места на место, нигде надолго не останавливаться и это составляет отличительную черту этого народа. Киргизы (казахи – В.И.) владеют огромными стадами овец и лошадей. Те и другие дают им мясо, которое составляет главную пищу киргизов (казахов – В.И.). Кроме того, от овец они пользуются шерстью, которую употребляют на выделку кошем, кобылицы дают им молоко, из которого киргизы готовят любимый напиток - кумыс из овечьего молока различные виды сыров. Из скота киргизы (казахи – держат еще верблюдов и коров, быков, волов» [58].

Другой не менее известный дореволюционный российский исследователь Ф.Лобyseвич сумел отметить целый ряд характерных черт казахского народа. Так, например, он пишет, что «В киргизах (казахах – В.И.) есть очень много похвальных сторон, характеризующих чисто инстинктивные их хорошие качества. Почти все они очень доброго характера, в них чрезвычайно развито глубокое уважение к старости, они всегда гостеприимны и готовы к участию в помощи ближнего» [59].

Следует отметить, что изложенные выше автором такие положительные качества как: милосердие, добродушие, открытость, почитание старшего поколения присущи не только казахам, но и другим тюркским народам узбекам, кыргызам, туркменам и т.д.

М.И.Иванин отмечает: «киргизы, занимающие низовье Амударьи принадлежат к разным родам, наиболее же к числу табынцев, есть также чиклинцы, кичкенечиклинцы и каракиякцы. Часть киргиз до двух тысяч кибиток кочует между каракалпаками и находится в одинаковых с ними условиях быта, другая более значительная (до пяти тысяч кибиток) занимает оба берега Талдыка и пространство между последним и на лето отгоняют свои стада к Амударье. Подати хивинцам платят скотом» [60].

Н.А. Маев, изучавший этнический состав Восточной Бухары, отмечал наличие здесь казахов. Он писал, что казахи «начали переселяться в Гиссарский край из Нуратинского бекства только в последнее время. До того их знали здесь только по имени. Киргизы направляются к низовьям Вахша и Пянджа. До 300 кибиток киргизов остановились в горах между Кулябом и Курган-Тюбе, и столько же кибиток видели на временной остановке у Гиссара» [61].

В.Потто в статье «О степных походах» изданной в Туркестанском сборнике в Санкт-Петербурге в 1872 году отмечает, что: « как все азиатцы, киргизы от природы радушны, никогда не отказывают путнику в приюте и угощении, хлебопашеством занимаются мало, потому что скотоводство служило главнейшим источником богатства и благосостояния. Они с успехом разводят стада: овец, коз, лошадей, верблюдов и к северу от Эмбы, рогатый скот, последний впрочем в весьма незначительном количестве. Стада эти дают им пищу, лакомое питье (кумыс и айран), одежду, войлоки, доставляют необходимые при кочевании перевозочные средства». Характеризуя занятия сартов (узбеков – В.И.) он пишет, что « сарты то есть узбеки склоны к спокойной жизни, и главное занятие их заключается в земледелии, торговле и садоводстве. Сартами (узбеками – В.И.) в Туркестанском крае принято обыкновенно называть всех жителей, поселившихся в городах или селениях [62].

В. Потто дает подробное описание казахского национального женского костюма: «Обыкновенный костюм киргизской женщины состоит из длинной женской рубахи, спускающейся поверх шаровар, из мужского халата и сапог, сшитых из простого черного товара или из красной юфтовой кожи. При парадном костюме богатые киргизки носят рубахи из разноцветных штофов или из шелковых канаусов, преимущественно ярких и пестрых цветов; бедные употребляют на это бумажную бухарскую сусу, выбойку, разноцветную китайку красный кумач. Грубая обувь при парадном костюме заменяется также сапожками, с высокими и узкими каблучками на медных подковках и с загнутыми кверху носами; иногда вместо сапог надевают « ичики»; но в этих случаях поверх их носят галоши из зеленой бухарской кожи или из сафьяна, нередко шитого серебром и золотом» [63].

Характеризуя особенности хозяйственно-экономической жизни номадов В.Потто замечает, что: « Главнейшее и можно сказать любимейшее занятие казахов составляет скотоводство. Киргизы (казахи – В.И.) как истинные кочевники не могли существовать в степях без своих бараньих и овечьих отар, которые их одевают, кормят, поят и вдобавок, служат главнейшим предметом торговых сношений их с соседними народами, овец в киргизской степи считают миллионами. Все они принадлежат к породе курдючных, высоки на ногах, сильны, но шерсть имеют до такой степени жесткую и грубую, что она годится только на выделку овчин, до самых простых и толстых войлоков принося большей частью по два ягненка, овцы эти размножаются чрезвычайно быстро, но зато, во время снежных буранов

гибнут также целыми десятками тысяч, несмотря на удивительную способность переносить непогоду, голод и жажду» [64].

Кроме того, в данной статье отражена картина перекочевков на дальние расстояния номадов. Автор статьи пишет, что «Ночь была отличная; лунная и свежая. Я просыпался несколько раз, курил, слушал как лаяли сторожевые собаки, привязанные к бараньим кошам и засыпал снова. Утром меня разбудил необыкновенный шум, поднявшийся в ауле. Оказалось, что приехал какой-то киргиз, посланный за несколько дней для выбора места под новую кочевку. Он вероятно привез хорошее известие, потому что старики решили поднять аул до восхода солнца. Пока мужчины хлопотали в поле, сбивая в кучу бродившие стада и табуны, женщины поспешно разбирали кибитки и выючили на верблюдов домашнее имущество. Через два часа аул был уже на ходу и стройным караваном двигался по степи. Старики и большая часть женщин ехали верхом, но молодежь с места затеяла скачку и не жалея голов, носилась по полю, изрытому лисьими норами, отчего джигиты нередко кувыркалились вместе со своими лошадьми. Затем они затеяли новые игры, устроили байгу и степь огласилась самым веселым и шумным ликованием. Эта была картина, полная поэзии, от которой так и дышало широким простором, привольем и свободой степи» [65].

На наш взгляд, вывод автора весьма объективен и правдив, ввиду того, что номады безусловно чувствовали себя свободными и счастливыми только в своих родных степях. Кроме того, во время дальних перекочевков непременно звучала песня, в которой они передавали свои чувства, радость, горе и печаль.

В статье известного дореволюционного российского исследователя С.Вогака «Киргизская лошадь» отмечается роль казахской лошади в жизни номадов, отмечены ее повадки и породы. Как отмечает автор: «Киргизская (казахская – В.И.) лошадь понятлива, смела, может переносить громадные лишения, перевозить значительные тяжести, а с всадником делать быстрые и дальние переезды. В темные ночи и во время буранов редко сбивается с дороги, а если иногда не довезет своего хозяина до места назначения, то в таком случае, всегда возвращается в свой аул или табун» [66].

Б. Юзэфович описал образ жизни, быт, культуру, одежду, занятия, домашние промыслы, жилище, обряды и обычаи казахского этноса. Так, например, он отмечает особенности хозяйственно-экономической жизни казахов. «Из продуктов скотоводства киргизы промышленляют кожами в сыром виде, овечьими шкурами, приготовляемые ими известным образом для шуб, шерстью летнею и зимнею. Из летней шерсти выделывают кошмы в громадном количестве употребляемые самими киргизами. Из шерсти же выделываются веревки, нередко попалам с конским волосом. Всеми родами выделки из шерсти и овечьих шкур занимаются женщины, кроме того киргизки прядут весьма искусно и ткут небольшие коврики узкими полосами, для внутреннего украшения кибитки». Исследователь подчеркивает особенности казахского национального характера: «Вообще гостеприимством киргизов нельзя довольно нахвалиться. Они обставляют

гостя самым утонченным вниманием и заботами, нечего говорить, конечно, что о какой бы то ни было расплате и заикаться не следует. Это значило бы его обидеть, ибо киргиз считает вас своим гостем в настоящем смысле этого слова. Относительно вашего имущества вы, в гостях у киргизов, можете быть совершенно спокойны. Отправляясь в степь, вы смело можете забросить ключи, будучи совершенно уверены, что не только ваш хозяин, как бы он беден ни был, но и прислуга, где она имеется, не покусится ни на малейшую вещь вам принадлежащую» [67].

В статье Н. Зеланда «Киргизы. Этнологический очерк» автор сумел раскрыть ряд этнографических особенностей казахского народа. Так, например, характеризуя занятия номадов он пишет, что: «Главное занятие скотоводство, но с ним в настоящее время начинает соперничать и хлебопашество. Кроме лошадей киргизы держат коров, овец, коз и верблюдов, наконец, собак как сторожей». Отмечая ведущую роль скотоводства, автор не забывает упомянуть и другие хозяйственные занятия казахов - земледелие, ремесло, охоту и т. д. Как подспорье в прокормлении себя, киргизы теперь принялись за хлебопашество, которым занимаются хотя не все, но большая часть. Охота составляет некоторое подспорье.... Охотятся преимущественно ружьями, а на лисиц и куниц – беркутами. Наиболее выгодные предметы охоты составляют горные бараны, лисы и маралы» [68]. Иными словами, Н. Зеланд подчеркивал комплексный характер хозяйства казахов, которые занимались не только традиционным кочевым скотоводством, но и другими видами хозяйственной деятельности – земледелием, охотой, рыболовством и т.д.

В статье М. Миропиева «Демонологические рассказы киргизов» говорится о злых духах (джындарах), которые являются к человеку в виде образов девиц, женщин, белобородых стариков, одноглазых мужчин, а также различных животных (коз, собак, лисиц, змей и т.д.) [69].

Кроме того, в ней описываются домусульманские верования казахов, во многом сохранившиеся в системе их религиозных взглядов. В целом «казахский ислам» представляет собой причудливую смесь собственно исламских взглядов с различными доисламскими.

Гродеков Н.И. в книге «Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области» отметил историческое родство казахов и узбеков (имеются в виду даштикипчакские узбекские племена – В.И.). Гродеков пишет о том, что сами казахи Сыр-Дарьинской области считают себя принадлежащими к узбекским племенам, произошли от одних корней с узбеками [70].

Российские исследователи наблюдали и изучали казахский этнос не только на территории современного Казахстана, но и на территориях, достаточно удаленных от него. Так, Н. Февралев в 1892-1893 гг. наблюдал около 800 казахских юрт родов адай, алым, балыкчи, табын в Бухарском эмирате, близ гор Бальджуана [71].

Н.Ф. Катанов привел интересные сопоставительные сравнения между российскими и китайскими подданными тюркского происхождения. О казахах, в частности, сказано следующее: «Все русские казак-киргизы

(имеются в виду этнические казахи российского подданства – В.И.) управляются по-русски волостными и уездными начальниками, занимаются скотоводством, а китайские казак-киргизы (имеются в виду этнические казахи китайского подданства – В.И.) управляются подобно монголам и урянхайцам ухеридами...». Говоря о верованиях, духовно-религиозной жизни казахов, Катанов отмечает: «Казак-киргизы как русские, так и китайские все без исключения мусульмане исповедания суннитов и учения ханефитского, хотя у некоторых киргизов (казахов – В.И.), живущих вдали от трактов, ещё сохранились рассказы о злых духах, присущие шаманистам» [72].

Эта особенность присуща всем этносам, длительное время исповедовавшим языческие верования. Как уже было отмечено, у многих тюркских этносов, и у казахов в том числе, сохранились очень значительные пережитки доисламских верований вплоть до современности. А часть тюркских этносов до сих пор исповедует древние культы (это касается, прежде всего, тюркских народов Сибири, таких как хакасы, шорцы, алтайцы, долганы, часть тувинцев, часть якутов и т.д.).

В статье Полторацкого З.П. «Общий обзор страны, лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сырдарьей», опубликованной в Туркестанском сборнике описывается традиционный уклад жизни, быт и культура, занятия и жилище кочевников. По его свидетельству: «образ жизни и степи развития здешних киргизов (казахов – В.И.) совершенно те же, что в других частях киргизского населения в пределах России. Жилище их юрта, богатство состоит в баранах, рогатом скоте, лошадях и верблюдах. Кроме того, они занимаются и хлебопашеством. Засевают пшеницу, просо, ячмень и табак. Оружия у киргизов (казахов – В.И.) очень мало [73].

Таким образом, автор данной статьи совершенно верно сумел показать, что в данный период времени одна часть казахов занималась кочевым скотоводством, другая вела оседлоземледельческий образ жизни.

Не менее интересные этнографические сведения о казахах содержатся в статье М.Венюкова. В его публикациях отражена картина традиционного образа жизни, быт и культура, нравы и менталитет, занятия, хозяйство, верования кочевников. Как отмечает автор: «Идя с севера, из – за Чу, мы прежде всего встречаем киргизов (казахов - В.И.). Эти кочевники ведут совершенно ту же пастушескую жизнь, что в степях сибирских, оренбургских и семиреченских. Часть их, в уездах Чимкентском и Аулиатинском впрочем, занимается хлебопашеством. Численность их в пределах Сырдарьинской области, за исключением уездов Казалинского и Перовского простирается до 355.000 душ» [74].

Н.А. Аристов посвятил целый ряд своих научных работ вопросам этногенеза и этнической истории народов Центральной Азии в целом и казахов в частности. Например, он дал собственную трактовку известному и любопытному факту истории казахского этноса, как исчезновение из его состава племени катаганов. Он полагал, что это племя сложилось из осколков различных тюркских племен под патронажем кого-либо из катаганских

беков, приняв имя последних. После распада союза и начала гонений со стороны сильных и влиятельных соседей (Ишим-хана и т.д.) катаганы частично вошли в состав других казахских племен, частично откочевали на территорию Мавераннахра, где вошли в состав узбекского этноса [75].

В статье известного российского исследователя Ю.Южакова ««Наши приобретения в Средней Азии» очень колоритно описывается картина перекочевки казахского кочевого аула, быт и культура, обычаи и обряды, верования и т.д. Так, например, автор пишет, что: «Лето праздник для киргиз, с некоторой торжественностью перекочевывают они с места на место, забираясь все выше и выше в горы, где свежо и вид великолепный и скотине свеженькая трава. Славно живется им летом. И жары они не слишком боятся. В самое жаркое время они поднимутся еще выше в горы и спасутся от жары, и скот их найдет себе отличный корм» [76].

Как отмечает автор Туркестанский уезд населен киргизами (казахами – В.И.) и сартами (узбеками – В.И.). Сарты (узбеки – В.И.) аборигены края, они живут в следующих городках: в Чимкенте, Сайраме, Карабулаке, Карамурте, Султанрабате и Чулак – Кургане. Их основное занятие земледелие и торговля» [77].

В статье «Киргизы Малой орды», опубликованной в Туркестанском сборнике в 1874 году М.В.Васильев описал традиционный уклад жизни, занятия, хозяйство и быт номадов. В ней он отмечает, что: «Народ этот кочующий. Они перевозят свои кибитки с одного места на другое. У них кибитки обиты мехом внутри, в них устроена печь и во всякую погоду, там тепло и удобно, тем более, что номады не ищут больших удобств. Состояние их заключается в стадах лошадей и овец, посуда не затейлива. Автор статьи считает, что при таком образе жизни заниматься земледелием практически невозможно, хотя исторические факты говорят о другом. Кроме того, он сумел верно отразить природную сметливость номадов. «Они то есть казахи странствуют без компаса и всегда находят свой путь» [78].

Характеризуя основные породы домашнего скота, автор отмечает, что: «Основные породы скота следующие: овцы, лошади, верблюды, рогатый скот, ослы и волы. Порода овец курдючная: Она делится на вида – казак кой – казахская овца и узбек кой – узбекская овца. Первая отличается лучшим качеством шерсти и превосходным мясом. Говоря о казахских лошадях автор пишет, что они отличаются выносливостью, могут пробегать по 100 верст без отдыха и воды» [79].

В 1875 году в Туркестанский край посетил известный российский исследователь А.И.Макшеев, который оставил интересные заметки о народах Туркестанского края. В своей статье «Географические, этнографические и статистические материалы» осветил ареалы расселения тюркских народов, их места обитания, направления кочевок, хозяйство, занятия и т.д. Так, например, касаясь ареала территориального обитания номадов автор пишет, что: «Киргиз-казаки (казахи – В.И.) кочуют во всех уездах Туркестанского генерал – губернаторства, за исключением Исыккульского и Токмаковского, где они уступают место каракиргизам. В уездах Джизакском, Ходжентском,

киргиз-казаки (казахи – В.И.) живут не постоянно, а только приходят сюда на короткое время из других уездов и из Бухарских владений. Последние находятся под слабым влиянием русской власти, а потому исключаются из общего счета киргизов (казахов – В.И.) Туркестанского края. Автор отмечает, что казахи подразделяются на три орды казахского народа; Большая занимает уезды Верненский, Аулие-Атинский, Туркестанский, Чимкентский и Ташкентский, средняя – Сергиопольский, Копальский и восточную часть Перовского и наконец Малая орда – Казалинский и западную часть Перовского, впрочем киргизы Средней и Малой орд встречаются также в небольшом количестве в Туркестанском и Ташкентском уездах. В Туркестанском крае, как и везде, киргизы (казахи – В.И.) ведут кочевую жизнь, но кроме скотоводства, занимаются в значительной степени хлебопашеством» [80].

Таким образом, хозяйство казахов носило в данный период комплексный характер.

В статье Д.Д.Семенова «Туркестанский край» вышедшей в свет в 1883 году описывается образ жизни, быт и культура, хозяйство, нравы и характер, верования, основные виды домашнего скота и т.д. В ней автор отмечает, что: «язык казахов принадлежит к чисто тюркскому корню с примесью слов монгольских, персидских и арабских, внесенных вместе с магометанской религией. В религиозном отношении киргизы (казахи – В.И.) называют себя магометанами – сунитами, не фанатичны почитают мулл и ходжей. Очень живописно описано в данной статье картина перекочевки номадов. Киргиз-кайсаки (казахи – В.И.) всегда с восхищением встречают весну. Большую часть летних дней просыпают, или пьют кумыс, почти не употребляя мяса, а по ночам собираются вместе, пируют и рассказывают друг другу сказки, или слушают музыкантов, играющих на чибызге, кобызе или балалайке (домбре – В.И.). Говоря о казахских овцах он отмечает, что они похожи на индейских, носы у них горбатые, нижняя губа длиннее верхней, уши большие, повислые. Отличительная особенность их – курдюк, или широкий наполненный жиром хвост, из которого вытапливают от 20 до 30 ти фунтов сала. Целая овца весит от 4 – до 5 пудов, и дает сала до 2 –х пудов. Они вообще так крепки, сильны и высоки, что 10-12 летние дети могут ездить на них для забавы верхом» [81].

В 1890 году в Самарканде была опубликована работа Н.В.Васильева «Кочевники Туркестана», где автор приводит ряд содержательных этнографических сведений, касающиеся тех или иных аспектов этнографии народов Туркестана. Так, например, он отмечает, что: «Наше личное внимание кочевник привлек к себе довольно давно. Во всех сношениях с ним, - и деловых и обиходных, - тотчас бросался в глаза его ум, находчивость, практичность, чувство собственного достоинства и сознание своих прав. Кочевники составляют весьма значительную часть населения русского Туркестана и встречаются почти повсеместно, от северных его границ до крайнего юга, - то сплошными массами, как например в уездах Казалинском и Перовском (Сырдарьинской области), то небольшими

вкраплениями среди оседлого, земледельческого населения, что мы видим в долине Ферганы и на предгорьях в бассейне реки Зеравшана» [82].

По переписи 1897 г. в Российской империи было зафиксировано 4084,1 тыс. человек, для которых родным языком был казахский (по терминологии того времени – киргиз-кайсацкий). Однако, даже без учёта того, что какая то часть населения уклонилась от переписи, всё таки мы полагаем, что количество этнических казахов было в тот период ещё больше. Для этого имеются следующие аргументы: во-1-ых, в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате перепись не проводилась, а на этих территориях проживало значительное число этнических казахов. Во-2-ых, значительное число жителей Центрально-азиатского региона назвало в качестве родных языки тюркский, сартский, кипчакский, ногайский, киргизский. Среди них наверняка были этнические казахи. К ошибкам переписи 1897 г. можно отнести следующие: 1) недоучёт примерно 2,68 млн. чел. на территории Хивы и Бухары – казахов, узбеков, таджиков и т.д.; 2) недоучёт целого ряда сравнительно небольших этнических групп; 3) ошибки в наименованиях – казахи могли быть зарегистрированы как киргизы, татары, тюрки, кипчаки и т.д.; 4) метод учёта этнической принадлежности по единственному признаку – языковому [83].

Отразилась в переписи путаница между «киргизами», «киргиз-кайсаками» и «кара-киргизами». Две западные области Степного края - Уральская и Тургайская - оказались населёнными «киргизами», восточные области - Семипалатинская и Акмолинская – «киргиз-кайсаками». В Туркестанском крае картина была такая: в Закаспийской области жили «киргизы», в Самаркандской – «киргиз-кайсаки», в Ферганской – «кара-киргизы», в Сырдарьинской – «киргиз-кайсаки и кара-киргизы» (которые были подсчитаны вместе), в Семиреченской области - только «киргиз-кайсаки». Особенно невероятно выглядели данные по Семиречью, где этнографы обычно выделяли и большую по численности группу кара-киргизов. Перепись же их «не заметила».

1897 год характерен не только проведением Всероссийской переписи, но и тем, что в этом году было открыто Туркестанское отделение РГО, одним из научных направлений которого было этнографическое. Члены этого Отделения внесли большой вклад в изучение казахского этноса, особенно его южных групп – от Каспия и Арала до Алтая. В.В. Бартольд отмечал, что в собственно казахских национальных поговорках часто сопоставляются и противопоставляются слова «казак» и «сарт» - первое в значении «кочевник», а второе – в значении «оседлый житель» вне зависимости от его этнической и языковой принадлежности [84].

В.В. Бартольд отмечает, что для казаха как для природного кочевника вольная степная жизнь была эталоном свободы, богатства, удовлетворения. Один из казахов в беседе с ним простодушно сказал о своем богатом соседе: «Мама-аке имеет столько скота, что может и кочевать» [85].

Г.Н. Потанин отмечал: «Киргизы народ живой, здоровый, они любят веселье, в костюме яркие цвета, в жизни праздники. Поминки по умершим у

этого народа превращаются в продолжительные и грандиозные торжества с играми, скачками, песнями, состязаниями, с исполнением песен и с лирическим творчеством. Подобно афинянам, киргизы - необычайно любят новости, «хабары», - страсть, которая в молодом поколении заменяется любознательностью» [86].

На наш взгляд, особенностью этнографических работ Г.Н. Потанина является живость описания сопряженная с глубиной научного анализа.

А.К. Гейнс описал образ жизни, быт, культуру, жилище, одежду, занятия казахского этноса. Так, например, он отмечает природную сметливость казахов: «Во время непрерывных странствований по обширным открытым степям, киргизы конечно легко и скоро привыкают отыскивать необходимый им путь, для этого им бывает достаточно самых незаметных другому признаков - относительное положение какого-нибудь ручья, озера, песчаного холма, оврага, вид травы и почвы бывают достаточными для них указаниями, чтобы, наверное, сказать в какой части степи они находятся, и судить о расстоянии до других известных в степи урочищ, всякая сколько-нибудь заметная часть местности непременно имеет у них свое наименование» [87].

В 1898 г. в журнале «Вокруг света» была опубликована статья Я. Альбрандта «Букеевская орда» [88]. В ней он описал образ жизни, быт, культуру, одежду, занятия, домашние промыслы, жилище, обряды и обычаи казахского этноса. Так, например, он отмечает: «Киргизы гостеприимны, и гость пользуется у них большим почетом, ему оказываются всевозможные услуги, он дает направление разговору и если желает, распоряжается даже трапезой» [89].

Он приводит интересные сведения об охоте. «Киргиз любит охотиться сидя на хорошем скакуне, на котором можно гнаться за зверем, особенно за волком. Волков сплошь и рядом ловят укрючинами или просто убивают плетью. Лисиц и зайцев затравляют собаками или ястребами» [90].

И. Аничков в книге «Очерки жизни Северного Туркестана» опубликовал ряд статей, посвященных этнографии казахского народа. Это, в частности, такие статьи как «Оседание кочевников и наше законодательство», «По поводу нового уезда в Тургайской области», «Ещё о проекте новой губернии», «Забывтый край». Автор отмечал: «В настоящее время положение вещей таково: кочевое население переживает переходный момент от кочевого образа жизни к полукочевому и полуземледельческому, или же исключительно земледельческому» [91].

Можно вполне согласиться с мнением И. Аничкова, отметившего, что к концу XIX в. определенная часть казахского этноса меняла традиционный кочевой образ жизни на полукочевой и оседлый.

Ряд российских исследователей уже тогда обращал внимание на то, что следует различать между собой понятия «казах» и «кыргыз». Так, В.фон Герн писал ещё на рубеже XIX – XX вв.: «Кочевые степняки, составляющие главную массу населения Степного края, называют себя не киргизами, как мы их называем, а казахами. Названием же «кыргыз» они отличают

отдельную отрасль своих горных родовичей, носящих официальное и принятое у нас название «каракиргизов» [92].

Таким образом, В. фон Герн достаточно верно охарактеризовал терминологическую разницу между понятиями «киргиз» и «казах». Его понимание данного вопроса вполне соответствует современным данным этнологической науки.

В 1901 г. И.И. Гейер издал «Путеводитель по Туркестану». В нем даны интересные этнографические сведения о казахах: «Все обширное пространство от г. Омска до долины Аму-Дарьи и от Уральских гор до Алтая вдоль и поперек изрезано тропами, по которым два раза в год перекочевывают киргизы, называющие себя «казаками». В этнографическом отношении народ этот принадлежит к тюрко-татарской отрасли монгольской расы и делится на три отделения или орды». Гейер приводит большое количество терминов и народных названий из многих областей жизни казахского этноса. Он достаточно подробно характеризует казахскую национальную одежду (калпак, туппе, байтаба, джавлык, саукеле), национальную пищу (айран, курт, иримчик, кужа, баурсаки), детали национального жилища (кереге, уук, чангарак, табалдырык). Говоря об этническом происхождении казахов, Гейер приводит очень странные данные: «Киргизы (казаки) считают себя узбеками, но вместе с тем совершенно чуждыми каракиргизам, происхождение которых они ведут от калмыков...; каракиргизы (т.е. собственно киргизы – В.И.) же, наоборот, признают киргизов (казаков) своими братьями, отрицают калмыцкое происхождение и причисляют себя также к узбекам» [93].

При этом, Гейер, приводя эти якобы имеющиеся в среде казахов и киргизов представления о своем этническом происхождении и родстве, сам не дает им никаких пояснений и никаких серьёзных комментариев.

В работе П.П.Семенова «Окраины России: Сибирь, Туркестан, Кавказ» очень колоритно описываются места расселения тюркских народов, их образ жизни, быт и культура. По свидетельству автора «Самое многочисленное племя, обитающее в Туркестанском крае, киргизы и родственные им каракиргизы. Общее число тех и других, равняется до 1038000 душ, то есть почти 2/3 всего населения. Киргизы (казахи – В.И.) встречаются во всех уездах, за исключением двух южных уездов Сырдарьинской области Зеравшанского округа, составляют большинство населения. В Кураминском уезде они вместе с кураминцами, составляют сплошное население, окружая со всех сторон немногочисленные сартовские (то есть узбекские поселения В.И.). Вместе с тем в данной статье автор указал ареал расселения кыргызов, которые обитали Токмаковском и Иссыккульском уездах, частично в южной части Верненского и Аулиеатинском уездах. Живут они почти исключительно в горах, и все они занимаются хлебопашеством. Что касается сартов то есть оседлых жителей Туркестана, то их число как отмечает автор статьи составляет до 126000 человек. Живут они почти исключительно в Чимкентском и Кураминском уездах и в г. Ташкенте, нигде не составляя сплошной массы. Самое большое средоточие сартовского (узбекского

населения – В.И.): в Туркестане, Чимкенте, Ташкенте и Пскенте. В Семиреченской области, сартов то есть узбеков насчитывается до 3229 человек. Большая часть из них занимается торговлей, отдельных поселений от русских они нигде не имеют» [94].

Автор данной статьи вкратце и лаконично охарактеризовал места расселения, занятия тюркских народов, населяющие Туркестанский край. Очень любопытные этнографические сведения содержатся в данной публикации о сартах, таджиках, киргизах и т.д. Таджикки- как отмечает автор – оседлая народность края, населяют долины Ангрена, Чирчика, городов Ходжент, Уратюбе, Зеравшанский округ. Узбеков в крае насчитывают до 350000 тысяч. Они населяют Зеравшанский округ, Ходжентский уезд и Ферганскую область. Живут они во всех городах края, занимаясь торговлей и земледелием. Из оседлых народностей в меньшем количестве встречаются кураминцы – 77000 душ. Они земледельцы и живут в Кураминском уезде, каракалпаки – 76000 человек, населяют Амударьинский отдел, южную часть Казалинского и Ферганскую область» [95].

Очень интересные этнографические сведения о казахах содержатся в вышеупомянутой статье П.П.Семенова. Характеризуя образ жизни, быт и культуру, занятия номадов автор пишет, что: « Киргизы (казахи – В.И.) получают большую часть необходимых им предметов потребления от своего кочевого скотоводства. Главными предметами пищи им служат айран и кумыс, курт и иримчик, баранье сало (курдюк), одеждой – приготовляемые ими из своего сырья шерстяные ткани, жилище их покрываются шерстяными кошмами (войлоками), часть домашней посуды и одежды изготавливается из кож, наконец, топливом служит киргизам помет домашних животных [96].

Кроме того, в данной статье описываются домашние породы скота: лошади, овцы, верблюды их повадки и роль в традиционном хозяйстве номадов.

Как отмечает автор статьи «Киргизская (казахская – В.И.) лошадь при небольшом росте, обладает неопределимыми качествами, а именно легкостью, быстротой, неутомимостью и вообще необыкновенной выносливостью, так что киргизы (казахи – В.И.) нередко делают на одной лошади, не кормя с самыми короткими остановками от 100 до 150 километров в продолжении от 10 до 12 часов. Киргизская порода рогатого скота отличается своей крепкостью, хорошим сложением, при небольшом росте, дает не только хорошее мясо, но и достаточное количество молока, верблюды двугорбой породы распространены только в южной наиболее пустынной, пограничной с Туркестаном части рассматриваемой области. Но главное богатство киргизов (казахов – В.И.) составляют овцы и бараны. Кроме скотоводства и отчасти земледелия киргизы (казахи – В.И.) занимаются еще в небольших размерах охотой и рыболовством [97].

В 1902 году в Санкт-Петербурге было издано работа К.К.Абаза «Завоевание Туркестана». В ней приводятся ряд этнографических сведений о казахах. Наблюдая за образом жизни и бытом номадов, автор отмечает, что «Они подобно всем кочевникам, по мере выпаса трав, переходят с места на

место со своими стадами, семьями, со всем домашним скарбом. Перекочевка – это лучшее время, праздник киргизский, мужчины, женщины, девушки, даже дети едут верхом, причем лошади убраны по –праздничному, вьючные верблюды обвешаны бухарскими коврами или пестрыми киргизскими войлоками, украшены страусовыми перьями, лентами, бубенчиками, молодежь обоего пола гарцует. Все радуются в ожидании полакомится жирной бараниной. Женщины и девушки наряжаются в лучшие одежды, замужние женщины прикрепляют сзади пояса разноцветные попоны, прикрывающие у лошадей крупы, мужчины подпоясаны кушаками в серебряной оправе, в руках дорогие нагайки, щегольские уздечки и седла сплошь покрыты золотом, серебром и драгоценными камнями. Поход открывают старшины, знакомые с местом перекочевки, за ним гонят стада баранов, рогатого скота, табуны лошадей и верблюдов, сзади все мужское население, женщины и вьючные животные, в хвосте каравана – работники» [98].

Очень колоритно описывает автор забавы и развлечения номадов. «Любимейшее развлечение киргиза (казаха – В.И.) ловля зверей при помощи выученных птиц; беркута, ястреба или сокола. Птица, накрытая чехлом, сидит у киргиза (казаха – В.И) на седле, когда охотник снимает чехол, беркут летит и впивается когтями в добычу, будь то заяц, лисица, дикая коза, даже волк – до тех пор, пока подъедет хозяин и dokonчит зверя плетью или своим копьём. На маленьких зверей выпускают соколов, ястребов» [99].

В целом, в данной работе К.К.Абаза очень познавательно описаны домашние породы номадов, их жилище, занятия, верования, нравы и характер, особенности воспитания детей в условиях кочевого быта и.т.д.

В 1903 году в журнале «Военный сборник» была опубликована статья Н.А.Обручева «Коневодство в Тургайской области». Автор данной статьи отмечает, что «Главное, можно сказать исключительное занятие киргизов (казахов – В.И.) составляет скотоводство, среди которого видную роль занимает разведение лошади. Лошадь в глазах казаха есть олицетворение красоты. Числом лошадей определяются богатство казахов. Она необходимо ему и как средство для передвижения по обширным степным пространствам и как средство для жизни, ибо снабжает его и мясом и кумысом. В общем киргизская (казахская – В.И.) лошадь производит приятное впечатление легкостью и пропорциональностью своих частей, но главное ее достоинство выносливость и неприхотливость в корме» [100].

Н.А.Обручев также подчеркивает, что « в домашнем быту киргиза (казаха – В.И.) лошадь имеет первенствующее значение. Она не только рабочая сила, но она и поит и кормит киргиза (казаха – В.И.). Кумыс любимый напиток степняка. В сыром виде лошадиное молоко киргизы (казахи – В.И.) не употребляют. Конское мясо киргизы (казахи – В.И.) употребляют в вареном виде и только по праздникам» [101].

Таким образом, Н.А.Обручев сумел верно отразить роль казахских лошадей в традиционном быту номадов. В условиях номадической

цивилизации лошадь играла ведущую роль в скотоводческом хозяйстве номадов.

О.А. Шкапский в очерке «Киргизы – крестьяне (Из жизни Семиречья)» описывает очень интересную с этнографической точки зрения группу населения - казахов, занимающихся земледелием. Шкапский пишет: «Киргизы-крестьяне! – Такое понятие кажется совершенно несвойственным общему представлению о киргизской народности, представлению, доходящему до того, что о киргизах говорят как о номадах, бродящих из конца в конец обширной киргизской степи, а на киргизское земледелие смотрят как на явление временное, вызываемое лишь теми невзгодами, какие переживает киргизское скотоводство от падежей скота. При наличии такого представления о киргизах вообще, нет места понятию о киргизах-крестьянах, а между тем те оседлые туземцы, например, Ташкентского уезда, 80 % которых принадлежат, несомненно, к киргизской народности. Возможность существования киргиз-крестьян станет, понятна, если принять во внимание, что огромная территория, занятая киргизами, представляет многочисленные разнообразия естественно - исторических условий и что сами киргизы переживают ту эволюцию, которая привела человечество от жизни бродячих племен к современной цивилизации» [102].

Иными словами, есть еще одно подтверждение тому, что комплексное хозяйство в конце XIX – начале XX вв. все более и более распространяется среди казахов.

В 1909 г. была опубликована интересная работа П. Инфантьева «Этнографические рассказы из жизни татар, киргизов, калмыков, башкир, вогулов и самоедов». В ней он отмечает: «В своей домашней жизни киргизы народ очень добродушный и гостеприимный. Отказать путнику в приюте и ночлеге, по их понятиям, значит совершить преступление, которое у них карается даже штрафом. Для приезжего гостя они всегда режут барана и приглашают соседей. Киргизы народ чрезвычайно любознательный и любят всякого рода новости, поэтому всякий заезжий гость для них является в то же время и живой газетой, и чем больше он сообщает новостей, тем более он приятен и желателен» [103].

В 1909 г. была опубликована интересная работа А.И. Добросмыслова «Этнографические очерки». В статье он отмечает: «Преобладающим населением Туркестанского края составляют киргизы, которые делятся на орды, каждая орда в свою очередь делится на роды, а эти последние на отделения и подотделения. Некоторые авторы работ о киргизах находят, что к преобладающим чертам в характере этого народа нужно отнести месть, лживость, вспыльчивость, склонность к воровству, но автор справедливо заявляет, что это сильно преувеличено. Киргизы живут совершенно особой жизнью и по нашим понятиям далеко не привлекательной, но, тем не менее, не лишено многих хороших сторон, вполне заслуживающих изучения» [104].

Будучи представителем колониальной администрации Туркестана, Добросмыслов не избежал определенных предрассудков в отношении

казахов, но будучи серьезным исследователем, подходил к своему предмету сравнительно объективно.

В 1909 году на страницах «Туркестанского сборника» в 522 томе была напечатана статья Обручева Н.А. «В киргизской степи», где автор отмечает, что «Киргизы (казахи – В.И.) – народ кочевой, преимущественно занимается кочевым скотоводством. Киргизы (казахи – В.И.) – народ добродушный и гостеприимный. Когда начинается весна, киргизы (казахи – В.И.) собирают весь свой домашний скarb и откочевывают в степи, вперед на очень далекое расстояние. В степи они располагаются аулами, но живут уже не в землянках, как зимой, а в кибитках. Летом многие киргизы (казахи – В.И.) занимаются хлебопашеством. Сеют они преимущественно пшеницу и просо, киргизы любознательный и способный народ» [105].

На наш взгляд, оценки Н.А.Обручева вполне правдивы и объективны и соответствуют исторической реальности того периода.

В статье «Акмолинская область» вышедшей в свет в 1909 году в Ташкенте освещаются образ жизни, занятия, одежда казахов. В ней отмечается: «Привольно в степи казахским лошадям. Весело смотреть на них как они прыгают встают на дыбы, бегают в запуски, особенно молодые кони. На ночь сгоняют табуны и весь скот к юртам, на заре лошади сами уходят в степь. За табуном бегут собаки. Как до свадьбы, так и после у казаха – одно привольное житье, он все время на коне, напевая песню. Когда спускается ночь, казах слезает на землю, спутает ноги коня веревкой, снимет с себя одежду и став лицом к западу, опустится на колена на свой разостланный для того армак и начнет молиться и шепча молитвы. Потом тут же ляжет и уснет крепким сном до первых лучей солнца. С зарей опять молитва, опять на коня, опять кумыс и гулянки. И лошадки у киргизов – особые, маленькие, бойкие и замечательно выносливые, коня своего он любит кажется больше всего на свете» [106].

Из выше приведенного текста нетрудно заметить, что жизнь степняков немислима была без существования казахских лошадей. Лошадь является верным товарищем и другом степняков.

В 1910 г. в Кауфманском сборнике была опубликована статья Н. Калмакова, в которой отмечены этнографические особенности казахов: «Они любят общество, всякие новости разносятся по киргизской степи с быстротой телеграфа, они охотно болтают, большие любители вкусно поесть и повеселиться на устраиваемых тоях (праздниках). Тои обыкновенно устраиваются богатыми киргизами по случаю какого-либо семейного торжества: свадьбы, обрезания, поминок. На месте, предназначенном для тоя, разбивается 100-200 кибиток для приглашенных гостей, гости съезжаются из ближних и дальних аулов, часто приезжают даже из других областей; вест идет по всей степи. Аульные старшины, волостные управители и бии только и разговаривают о том, чтобы попасть к известному числу на той верст за 300-400 от своей стоянки» [107].

В 1912 году вышла в свет работа С.Р.Конопка «Туркестанский край». В ней он отмечает, что: «Население области состоит главным образом, из

тюркских племен кочевых и оседлых. Кочевники (киргизы, каракалпаки, каракиргизы), составляющие до 2/3 всего населения занимают почти всю степную и равнинную часть области, в возвышенной же части, по берегам рек и озер, сгруппировались оседлые сарты (узбеки – В.И.), таджики и переселившиеся в область русские крестьяне. Земледелие в Сырдарьинской области составляет важный источник благосостояния оседлого населения в то время, как у кочевников усилилось стремление к оседлой жизни и к занятию земледелием. Скотоводство, как промысел и вместе с тем как единственный источник существования, составляет исконное занятие киргизов – кочевников» [108].

Характеризуя основные виды пород крупнорогатого скота, автор пишет, что « Киргизская (казахская – В.И.) лошадь низкоросла и некрасива, хотя крепка, вынослива и неприхотлива на содержание. Из нее состоят табуны кочевников, да и оседлого населения большинство рабочих лошадей киргизской породы. Автор верно заметил, что овцы в хозяйстве киргизов (казахов – В.И.) играют важную роль, давая шерсть на кошмы, ковры, арканы, а также мясо, сало, молоко, кожи и мех. Разводятся овцы исключительно курдючной породы. В одних стадах, вместе с овцами, разводятся и козы, но не в большом числе. Они дают молоко, шерсть и кожи, из которых выделяется особый род арчин» [109].

В 1913 г. вышла книга Д.Н. Логофета «В горах и равнинах Бухары (Очерки Средней Азии)», в которой также есть сведения о казахах, проживавших на территории Бухарского эмирата. Автора, в частности несколько удивило, что казахские женщины не закрывают лиц, и посторонний мужчина может не только посмотреть, как они работают, но и даже заговорить с ними [110].

В процессе общения с казахами – мужчинами и женщинами автор сделал для себя целый ряд неожиданных открытий: «Вообще во многом оказалось, что наше мнение о положении женщины совершенно не соответствует действительности, и что у женщин есть большие права, ограждающие по закону их супружескую жизнь» [111].

Важным моментом в данных рассуждениях Д.Н. Логофета является то, что он наглядно увидел определенные различия между положением женщин у традиционно оседлых народов Центральной Азии и у кочевых. Сама жизнь в степи делала невозможным выполнение всех исламских предписаний в отношении женщины, и потому ситуация выглядела сравнительно либеральной.

В работе В.П.Наливкина «Туземцы раньше и теперь» вышедшей в свет в 1913 году отмечено, что « В этнографическом и в бытовом отношении, главнейшими народностями, входившими в состав туземного населения трех коренных областей: Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской края во время их завоевания были: оседлые сарты, кочевники киргизы, полукочевники курама (в Ташкентском уезде Сырдарьинской области, так называемые узбеки в Самаркандской области и кипчаки и каракалпаки в Ферганской), татары и туземные, так называемые бухарские евреи. Под

именем сартов в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях разумеется местное оседлое мусульманское население, городское и сельское, которое, не представляя в разных местностях названных областей особенно редких различий в бытовом отношении в этнографическом подразделяется на собственно сартов, давно уже осевших тюрков или узбеков, ведших раньше кочевой образ жизни и таджиков, издревле оседлых аборигенов этой страны, говорящих на более или менее своеобразных наречиях персидского языка, в большей или меньшей мере подвергшихся влиянию языка пришлых завоевателей тюрков» [112].

И далее автор пишет, что « под именем киргизов (казахов – В.И.) мы будем подразумевать всех вообще тех тюрков – монголов, которые вели кочевой или полукочевой образ жизни. Из продуктов скотоводческого сырья женщины изготовляли кошмы, ковры, грубые шерстяные ткани и арканы. Объектами торговли, по преимуществу меновой были: скот, невыделанные кожи и изделия из шерсти» [113].

В своих наблюдениях за бытом и образом жизни номадов П.П.Румянцев отметил, что « При примитивных потребностях киргиза – кочевники, почти все его нужды удовлетворяются продуктами и доходами от скотоводства. Мясо и молоко служат ему пищей, шерсть, шкуры и кожи идут на производство одежды, жилищ кошмы для юрт и обуви. Кроме того, весь скот за исключением овец и коз служит киргизу в качестве рабочей и перевозочной силы. Таким образом, скотоводство составляет главную основу киргизского благополучия и от него всецело зависит большая или меньшая степень удовлетворения насущных потребностей киргизской семьи» [114].

Характеризуя быт номадов П.П.Румянцев пишет: « Жилищем служит юрта, которая представляет собой вид шатра устроенного из кошем на деревянной решетчатой основе, она легко разбирается, навьючивается на животных и перевозится в самые далекие и недоступные при обычном способе передвижения и перевозки места. Домашняя утварь содержится в мешках и сумках, также удобных для перевозки. Одним словом, весь жизненный обиход приспособляется к требованиям кочеваний со стадами в течение года на различные виды пастбищ» [115].

Весьма интересные с этнографической точки зрения сведения приведены в работе И.И.Зарубина. В частности в его работе «Список народностей Туркестанского края» вышедшей в свет в Ленинграде в 1925 году приводятся ряд этнографических и статистических сведений о количестве жителей по уездам Туркестанского края, число кибиток, количество как крупнорогатого, так и мелкорогатого скота, ареалы расселения народов Туркестана, их основные занятия и т.д. [116].

Как отмечает И.И.Зарубин: « Из всех тюркских народов казахи занимают наиболее обширное пространство, выходя за пределы Туркестанского края. Им принадлежат сплошные степные пространства северной части Туркестанского края: северные уезды Семиреченской области, вся Сырдарьинская область, смежные части Ходжентского и Джизакского уездов, Хивинского и Бухарского оазисов [117].

В 1916 г. вышла книга Н.С. Лыкошина «Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения», в которой излагаются любопытные с этнографической точки зрения заметки о казахах. В частности, он отмечает особое гостеприимство казахов: «Сама жизнь способствует сохранению обычая гостеприимства в его чистоте и неприкосновенности. Внутренняя жизнь степного аула и теперь такая же, как была тысячу лет тому назад. Не изменились ни родовые отношения близкого круга одноаульцев, ни причины, вызвавшие когда-то у кочевников сознание необходимости и обязательности гостеприимства. В степи нет газет, сведенные судьбой в одно общежитие родственники-одноаульцы успели надоесть друг другу, а желание узнать что-нибудь новое, поделиться своими мыслями со свежим человеком присуще всякому. Поэтому гость – радостное событие для всего населения аула». Исследователь отмечает: «Принимает в ауле кто-нибудь один, к кому прибыл приезжий по делу или завернул по дороге на ночлег, тем не менее в его приеме принимает участие весь аул. Навстречу ему высыпает толпа мужчин, женщин и детей, все на перерыв стараются что-нибудь узнать о приезде, посудить об его наружности, лошади и седле. Хозяин, принимающий гостя, зарезал барана и конечно гость не может съесть всего мяса, поэтому одноаульцы являются необходимыми участниками торжества. Каждый из вежливости садится как можно ниже, начиная от двери юрты в стороны, ожидая, что вновь входящие попросят кого нужно пересесть повыше. Таков простой прием, чтобы не уронить и своего достоинства и не обидеть кого-нибудь по старшим годами, побогаче и по важнее. Взаимная вежливость приводит к тому, что каждый из вошедших в юрту, направляемый нижесидящими, занимает в кругу как раз подабающее место. Никто не изменяет чинности и солидности, никто не проявляет торопливости в еде, даже обладающие зверским аппетитом делают такой вид, что они едят только из вежливости» [118].

Таким образом, этнографическое описание Н.С. Лыкошина позволяет глубже осмыслить исторические истоки природной душевной теплоты и гостеприимства казахов, точнее определить место обычаев гостеприимства в национально-этническом укладе и в иерархии духовных ценностей казахского народа.

В 1916 г. в журнале «Народы мира в нравах и обычаях» была опубликована работа А. Микина «Туркестан». В ней он отмечает: «Киргизы – отважные кочевники, живущие в степях между северными пределами Туркестана и Центральной Сибирью. Живут они в переносных палатках, располагаясь лагерем, который обносят земляным валом для защиты от диких животных. Главное достояние заключается почти всецело в верблюдах, лошадях и рогатом скоте. Главную их пищу составляют кумыс и конина» [119].

Один из исследователей культуры и быта казахского народа М. Достоевский писал в 1917 г.: «У киргиз (казахов – В.И.) сильно развито влечение к музыке и поэзии, он хорошо знает свою родословную и очень

гордится количеством предков, которых он может упомянуть при случайном разговоре» [120].

Мы целиком поддерживаем данную точку зрения автора, так как национальная музыка играла ведущую роль в духовно-религиозной жизни кочевых казахов. Национальная музыка – является главным элементом духовной культуры. Через национальную музыку казахи изливали свою радость, горе и печаль, разлуку и тоску по Родине, влюблялись, воспевали красоту и умственные способности своих спутниц жизни и т.д.

В 1917 году на страницах «Туркестанского сборника» была опубликована интересная статья Ю.О.Сно « Среди знойных пустынь и широких степей. Народы Туркестана», в которой в развернутом плане описывается традиционный уклад жизни, быт и культура, хозяйство и занятия кочевых казахов. В ней автор характеризуя домашние породы скота отмечает, что: « киргизы (казахи – В.И.) больше всего разводят баранов, лошадей и верблюдов. Степной баран на вид чрезвычайно уродлив, но вместе с тем он отличается выносливостью и быстро откармливается за лето. К осени он уже весит 4-5 пудов, а его курдюк дает 20 – 30 фунтов сала. С особенной любовью и заботой относятся киргизы к своим лошадям. Конь киргиза силен и терпелив, легко мирится с невзгодами степной жизни» [121].

Раскрывая поэтическую душу номадов автор пишет, что: « Песня – лучший друг киргиза. Она сопровождает его всю жизнь, от колыбели до смерти. Веселье ли у киргиза – слышится радостная песня, горе постигло его – затянул он печальный напев. Где бы он не находился всегда он поет какую – нибудь песню. Поют киргизы (казахи – В.И.) под звуки домбры – иные певцы, прославившиеся своим искусством, время от времени обходят аул за аулом. Везде такого певца встречают с почетом, угощают лучшим мясом и молоком. В своих песнях киргизы (казахи – В.И.) воспевают родную степь, ее приволье, чистый воздух, вспоминают старину, поют они и про любовь, воспевают красоту своих девушек и тоску разлуки» [122].

Таким образом, автор на наш взгляд, сумел верно охарактеризовать поэтическое искусство номадов в их традиционном быту. На всем протяжении своего существования поэтическое и ораторское искусство занимало одно из ведущих мест в истории любого народа.

Кроме того, Ю.О.Сно приводит ряд ценных этнографических сведений об узбеках. В частности автор описывает их традиционный образ жизни, занятия, религиозные верования, особенности воспитания детей, одежду и т.д. По его свидетельству: « Мирные земледельцы, ремесленники и торговцы Туркестанского края – сарты (узбеки – В.И.) живут преимущественно в областях Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской. Кроме того, они как торговцы, разбросаны по всем городам Туркестана»[123].

Очень познавательно описывается традиционная одежда узбеков. «Одежда сарта (узбека – В.И.) пестра, она состоит из шаровар, халата с длинными рукавами и сапогов с приподнятыми кверху носками. Кроме того, сарты (узбеки – В.И.) постоянно носят ичиги – калоши. Халаты шьются

обыкновенно из бумажных или полушелковых материй, чистошелковые ткани носят только женщины. На голове мужчины носят чалму. Сарт (узбек – В.И.) – хороший земледелец, способный ремесленник, но любимое его дело – это торговля» [124].

Говоря о религиозных верованиях узбеков автор отмечает, что «Сарты (узбеки – В.И.) исповедывают магометанскую веру. Они очень религиозны и строго исполняют свои обряды. Они усердно молятся в установленное время, соблюдают посты, охотно отправляются на богомолье и с величайшим уважением относятся к священной книге магометан – корану» [125].

Таким образом, прогрессивно настроенная российская научно-интеллектуальная элита в своей научно-исследовательской деятельности руководствовались демократическими принципами при сборе, фиксации, систематизации и обобщения богатейшего эмпирического материала касающиеся основных аспектов этнографии казахов и узбеков: их традиционного образа жизни, нравов, обычаев, обрядов, ритуалов, многих важных элементов материальной и духовной культуры. Несмотря на то, что царская Российская администрация по политическим и идеологическим соображениям выделяла из казны скудные средства для развития туркестанской науки, но, тем не менее, передовые слои российской дореволюционной научной общественности сумели на наш взгляд, с правдивых и объективных позиций осветить наиболее ключевые проблемы, касающиеся всех сфер жизни и деятельности тюркских народов в целом. Их вклад в развитии туркестанской науки был весьма значителен. Вместе с тем многие дореволюционные российские исследователи, несмотря на господствовавшую, на протяжении полтора столетия царской идеологии, направленную на ломку богатейшего духовного и культурного наследия народов Центральной Азии, сумели реально на богатом фактическом материале показать целостную историческую картину мира народов Центральной Азии.

Иными словами, дореволюционная российская этнографическая наука достаточно много сделала для того, чтобы собрать, систематизировать, классифицировать, проанализировать и обобщить многочисленные эмпирические данные, касающиеся основных аспектов этнографии казахов и узбеков: их традиционного образа жизни, нравов, обычаев, обрядов, ритуалов, многих элементов материальной и духовной культуры.

2 КУЛЬТУРА И БЫТ КАЗАХОВ В ТРУДАХ КАЗАХСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

2.1 Отражение культуры и быта казахского народа в трудах дореволюционных казахских исследователей XIX в.

На рубеже XIX столетия развернулась бурная научно-исследовательская деятельность крупнейших дореволюционных казахских исследователей. Классические историко-этнографические труды дореволюционных казахских исследователей были востребованы широкими слоями казахстанского общества. Их научные труды не могли быть созданы в другое время. На наш взгляд, творческая свобода и духовная независимость казахских исследователей при изучении истории и этнографии своего народа были превыше.

В 40-50-ые гг. XIX века среди казахов появляются и начинают свою деятельность первые по-европейски образованные люди, стремившиеся активно служить своему народу. Как отмечал в своем докладе известный историограф Б.В. Лунин: «Богатейший запас знаний содержат труды таких знатоков жизни и быта казахского народа, писавших в середине и во второй половине XIX – начале XX веков как... Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев, А.А. Диваев и многих других... Этнографические наблюдения входили и в круг научных интересов выдающегося казахского ученого и просветителя Чокана Валиханова» [126].

Среди казахов, внесших значительный вклад в развитие этнографии казахского народа следует отметить такие фигуры как Жакуп Акпаев, Бахтыгирей Кулманов, М. Чорманов, Ч. Валиханов, С. Бабаджанов, М. Бекмухамедов, А. Джантурин, С.А. Джантюрин, Ш.М. Ибрагимов, А. Ниязов, Т.А. Сейдалин, М. Сердалин, и т.д. [127]. Среди этих славных имен особое место принадлежит Чингису Валиевичу Валиханову. «Чингис Валиханов, старший султан Аман-Карагайского округа, был человек образованный, хорошо знакомый с восточной и русской культурой» [128].

Он закончил Азиатскую школу переводчиков при училище Сибирского линейного войска, всю жизнь работал над самообразованием. В разное время он руководил Кушмурунским и Кокчетавским округами, несколько лет прослужил советником в Омском областном правлении сибирских киргизов [129].

В 30-ые гг. XIX в. пограничный начальник Области сибирских киргизов полковник М.В. Ладыженский отдал приказ одному из своих офицеров – майору Ч.Валиханову собирать регулярно и тщательно казахский народный фольклор: песни, сказки, пословицы, поговорки, предания, камни и степные развалины со старинными надписями, связанные с ними легенды и т.д. [130].

И тот аккуратно выполнял приказание, причем нетолько из воинской дисциплины, но и по долгу чести, совести и национального патриотизма. У него был свой «Сундук песен», куда он складывал собранные рукописи [131].

В 1850 г. подполковник Ч.Валиханов доставил для РГО, которое начало создавать этнографическую коллекцию костюмов народов России, полный казахский мужской костюм: бархатная тубетейка, выложенная мехом выдры и позументом; шапка лисьего меха с синей канфой; чамбары (шаровары) из красного сукна, расшитые шёлком; яркак (казахский национальный тулуп) из козлиных шкур на ситцевой подкладке, обложенный бархатом и мехом выдры; калта (охотничий пояс) в серебряной оправе; сапоги. К костюму прилагались также нож в серебряных ножнах; огниво, оправленное серебром; пороховница в серебряной оправе [132].

В 1865 г. Ч.Валиханов передал в Музей РГО не имеющую цены историческую семейную реликвию – кольчугу и шлем своего великого отца – хана Вали. Он также подарил Румянцевскому музею в Москве белую султанскую юрту, о которой в документе под названием «Реестр вещам, отправленным в Москву на этнографическую выставку» сказано следующее: «О семи комнатах с чием при керегах, принадлежащими кошмами и прочими украшениями, долженствующими быть по киргизскому обычаю как-то: кровать, при ней двумя тикеметами, двумя коврами, двумя одеялами, двумя занавесами, двумя подушками, одна кошма на пол и покрывало, коржин двухсторонний мешок» [133].

Выйдя в отставку, Ч.Валиханов ещё более увлёкся изучением этнографии казахского народа. Он сыграл важную роль в организации выставки на конгрессе ориенталистов в 1876 г. Он сам лично, а также его сыновья Макажан и Жакуп предложили для данной выставки дорогие предметы. Ч.Валиханов лично послал на выставку расшитый аракчин (такую – В.И.), малахай из меха лисицы, саблю с португеей, лук и колчан со стрелами, оправленную черным железом плеть, ножик, кушак из золотой парчи на зеленой подкладке. Всего кокчетавский уездный начальник получил к отправке на выставку 41 предмет, в т.ч. 17 предметов от семьи Валиханова, которые были оценены в 525 рублей. Кроме того, Валиханов-старший отправил в Санкт-Петербург, на выставку к Конгрессу ориенталистов казахский кожаный колчан в золотой и серебряной оправе со ставками из жемчуга (маржан-тас – В.И.), с пятью стрелами и кожаным поясом с серебряной оправой, а также түскиіз (войлочный ковер – В.И.) с ситцевой подкладкой, с аппликациями из красного сукна и голубой материи [134].

Еще одним серьезным исследователем этнографии казахского народа был Ахмед Джантурин. В июне 1848 г. управляющий Восточной частью войсковой старшина Султан Ахмед Джантюрин представил описание киргизских обычаев в Оренбургскую пограничную комиссию [135].

Важную роль в становлении и развитии этнографии казахского народа сыграл выдающийся этнограф Муса Чорманов (1819-1884). Он окончил то же училище, что и его будущий родственник Чингис Валиханов. После окончания учебы служил волостным, затем – ага-султаном (управителем) Баянаульского округа, дослужился до чина полковника [136].

Он написал много научных и популярных трудов, опубликованных в газетах «Акмолинские областные ведомости», «Семипалатинские областные

ведомости», в Санкт-Петербургском журнале «Сельское хозяйство и лесоводство», в сборниках РГО. Ряд трудов М. Чорманова не потерял своего научного значения и до сих пор – «О скотоводстве у киргиз Западной Сибири», «Киргизские народные обычаи», «Заметки о киргизах Павлодарского уезда» и т.д. Муса Чорманов много сделал и для сохранения и практического развития народной культуры казахского этноса. Он разводил породистых собак (казахскую борзую породу – тазы), высокопородных лошадей, ловчих птиц (соколов, беркутов), внедрял лучшие сорта пшеницы в хозяйства оседлых казахов и т.д. [137].

В своей статье «О скотоводстве у киргиз Западной Сибири» М. Чорманов отмечал: «Киргизы разводят все главные роды скота, коров, овец, лошадей. Сверх того верблюдов. Количество голов, состоящее в обладании хозяина, весьма разнообразно. Местные богачи владеют огромнейшими косяками лошадей и стадами овец и верблюдов, число которых в большинстве случаев известно самому хозяину только приблизительно. Вообще из числа названных родов скота самым распространенным является овца, затем лошадь. Верблюды – скот, некоторым родом привилегированный, их держат только более состоятельные киргизы» [138].

Далее М. Чорманов писал: «Для богатых киргизов выгоднее всего оказывается держать лошадей, которые снабжают их всем необходимым: пищей, питьем, одеждой. Богачи лакомятся свежим лошадиным мясом... От кобыл получают всем известный кумыс... Из кожи лошадей выделяется одежда и посуда (турсуки, в которых держится кумыс). Наконец, хорошая верховая лошадь составляет гордость и славу степного аристократа... Совсем иное положение у бедняков – для них лошадь скот не подходящий... Поэтому бедняки, особенно семейные, предпочитают держать коров, от которых получают молоко, сыр и масло» [139].

Таким образом, М. Чорманов отмечает, что предпочтение тех или иных видов хозяйственной деятельности было обусловлено социальными и материальными условиями.

Значителен вклад в казахскую этнографию и сына Мусы Чорманова – Садуакаса (Сакена), научный труд которого вышел в 1907 г. В предисловии к своей книге С. Чорманов писал: «Народ, именуемый казахом, в тюркском Алаше составляет примерно шесть миллионов человек, на севере расположена Россия, на востоке Китай – Шин, на юге Мавераннахр, заселяющий эту страну кочевой народ подразделяется на три орды, то есть три жуза». Садуакас Чорманов подробно описывал особенности хозяйства, быта казахов, в частности – искусство охоты. Он описал восемь видов охотничьих птиц (беркут, сокол, ястреб, стервятник, кобчик и т.д.), три вида собак (борзая, волкодав, дворовая), четыре вида лошадей (скакуны, иноходцы, рабочие лошади, для красоты) [140].

Ещё больший вклад в развитии истории и этнографии казахского народа внес знаменитый сын Чингиса Валиевича Валиханова и племянник Мусы Чорманова – Чокан Чингисович Валиханов. «Автор блестящих «Очерков

Джунгарии», исследователь народной поэзии и культуры казахов, киргизов, узбеков, туркмен, уйгуров и каракалпаков, знаток истории народов Средней Азии и неутомимый путешественник, Чокан внес огромный вклад в науку по изучению жизни племен, населявших территорию от Урала, Тарбагатая, Семиречья до Каспийского моря, до киргизских гор, до кульджинских степей и кашгарских долин - так охарактеризовал роль Чокана Валиханова выдающийся казахский писатель А.Алимжанов [141].

Ещё более яркую характеристику феномену Валиханова дал российский востоковед Н.И. Веселовский: «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения потомок казахских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов... то, что успел сделать Ч. Валиханов за свою короткую жизнь вызывает преклонение перед необыкновенными способностями, жаждой знаний, широтой охвата и глубиной анализа научных проблем. Он обогатил науку ценными исследованиями по истории, этнографии, культуре, экономике и физической географии народов Центральной Азии» [142].

В 1857-1858 гг. Ч.Ч. Валиханов совершил интересную поездку. Он проехал под видом купца с торговым караваном. Путь каравана лежал из Алма-Ата мимо Иссык-Куля через перевал Зауку на Чатыркуль в Кашгар и обратно. Добытые материалы этнографического и общегеографического характера обработаны самим Валихановым, который оставил весьма ценные работы, собранные же им в пути геологические коллекции, к сожалению, были утрачены еще до обработки [143].

В послужном списке Валиханова отмечено, что он «потомственный султан киргиз-кайсаков», магометанского вероисповедания, закончил Сибирский кадетский корпус, выпущен корнетом в кавалерию в 1859 г., в 1861 г. – поручик, служил в Сибирском корпусе, Сибирском казачьем войске, Алатавском окружном управлении киргизов Большой орды [144].

Выдающийся востоковед П.П. Семенов-Тянь-Шанский называл Валиханова «замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов, соплеменных киргизам» [145]. Преимущественно этнографический характер носят такие известные работы Ч.Ч. Валиханова как «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Заметки по истории южносибирских племен», «Киргизское родословие», «Следы шаманства у киргизов», «Образец причитаний», «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», «О кочевках киргиз», «О мусульманстве в степи». Ч.Ч. Валиханов неоднократно вступался за честь и достоинство родного народа, утверждая, что казахский этнос «не в такой степени дик и груб, как думают о нем большинство русских». Он утверждал также: «Говоря серьезно, киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства» [146].

Но при этом он понимал уровень культуры своего народа: «Как это ни печально, однако приходится признать: покамест мы – казахи, киргизы –

народы вневременные. Письменной литературы у нас нет. Прошлое наше запечатлено в легендах, песнях, дастанах. Поэтому единственный путь к собиранию, сохранению нашей улетучившейся истории – это этнография и изучение фольклора» [147].

Валиханов проделывал неустанную и кропотливую исследовательскую работу: ему приходилось «сопоставлять и собирать воедино факты из трудов европейских и русских ученых с документами, хранящимися в Омском архиве, с ханскими ярлыками, с повествованиями восточных писателей, с казахскими преданиями и казахской литературой» [148].

Как отмечал друг и соратник Валиханова Г.Н. Потанин: «Чокан все более и более углублялся в историю Востока; какие-то загадочные отношения казахского племени к этой истории, среди которого являлись имена древних народов – усуней, киреев, найманов – в качестве имен поколений, заставляли его задумываться и, может быть, мечтать сделать разоблачения в древней истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки старины казахского народа». Даже накануне смерти Валиханов продолжал служить делу развития этнографии родного народа. В 1864 г. он пригласил к себе домой (в Омске) знаменитого Шоже-акына, и записал с его слов очень интересный вариант народной поэмы о Козы-Корпеше и Баян-Сулу [149].

Валиханов «понимал, как важно именно сейчас начинать оспаривать теории развития человеческого общества и мировой культуры, сконцентрированные только на Европе и полностью игнорирующие Восток. Ведь эти теории становятся оправданием европейских колонизаторов» [150]. Ещё во время обучения в кадетском корпусе, сталкиваясь со случаями неприязненного, шовинистического, высокомерного отношения к себе как к представителю «азиатского» этноса, Чокан всегда был горд и непреклонен, как и подобало потомку знатного рода: «Принадлежность к той или другой народности никогда и никому ещё не служила в поношение – так, по крайней мере, считают умы просвещённые. А вот пустая болтливость ничуть не украшает. Прежде чем произнести слово, рекомендую вам справиться у сведущих людей, что оно обозначает. Мой народ называется – киргиз-кайсаки, или казахи. Знаете ли вы про него что-нибудь? Конечно, нет... Так что рекомендую вам не болтать попусту языком, не то изотрете его до времени» [151].

Валиханов неоднократно критически высказывался по поводу труда А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей». Чокан отмечал, что данная работа «является во многом достойным и замечательным трудом, но, в некоторых случаях, стоит ниже посредственности» [152].

К сожалению, отмечал казахский исследователь, в свое время Левшин не избежал и прямых фальсификаций: «Предания, сообщенные Левшиным в его описании киргиз-казачьих орд и степей совершенно не существуют между киргизами, одно из них есть переделка нашего» [153].

Неоднократно задумывался Чокан Валиханов и о наличии у казахов древнего искусства: «Если у киргизов есть свое художество, архитектура, то нет сомнения, есть архитектура монументальная, архитектура могил. По всей степи разбросаны остатки могил, сделанные прочно из выжженного и покрытого глазурью кирпича. Могилы эти заставляют думать по своей архитектурной замечательности, что в степях их был народ оседлый, знакомый в известном роде с искусством». Среди друзей Чокана был известный российский поэт М.Л. Михайлов, живо интересовавшийся историей и этнографией казахов. Для этого у него были и личные причины: мать Михайлова была из рода Ураковых, восходивших к легендарному батыру Ураку – герою казахского эпоса, который изучал Валиханов [154].

Говоря о родоплеменной структуре казахского общества, Ч.Ч. Валиханов отмечал, что причины образования многих родов были зачастую политическими. Но при этом сами казахи «названия своих родов объясняют именами родоначальников, предков», так что «каждое племя присоединившихся принимается за нечто неделимое», со временем «принимает значение генеалогическое» [155]. Социальное значение родословных («шежире»), функционально направленных на интерпретацию существующей системы родовой организации казахского народа, впервые выявляется в исследовательской статье Ч.Валиханова «Казахское родословие». Как отмечал Ч.Валиханов, порядок разделения, обуславливает собой право старейшинства и силу племени, что и выражается правом физического первородства предка, имеет большое значение в родовом праве и принимается совершенно в генеалогическом смысле [156].

По мнению Ч.Валиханова, казахи были народом «диким» и «невежественным», подобны детям, которые нуждаются во внимании и воспитании. Единственный путь для них - усвоение «европейского, общечеловеческого просвещения», возможно, даже усвоение христианства. Однако необходимые реформы должны учитывать «условия племенного организма, среды, климата и почвы», основываться на «неизбежных законах прогресса», а не насилии [157].

Следует отметить, что Чокан Валиханов внес большой вклад в изучение этнографии не только родного казахского народа, но также в изучение и других народов Востока, прежде всего тюркских – уйгур, киргизов и т.д. Так, в письме А.Х. Маргулана М.Е. Массону отмечено: «В начале года (*письмо датировано 1972 г. – В.И.*) вышла моя книженка «Чокан и Манас», посвященная публикации киргизского подлинника эпоса «Манас» по записи Чокана Валиханова. Киргизский подлинник долго лежал затерянным виде в архиве востоковедов в Ленинграде. Его не нашли ни П.А. Фалев, ни В.В. Бартольд, ни А.Н. Самойлович. После публикации оригинала им стали интересоваться английские востоковеды профессора Чэдвик и Хатто, которые теперь готовят английский перевод записи Валиханова с комментариями» [158].

Как отметил Г.Н. Чабров: «талантливый ученый и смелый путешественник Ч.Ч. Валиханов очень хорошо владел карандашом и кистью.

При знакомстве с художественным наследием Валиханова, поражает исключительная широта его интересов. Он успешно работал в области портрета и пейзажа. С высокой достоверностью и глубоким сочувствием к судьбе женщины делал жанровые зарисовки, изображая памятники старины и делал живые наброски животных» [159].

Таким образом, Ч.Ч. Валиханов внес весьма значительный вклад в изучение этнографии тюркских народов.

В 1850-1860 гг. в Оренбургском крае жил и работал исследователь истории и этнографии казахов Ходжа-Мухаммед-Салих Караулович Бабаджанов (1832-1871). Он окончил Оренбургский кадетский корпус, писал статьи в газеты Санкт-Петербурга, печатался в «Записках Русского географического общества» [160].

Он 11 лет прослужил в Оренбургской пограничной комиссии и вышел в отставку в 1862 г [161].

Первые публикации Бабаджанова были опубликованы в газетах Санкт-Петербурга. Впоследствии он написал довольно много научных и популярных трудов по различным аспектам этнографии казахского народа. Его перу принадлежат, в частности, такие труды как «О каменной бабе, найденной в киргизской степи», «Лошади и их испытания во внутренней киргизской орде», «Охота во внутренней киргизской орде». В своей работе «О каменной бабе, найденной в киргизской степи» Бабаджанов описывает находку в степи каменного идола в виде женской фигуры, которому простой народ сразу же стал приписывать необычные качества: «когда была найдена статуя, то явление это в глазах простодушных киргизов показалось чем то чудесным. Они даже заподозрили в истукане присутствие таинственных сил и чудесные свойства исцелять недуги» [162].

Поскольку идолопоклонство противоречит исламу, муллы сразу же начали «просветительско-разъяснительную» кампанию о том, что данное изваяние никакими особыми свойствами не обладает. Однако народ почти не внял этому: «как ни объясняли им этого и как не отвергали суеверного уважения киргизов муллы, потолковав около неё между собой, разъехались по домам, чтобы найти ей объяснение в духовных книгах. Это доказывает как низка и тверда степень знания и понятий наших ордынских законовевдов магометанской религии». Надо сказать, что для того времени это была очень смелая критика ограниченности и невежественности основной массы мусульманского духовенства степи. Защищая взгляды простого народа, оправдывая и объясняя их, Бабаджанов писал: «К несчастью, у киргизов, как у людей темных, нет иного способа дойти до истины в подобных недоразумениях, как обращаться к муллам. К ним же или к простым знахарям прибегают киргизы для излечения болезней, и вместо надлежащего пособия медицины, получают от них одно отчитывание молитвами или писанную на листке бумаги молитву или какие-либо непонятные знаки для ношения на шее больного» [163].

Бабаджанов, как истинный сын своего народа, отдал дань уважения наиболее почитаемому среди казахов животному – лошади. Он писал:

«Правильность или удовлетворительность телосложения или склада лошади признается киргизами весьма различно, смотря по роду назначения или употребления лошадей... познание лошадей составляет такую мудреную тану, такую трудную науку, которая не дается легко, и которая не всегда достигается верно, определительно и скоро.... В выборе лошади киргизы руководствуются преимущественно такими соображениями, по которым свойства лошади наиболее соответствуют её желаемому употреблению.... Так, и в настоящее время существующие киргизские лошади, то есть, их общая порода, разделяются на сорта и виды, сообразно способностям или годности их для того или другого назначения» [164].

Кроме того, Бабаджанову принадлежит очень интересный очерк по поводу охоты, где он очень точно характеризует цели и назначение охоты на волков: «Несмотря на немногочисленность волков, киргизы крепко их недолюбливают, но ловят их... не ради охотничьей прихоти и даже не с целью добычи их шкур, а единственно для сохранения своего скота» [165]. Иными словами, М.С. Бабаджанов очень точно отмечает, что казахи как этнос ведут очень экологичный вид хозяйства и взаимоотношения с окружающей средой, и даже волков истребляют только по крайней необходимости, когда те начинают сильно угрожать стадам.

Несмотря на то, что большая часть казахского этноса вела кочевое скотоводческое хозяйство, все же определенная часть активно переходила и к оседлому земледельческому типу хозяйствования, о чем писали многие исследователи. Так, ещё в 1870 г. свою статью этому посвятил Т. Сейдалин. Он писал о группе «игинчи» (пахари, хлебопашцы): «Это – полуоседлые и полукочевые киргизы..., которые доведенные бедностью и неудачами по занятию скотоводством до невозможности кочевать, отстали в разное время от кочующей массы соплеменников и обратились к исключительному занятию хлебопашеством, производя оное теперь в таком удовлетворительном размере, что у них достает хлеба, сверх собственного потребления, и на снабжение в течение известного времени года не только при-Тургайских их родичей, но и ближайших к ним Сибирских киргизов. [166].

Давая характеристику распространенному среди казахов типу скотоводческого кочевого хозяйства Сейдалин отмечает, что: «занятие киргизов скотоводством и кочевая жизнь их для поддержания последнего, является не прихотью народа, а делом самым естественным, и эта жизнь с своим пастушеством не уступит места оседлости с земледельчеством до тех пор, пока с естественным приращением киргизского населения не почувствуется крайняя теснота, вместо прежнего простора в степи» [167].

Иными словами, Сейдалин полагает, что в конечном итоге переход к оседло-земледельческому типу хозяйства неизбежен и естественен, дело лишь во временном, пространственном и демографическом факторах. Необходимо отметить, что по таким своим характеристикам как полнота истории возникновения и утверждения земледелия в Казахстане, описание различных способов обработки земли, характеристика орудий труда, особенностей

ирригации и т.д. данная статья представляет собой довольно уникальное явление в дореволюционной казахской этнографии. Библиограф А.Е. Алекторов написал о ней, что она «написана весьма обстоятельно и заслуживает полнейшего внимания» [168].

Определенный вклад в развитие казахской этнографии внес и султан Мухаммед Галий Тяукин (1813-1894), известный как первый этнический казах – выпускник Азиатского отделения Оренбургского кадетского корпуса. Тяукин был офицером, за отличное усердие в поимке двух уголовных преступников в 1836 г. произведен в зауряд-сотники [169].

Он был тесно связан с РГО, с Вольным экономическим обществом, Казанским музеем древностей и этнографии. Он собирал предметы, представляющие этнографическую ценность, неоднократно писал справки, записки, научные и популярные статьи по этнографии казахов [170].

В «Записке М.Г. Тяукина о хозяйстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской степи» очень познавательно описывается жилище казахов: «Для помещения своего, ордынцы устраивают на земле кибитки из деревянных решеток, обтянутых снаружи кошмами, которые защищают от холода и непогоды. Кибитки - эти круглые, в диаметре от трех до шести сажень, смотря по состоянию хозяина, а вышиной от двух до трех сажень, кверху от половины суживаются и представляют вид конуса, на самой середине внутри для тепла и приготовления пищи раскладывается огонь, и при этом случае для выхода дыма вверху делается отверстие, которое по миновании надобности в особенности на ночь закрывается. В кибитке помещается все семейство, все вещи, посуда и съестные припасы. Домашняя утварь ордынцев простая, для варения пищи они имеют чугунные казаны, деревянные чашки и ложки, приобретаемые на линии покупкой, а для содержания воды, кумыса, молока - сабы и турсыки, которые ордынцы делают сами из шкур, снятых с зарезанного скота» [171].

Кроме того, в указанной статье описываются все главные виды крупного рогатого скота, а также даются интересные сведения об охоте, рыболовстве, земледелии.

В 1854 г. Тяукин отправил в распоряжение Оренбургской пограничной комиссии набор казахской национальной одежды, мужской и женской. Мужская и женская одежда состояли из двух комплектов: более дорогих («высшего достоинства») и менее дорогих («обыкновенного достоинства»). Так, в дорогой мужской комплект входили – шуба лисья (95 руб. серебром), суконный кафтан, обшитый золотым галуном (55 руб. серебром), лисий малахай с золотым галуном (45 руб. серебром), ергак из жеребьячьих черных шкур (40 руб. серебром) и т.д. В дорогой женский комплект входили – головной убор-саукеле с разными украшениями, серебряными вызолоченными камнями и жемчугом, с шелковой материей с золотым или серебряным позументом (600 руб. серебром), бархатный кафтан с золотым галуном (100 руб. серебром), лисья шуба (95 руб. серебром), рубаха из разноцветного шелка, обложенная галуном золотым или серебряным (50 руб.

серебром) и т.д. Кроме 4 комплектов одежды Тяукиным были направлены также предметы быта: кибитка из белой кошмы (300 руб. серебром), сабаяк, в роде небольшого стола, украшенный костями (10 руб. серебром), саба – посуда для кумыса из лошадиной шкуры (5 руб. серебром) и т.д. [172].

Важную роль в развитии этнографии казахского народа сыграл Оренбургский отдел РГО, учрежденный в 1868 г. Программа работы его этнографического отделения «по важности поставленных в ней задач в деле изучения Оренбургского края, по полноте, с которой она изложена, признана общим собранием вполне соответствующею целям Географического общества и современным знаниям этнографических особенностей народностей, населяющих Оренбургский край» [173].

Членами отдела были такие выдающиеся казахские этнографы как И. Алтынсарин, Б. Даулбаев, С.А. Джантюрин, Т. Сейдалин.

Во второй половине XIX в. наряду с Оренбургским отделом РГО активную работу по развитию этнографии казахского народа также ведут и другие отделы, подотделы и отделения РГО (Омский, Семипалатинский, Сырдарьинский, Туркестанский), а также такие организации как Областные статистические комитеты, Ученая архивная комиссия в Оренбурге (опубликовавшая 34 книги своих «Трудов»), отделения Российского общества востоковедения в Центральной Азии, Туркестанский кружок любителей археологии [174].

В деятельности всех этих организаций самое активное участие принимали казахские исследователи.

Близким другом Ч.Ч. Валиханова был действительный член Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии И.И. Ибрагимов (1841-1891). Знаток восточных языков, он служил в канцелярии Туркестанского генерал-губернатора в качестве переводчика. В 1870-1878 гг. был редактором «Туркестанской областной газеты» («Туркистон вилояти газетаси»), с 1878 г. – и.о. старшего чиновника по дипломатической части при генерал-губернаторе. И.И. Ибрагимов известен как автор статей по этнографии народов Центральной Азии, в том числе – казахов. Первая из них была опубликована на страницах «Туркестанских ведомостей». Это были записи 103 казахских пословиц, собранных И.И. Ибрагимовым в степи Сибирского ведомства [175].

В 1871 г. исследователь опубликовал 10 загадок и отгадок, записанных им во время поездок по кочевьям казахов Старшего жуза [176].

В 1872 г. исследователь опубликовал статью «Этнографические очерки киргизского народа». В ней он описал быт, нравы и обычаи казахского народа, в характере которого он видел многие светлые черты. И.И. Ибрагимов отмечает: «киргизы очень гостеприимны, каждого гостя принимают радушно и убеждены, что гость посылается от бога. Отказать богом посланному гостю значит навлечь на себя гнев божий. На этом основании каждый киргиз богат ли он, или беден, принимает и угощает гостя чем только может, так как все киргизы, богатые и бедные, летом питаются одним только молоком (лошади, овцы, коровы и козы), только для гостя

забивают барана. Ведя самый простой образ жизни, употребляя простую пищу, проводя большую часть времени на свежем воздухе, киргизы постоянно крепки, сильны и здоровы. Они легко переносят голод, жару и стужу. Киргиз употребляет мясную пищу. Всякий киргиз, отправляясь в путь, привязывает к седлу своему мешок, наполненный куртотом, дорогой он размачивает его кусками в воде и утоляет им голод и жажду. Другого рода киргизский сыр называется иримшик, он сладок, употребляется как лакомство, и вываривается из овечьего или козлиного молока. Но самое обыкновенное кушанье киргизов называется бешбармак (ет – мясо по-казахски)» [177].

Описывая обычаи похорон и поминок, он пишет: «Киргизы стараются хоронить своих покойников ближе к могилам своих предков и на возвышенных местах для того, чтобы каждый проезжающий увидев могилу, мог прочесть молитву, очищающую покойника от грехов» [178].

В одной из статей «Поминки – ас» И.И. Ибрагимов описал поминки (ас) по мужчинам – одно из характерных мероприятий казахского народа. Попутно он привел некоторые сведения об охоте с ястребами и соколами на уток, гусей и перепелов, а также сведения об охоте на волков и с борзыми собаками на лисиц. В очерке содержались тексты нескольких казахских песен, а также загадок. Описаны имевшие место в процессе поминок состязания певцов и борцов, скачки [179].

Таким образом, известный знаток быта и духовности казахского этноса И.И. Ибрагимов внес существенный вклад в становление казахской этнографии.

В 1873 г. статский советник, член-сотрудник Императорского РГО и действительный член Оренбургского отдела ИРГО Мир Салих Бекчурин опубликовал статью «Туркестанская область», в которой привел интересные историко-этнографические данные о казахах. Он писал: «В окрестностях Чимкурмана кочуют киргизы разных родов, приблизительно в количестве 10 тысяч кибиток. Они занимаются скотоводством и отчасти хлебопашеством. Вообще все здешнее население делится на оседлое и кочевое... Киргизы составляют почти половину всего населения этой страны. В прежнее время они поступали в войска эмира Бухарского за полное содержание, особенно за хороший сярпай (подарок с головы до ног), но при всем том никогда не были преданными слугами» [180].

В своей статье Бекчурин останавливается также на особенностях налогообложения в степи: «зекет определялся по числу голов скота, каждый туземец, занимающийся скотоводством, платил с 100 баранов одного и с 10 верблюдов тоже одного барана. С лошадей и крупного рогатого скота зекет не взимался. Киргизы, кочующие в Джизакском округе, близ Чимкурмана, кроме зекета и хараджа, платили ещё по одной тенге (20 копеек серебром) на содержание хакима Чимкурмана, а богатые в пользу Джизакского бека, а также с каждой кибитки по одному барану» [181].

Интересные с этнографической точки зрения работы И. Алтынсарина: «Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского

ведомства» и «Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства», где приведены очень любопытные данные. Так, по И.Алтынсарину, казахи обычно не женятся на дочерях своих одноотделенцев, допуская к этому только однородцев, которые состоят к семейству невесты не ближе восьмого колена [182].

Труды казахского исследователя были высоко оценены его коллегами по Оренбургскому отделу РГО, которые сказали так: «Живость, с которой рассказаны все условия и подробности брака в среде киргизских кочевников, верность рассказа с действительностью и, наконец, литературные достоинства языка, по мнению общего собрания, делают статью г. Алтынсарина ценным приобретением по части этнографии киргиз, бытовая жизнь которых до сих пор ещё мало исследована» [183].

В 1881 г. Бийбит Даулбаев опубликовал интересную статью «Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год», за которую был удостоен серебряной медали РГО. Он был вторым (после вышеупомянутого М.С. Бабаджанова) и последним казахом, удостоенным этой высокой научной награды. О себе Б. Даулбаев писал следующее: «Родители мои, будучи весьма бедного состояния и крайне затрудняясь в содержании своего семейства, меня, как одного старшего, отдали в работники линейным кителям. Снискивая т.о. пропитание своим родителям, я убедился, что все мои труды далеко не могут поправить нашего состояния. Между тем заметил, что люди знающие грамоте снискивают как для себя, так и для семейства своего весьма достаточное содержание, поэтому в досужное от работ время и занялся изучением русской грамоты и благодаря моим способностям и более усердию в короткое время выучился читать-писать по-русски, после чего, оставив прежние мои занятия, я принял на себя обязанность письмоводителя..., наконец, занялся изучением татарской грамоты и успел усовершенствоваться и в оном» [184].

В своей вышеназванной статье Б. Даулбаев дает описание многих традиционных казахских обычаев и обрядов, многие из которых отражают характерные особенности именно кочевого быта. Так, ранее «если умерший пользовался в своем роде каким-нибудь особым почетом..., то ставили на память о нем длинную киргизскую пику, к концу которой пришивался кусок какой-либо материи, около аршина длиною. Эту пику во время перекочевки держала жена или дочь умершего; так делалось до годовых поминок. После годовых поминок, по окончании церемоний к жене умершего собирались ближайшие родственники, один из родственников, взяв пику с флагом, переламывал её на две части. Потом родственники мужа после нескольких утешительных слов, если жена покойного была молода, предлагали ей добровольный выбор себе жениха, притом непременно из ближайших родственников покойного мужа, а в случае несогласия её брали насильно» [185].

В своей статье Б. Даулбаев дает очень подробное описание традиционного казахского национального костюма: «Обыкновенная одежда киргиз среднего состояния состояла из следующих частей: кафтан (шекпен),

который приготавливался из бараньей и верблюжьей шерсти; купа, которая делалась тоже из бараньей или верблюжьей жабаги; жаргак, делавшийся из шкуры жеребенка; бухарский халат. Богатые носили, и то только во время лета, рубахи и штаны (жегде и дамбал), приготавливавшиеся преимущественно из бухарской бязи. Жегде носили с открытою полою, в роде халата. Сапоги шились из русской болгары красного цвета, с высокими подборами; шили их свои сапожники итекчи. Бедные же носили тогда сапоги из сыромятной кожи. Шапок в старину во время лета, большею частью не носили, а носили колпак, скатанный из белой бараньей шерсти. Шубы тон шились из овчины, а шаровары (шалбар) из козьих шкур. Как шубы, так и чалбары красились желтоватой краской из корней тумар-буяу. Во время зимы носили на голове малахай (тымак), люди бедные и среднего состояния из овчин молодых барашков, а богатые из лисьей шкуры. Мужчины подпоясывались косою (кальа) к поясу, с правой стороны привешивались кожаная сумка для ножа и бритвы» [186].

В 1883 г. А. Джантюрин опубликовал статью «Очерки киргизского коневодства», в которой подчеркивается та совершенно особая роль коня в хозяйственно-экономической и социально-культурной жизни казахского этноса: «В киргизском хозяйстве коневодству принадлежит самое почетное место, как по количеству его и ценности, так и по служебному назначению. Киргиз без лошади немислим. Как бы много не было других родов скота, но если нет лошадей, то такой человек не считается богатым и не пользуется почетом в народе» [187].

Джантюрин дает объективную оценку казахской лошади, защищает её от несправедливых нападок малосведущих людей: «Неосновательно высказываемое другими мнение, что киргизская лошадь слабосильна, неспособна к тяжелой работе, при этом зла и не поддается выездки в упряжи. Последнее мнение имело место 20-30 лет назад, но в отношении лошадей настоящего времени (*т.е. 80-х гг. XIX в. – В.И.*) оно неверно. Что же касается силы и способности киргизских лошадей к тяжелой работе, то это вне всякого сомнения и доказано на опыте» [188].

Уделив особое внимание именно лошади, Джантюрин отмечает, что и к другим родам скота казахи относятся с не меньшим почтением: «Скотоводство составляет главный, лучше сказать единственный источник благосостояния киргизов. В свою очередь киргиз любит скот, заботится о нем более, чем о самом себе и можно сказать живет для него, он согласен целую неделю не есть, и горевать об этом не будет, лишь бы скот его не голодал. Если один день он заметит, что скот его не сыт, то это причинит ему гораздо больше огорчения, чем целые недели собственного его голодания. И это понятно, скот доставляет киргизу все, благодаря ему он сыт, одет, имеет жилище и все нужное в его неприхотливой жизни. Ничего же другого земля его не производит и сам он ничего более не знает» [189].

В том же 1883 г. вышла статья Иш Мухаммеда Букина «Физическое и умственное воспитание у киргиз», в которой отмечены позитивные моменты воспитания казахских детей. Букин писал, что «основа воспитания детей у

них состоит в исполнении всех преданий и обычаев, какие употреблялись киргизами с давних пор. Эти предания и обряды так укоренились среди киргиз, что обратились в законы для них, нарушать которые большое преступление» [190].

Надо отметить, что сами особенности кочевого образа жизни накладывали свой отпечаток на формирование личности молодого казаха: «Когда киргизы кочуют летом, то детям бывает очень весело и приятно, потому что природа на каждом шагу меняется. Когда дети начинают говорить, родители помогают им произносить слова и целые фразы. Так, например, они заставляют детей называть разные предметы, находящиеся перед их глазами. Особенно упорно они заставляют выговаривать трудные слова» [191].

Результаты такой системы воспитания неизбежно сказываются на развитии подрастающего поколения: «Каждый киргиз и киргизка могут составить в короткое время какую-нибудь песню. Мальчик у киргиз с малых лет приучается рассказывать сказки, загадки, пословицы, петь песни. Все это, по нашему мнению, значительно содействует их умственному развитию». [192].

В 1894 г. выпускник Туркестанской учительской семинарии Х. Кустанаев в работе «Этнографические очерки киргиз Казалинского и Перовского уездов» дал подробную этнографическую характеристику казахов указанных районов: описание их физического типа, материальной культуры (жилище, одежда, украшения, пища, утварь), особенностей кочевого образа жизни, дал общую характеристику духовной культуры, обычаев, обрядов, ритуалов, нравственных качеств казахского народа [193]. Отмечая особенности хозяйственно-экономической жизни казахского этноса, Х. Кустанаев писал: «Киргизы, как и всякий пастушеский народ, зависят в своем существовании от скота. Скот доставляет материал для жилища (кибиток), одежды, пищи, а также служит предметом торговли. Отсюда весьма понятно, что киргиз должен заботиться о прокормлении своего скота. В силу этой необходимости и потребности киргизы часто принуждены переселяться с места на место, то есть перекочевывать... В один из «счастливых дней», по совету стариков, все кибитки аула живо разбираются и навьючиваются на верблюдов, маленькие дети усаживаются в «кебеджу» - ящик, привешиваемый на спину верблюдов и всё разом двигается в путь. Блеяние овец, ржание лошадей, крик пастухов – все это сливается вместе и степь после зимней спячки как-бы пробуждается. Стада скота обыкновенно гонят впереди. Мужчины и женщины верхами сопровождают весь поезд. Юноши и девицы в самых лучших костюмах верхом носят по привольной степи, догоняя друг друга» [194].

В своей работе Х. Кустанаев специально останавливается на таком важном для традиций, культуры, ментальности казахского этноса явлении как гостеприимство: «Киргизы в высшей степени гостеприимны. Гость – это «Божий гость» (құдай – қонақ) и отказать ему в приеме значило бы нарушить священное обычаем милосердие и быть в презрении у своих одноаульцев.

Кибитки киргиз всегда открыты странникам, ищущим приюта и гостеприимства. Приютить и накормить странника составляет не только долг, но и честь для киргиза» [195].

Важным элементом духовной культуры казахского этноса всегда были народная музыка и песенное творчество: «киргизы в вечерние часы находят большое удовольствие в песнях. В каждом ауле можно найти «думбру» - двухструнный инструмент, под аккомпанемент которого киргизы поют свои песни. Сидя в кружке и притаив дыхание, слушают киргизы песни о славных батырах старого времени. Песни эти трогают их за сердца, будят в них бодрость, отвагу и заставляют забыть и горе, и печаль» [196].

Также специально останавливается Х. Кустанаев на социальном положении женщины в казахском обществе: «На киргизской женщине лежит очень много обязанностей. Она завалена домашними работами, она шьёт одежду домочадцам, доит скот, навьючивает и развьючивает верблюдов и т.д. Но, несмотря на такое положение, киргизская женщина пользуется, как мы видели, широкой свободой. Она не закрывает своего лица от посторонних и отличается непринуждённостью в обращении с ними. Женщина беспрепятственно допускается в общество мужчин, принимает участие во всех народных увеселениях, шутит, поёт песни, нисколько не стесняясь ни соплеменников, ни чужеземцев» [197].

Иными словами, мы можем видеть, что социальное положение казахской женщины в значительной мере отличалось от положения женщин других мусульманских этносов, прежде всего – оседлых (узбеки, таджики, уйгуры и т.д.). Сама специфика скотоводческого хозяйства и кочевого образа жизни препятствовали развитию таких социальных институтов как женское затворничество, изоляция полов друг от друга, как в трудовой, так и в досуговой сфере и т.д.

2.2 Отражение культуры и быта казахского народа в трудах дореволюционных казахских исследователей XIX в.

В начале XX в. некоторые казахские авторы (М.Н. Бекимов, Косшугулов и т.д.) посвятили свои научные и популярные труды анализу происхождения самого термина «казах» [198].

В дискуссии столкнулись между собою многие точки зрения, часть из которых, с научной точки зрения, представляет интерес до сих пор. Ряд интересных этнографических материалов конца XIX – начала XX вв. принадлежит перу известного казахского этнографа М. Н. Бекимова. В 1905 г. он опубликовал статью «Свадебные обряды киргизов Уральской области». В данной статье отмечается, например, обычай сватовства у казахов: «Киргиз, который берет на себя обязанность переговорщика при сватовстве, называется «бтуажа». Как только приехал «бтуажа» и сообщил об условиях, какой назначается калым, то отец жениха, или сам жених, собирает своих одноаульцев и обсуждает с ними вопрос – сватать ему, или нет. После этого едет отец жениха с несколькими киргизами в аул своего нового свата. По

приезде их устраивают «той» (пир). После той читают молитву (бата) о согласии их быть сватами и объявляют, что такая-то девушка (произносят её имя и отчество) помолвлена за такого-то (произносят имя жениха). Приехавшему свату делают подарки (кийит). Обыкновенно не оставляют без кийита никого из лиц, сопровождающих свата. Получив кийит, состоящий из скота или халатов, едут обратно. Вслед за ними приезжают за калымом» [199].

М.Н. Бекимов в 1911 г. опубликовал в книге «Средняя Азия», в разделе «Этнографические материалы» казахскую сказку о животных, в которой явно просматриваются антропоморфные черты. Тупой и жестокий бий изображен в виде льва, хитрый – в виде лисицы [200].

То есть, в народных сказках отражался вековой опыт народа, и в иносказательной форме давалась критика существовавших порядков.

Одним из наиболее выдающихся исследователей этнографии казахского народа в конце XIX – начале XX вв. был Абубекр Ахмеджанович Диваев – один из великолепнейших знатоков языка, культуры, быта, обычаев, традиций казахов, почти полвека отдавший научной деятельности. «А.А. Диваев собирал, записывал, систематизировал, излагал и печатал свои исторические и этнографические материалы из жизни киргизов. Благодаря многолетним трудам А.А. Диваева, этнологи, историки, филологи, краеведы получили возможность ознакомиться со многими сторонами жизни и быта казахского народа. Им было собрано множество сказок, басен, пословиц и поговорок, поверий, заклинаний, былины такие как «Кобланды-Батыр», «Мирза Эдиге батыр», «Камбар-батыр», «Шура-батыр», «Бикет-батыр», поэма «Алпамыс-батыр», поэма о Кенисаре и Наурызбае, демонологические рассказы «Баксы», «Албасты», «Шайтан искунитель» и др.» [201].

Для того, чтобы понять, какого уровня ученым был А.А. Диваев, достаточно назвать хотя бы некоторые научные сообщества, членом которых он был: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Российское общество востоковедов, Сырдарьинский областной статистический комитет, Туркестанский кружок любителей археологии, Общество естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Общество археологии, истории и этнографии при Самарском университете и т.д. Научные заслуги А.А. Диваева были высоко оценены научной общественностью. Он получил диплом историко-филологического факультета Казанского университета, диплом Общества естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Большую золотую медаль Туркестанской сельскохозяйственной, художественной и научной выставки 1909 года за «весьма ценные в научном отношении и всесторонне этнографические исследования быта казах-киргизов», приветственный адрес от Петроградского кружка тюркологов, монголистов и маньчжуроведов. На данном адресе стояли подписи таких выдающихся ученых как академики В.В. Радлов и В.В. Бартольд, профессора В.А. Гордлевский, А.Н. Самойлович и др [202].

Значительная часть этнографических работ А.А.Диваева посвящена изучению семейно-бытовых отношений и обрядов. Этой теме посвящены его статьи: «Казак – киргизы Туркестана», «Киргизские колыбельные песни», «К вопросу о наречении имени у киргизов», «Как киргизы развлекают детей», «Древние игры киргизской молодежи» и др. Эти работы на наш взгляд, отличаются детальностью изложения обычаев и обрядов, сопровождаются текстами ритуальных песен, причитаний. В очерке о свадебном ритуале киргизов Сырдарьинской области А.А.Диваев описал порядок сватовства, размер калыма, тайный приезд жениха, обряд бракосочетания и другие свадебные обряды. В этом очерке автор приводит текст свадебных песен «Ауджар» и «Беташар». В комментариях к очерку приводится точка зрения автора на калым, сообщается об отношении женщин к сватам, о количестве и размере подарков жениха женщинам аула [203].

Большое количество работ А.А. Диваева посвящено изучению верований казахского народа. При этом его интересовал не ислам, а древние верования, прочно державшиеся среди казахского населения. В статье «Баксы в жизни киргиза» он указал роль и место казахских шаманов в духовно- религиозной жизни кочевников. В ней он писал: «Что не зная причин болезней казахи верили, что они вызываются злыми силами – албасты, которые якобы вселяясь в человека, причиняют ему страдания. Изгнанием албасты занимались баксы. Баксы называются преимущественно те киргизские лекари, которые имеют сношения с духами, их можно встретить у постели больного» [204].

В 1913 г. в Москве был издан «Восточный сборник» в честь А.Н. Веселовского. В нем приводится ряд интересных в этнографическом отношении работ основоположника казахской письменной литературы Абая Кунанбаева. В стихотворении «Лето» Абай пишет: «Засучив рукава до белых локтей, девицы и молодухи раскидывают кибитки, расхаживая кокетливой походкой и перекидываясь между собой шутливыми словами. Из табуна быстро возвращается в аул довольный хозяин, по знаку которого наливают из «сабы» в миску кумыс и ставят у семейного очага одноаульцев. Старшие сидят отдельно, беседуя между собой, иногда пересмеиваясь громко и звонко.... По берегу речки скачут молодые охотники с ружьями и ястребами. Один из них уже пустил своего ястреба на стадо гусей» [205].

Абай написал также и многие другие произведения, в частности – поэм «Мазгут», «Искандер», стихотворений «Аул ночью», «Поэт», «Пожалейте меня», «Охота с орлом на лисицу», «Красота женщины» и т.д. Как отметил Н. Рамазанов: «Стихи Абая особенно привлекали слушателей. По содержанию они все взяты из жизни народа и художественны по форме» [206].

М.У. Шалекенов писал об Абае: «Абай Кунанбаев не только знал произведения поэтов-мыслителей России, Ближнего Востока, но и жизнь, быт и культуру Казахстана и Средней Азии. Интернационалистическое чувство пронизывает поэзию Абая и его «Слова назидания» («Карасоз»), в

которых поэт отмечает достоинства и узбеков, и таджиков, и туркмен, и татар, и русских и др. народов» [207].

Другим известным поэтом был Шакарим Кудайбердыулы. Он писал об этногенезе казахов: «Когда хан Озбек - потомок Джучи принял ислам, все кто был в его улусе, и предки казахов, стали называться озбеками, а когда Аз-Жанибек отделился от хана Ногая, и народ наш последовал за ним, мы стали называться киргизами и казаками» [208].

Таким образом, образование жузов по Шакариму связывается с именем Жанибек хана и эпохой династии Чингизидов в степи.

Активным собирателем казахского народного фольклора был известный впоследствии политический деятель Мустафа Чокаев. Он собирал пословицы, поговорки, народные заговоры, предания и т.д. Активными собирателями народного фольклора были и многие другие будущие деятели казахского национально-освободительного движения: Ахмет Байтурсынов, Миржакуп Дулатов, Алимхан Ермеков, Магжан Жумабаев, Кошмагамбет Кеменгеров, Жумахан Кудерин и т.д. [209].

Как отмечает известный среднеазиатский исследователь Германов В.А.: « В эмиграции он становится лидером тюркской диаспоры. Он выступил как просветитель, как глашатай древнейшей и богатейшей культуры и истории народов Средней Азии и Казахстана, пропагандистом трудов гениальных ученых – энциклопедистов Центральной Азии. Знаток русской литературы, поклонник Пушкина и Достоевского, внимательный читатель трудов русских востоковедов Тураева, Бартольда, Миллера, Левшина, Потанина, глубокий почитатель гуманизма и демократичности передовой интеллигенции России Мустафа Чокаев никогда не отождествлял царских карателей и послеоктябрьских палачей с русским народом» [210].

В эмиграции в течение более двух десятилетий М.Чокаев издавал и редактировал ряд периодических изданий, среди которых журнал «Новый Туркестан», издававшийся в Стамбуле, «Жас Туркестан», вышедший в свет в Берлине, содействовал публикации вестников Русского Императорского общества «Азиатское ревю», продолжавших выходить на английском языке в Лондоне, на французском – в Париже и на польском – в Варшаве. Его статьи, представляющие собой исторические, этнографические и политические обзоры, посвященные тюркским народам, печатались в Стамбуле, Лондоне, Париже, Берлине, на турецком, английском, французском, немецком языках в оригинале, так как он одинаково блистательно умел на них выражать свои мысли» [211].

Сегодня, в условиях крепнущего суверенитетного историографического мышления в новых тюркских государствах, образовавшиеся на развалинах бывшего СССР, исторические, этнографические сочинения М.Чокаева обретают новый смысл. Изучение его богатейшего научного наследия и творческой биографии является на наш взгляд, настоятельной необходимостью, неотъемлемым элементом создания новой историографической доктрины современного тюркского государства.

Немало ценных этнографических сведений о казахском народе содержатся в трудах М. Дулатова, одного из ярчайших представителей казахской национальной интеллигенции. Так, например, М. Дулатов писал в своем очерке «Прежняя жизнь киргизского народа»: «Вот рядами расположились аулы по берегам озера. Как очаровательны были эти белые юрты! Привязанные жеребята богатых людей лежат на зеленом ковре. Люди и животные наслаждались как в раю земном... Рождается ли ребенок, выдают ли замуж или женится джигит – устраиваются «той» и «байга». Какие удивительные поминки справляются по покойникам, известным в народе своими достоинствами! Когда заколют барана, жеребенка и пьют кумыс, тогда только между собравшимися гостями завязываются веселые разговоры». Он также является автором очерков «Киргизские земли», «Тоска», повести «Бахытсыз Джемал» [212].

В 1927 г. вышла в свет работа известного государственного и общественного деятеля Туркестана Т. Рыскулова «Казахстан», в котором описываются традиции и обычаи, образ жизни, быт, культура, религиозные верования, жилище казахов. Так, например, он пишет: «Казахи обладают развитой памятью, восприимчивостью и общительностью». Далее он останавливается на социальном положении казахской женщины в обществе. «Казахские женщины играют большую роль в хозяйстве казахов, неся всю внутреннюю домашнюю работу и помогая мужу в уходе за скотом и в полеводстве. Казахские женщины не закрывают лица, как женщины у остальных народов, и во взаимоотношениях полов у казахов существует большая свобода». Также он описывает жилище казахов: «Живут казахи в главной массе еще в юртах (жилище конусообразной формы, состоящее из деревянного решетчатого остова и покрытое войлоком), которые можно разбирать и переносить с места на место. Юрта - типичная форма жилья у кочевника. Отопляют юрту внутри или кизяком (тезек) или дровами. В середине юрты чаще ставится передвижной очаг, а пища варится в котлах». Т. Рыскулов дает описание традиционной пищи кочевников: «Пищей служат у казахов большей частью скотоводческие продукты, но уже в районах земледельческо-скотоводческих начинают больше употребляться и продукты сельского хозяйства (земледелия). Из скотоводческих продуктов чаще всего употребляются: мясо, молоко, сыр, кумыс, а из сельскохозяйственных продуктов: просо, хлеб» [213].

Весьма значительный вклад в развитии этнографической науки в Казахстане внес известный казахский исследователь, историк, экономист, литературовед, один из ярких лидеров «Алашского движения», депутат I Государственной Думы, активный участник многих научно-исследовательских экспедиций А.Н.Бокейхан. В одной из своих ранних литературно-этнографических работ он, в частности, писал: «Обширное пространство и страшная своей бедной непривлекательностью и почти недоступностью для непривычных к ней незнакомцев, киргизская степь помогала своим сынам долгое время сохранять в неприкосновенности и первоначальной чистоте национальный характер и обособленный народный

облик. Огражденные матерью – степью от постороннего влияния, киргизы сохранили обычаи, привычки и своеобразный образ жизниномада. Но та же родная степь, нередко являясь мачехой, сплотила киргизов в одну общую и крепко связанную в своих интересах в борьбе с окружающей суровой природой нацию. Она является огромной общиной, подразделенной на жузы и ру, но связанной одним общим адатом (обычное право), заставляющим все жузы и ру подчиняться установившимся общим порядкам. Ни один из этих родов не отказывается от подчинения, кроме своего родового частного урана боевой клич общенародному «Алаш», обязывающему каждого киргиза беспрекословно идти на помощь обиженному собрату, забывая даже междоусобицу и хотя бы в виду сильного неприятеля. Эта своеобразная и интересная жизнь киргизов отразилась, как в зеркале, в их разнообразной и богатой устной поэзии» [214].

Безусловно, одной из лучших работ по казахской этнографии является научный труд «Казахи Адаевского уезда». В этой работе подробно рассматриваются различные аспекты хозяйственной жизни, быта адаевцев. Автор отмечает, что: « В других районах Казахстана верблюды, овца и рогатый скот ночуют в ауле, лошади в степи. У адаевцев, если этого требует лучшее использование пастбища, то верблюды и овцы в аул не пригоняются, а ночуют в степи, а лошади приходят к водопою, а затем угоняются на пастбище. В других районах лошади, за исключением больших табунов, никогда не видящих аулы, целый день находятся в аулах, доят кобыл. У адаевцев кумыс заменяет шубат – это тоже кумыс, но из верблюжьего молока. Помимо анализа жизни и быта адаевцев, в данной работе имеются фотографии, а в качестве приложений даны наименования волостей Адаевского уезда, родов, проживающих на этой территории, а также приведена подробная родословная рода адай [215].

Таким образом, в целом становление собственно казахской этнографии в течение многих веков, но особенно в XIX - начале XX вв., опиралось на давние исследовательские традиции, было подготовлено всем ходом этнической истории казахского народа. К отдельным недостаткам формирующейся казахской этнографии можно отнести чрезвычайное увлечение эмпиризмом (сбором фактологического материала), иногда в ущерб научно-теоретическому анализу. Необходимо отметить, что в период XIX – начала XX вв. казахская этнография накопила достаточно много эмпирического материала по этнографии казахского народа.

3 КУЛЬТУРЫ И БЫТА НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА В МАТЕРИАЛАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

3.1 Описание культуры и быта народа Туркестана в материалах зарубежных исследователей XIX в.

История исследования Центральной Азии, в том числе - история исследования казахского этноса, насчитывает многие века и большое количество сочинений. Известный среднеазиатский историограф Б.В. Лунин отмечал: «внимательный взгляд историков и этнографов и поныне продолжает извлекать по крупицам данные к характеристике хозяйственных занятий, общественного устройства, верований, обрядов и обычаев населения Средней Азии, содержащиеся в письменных источниках древности, начиная с канонических текстов «Авесты» и таких эпиграфических памятников, как клинописные надписи Ахеменидов, ... известия греческих и римских авторов..., армянских, сирийских, китайских, индийских и других... Сюда же примыкают известия об Иране и Средней Азии европейских путешественников, странствующих монахов, дипломатов и купцов XIII-XV веков (Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Марко Поло, Рюи Гонзалес де Клавихо и другие)... западноевропейских ученых XVI-XIX веков... среди которых выделяются публикации Бёрнса, Вамбери, Вуда, ... Дженкинсона ... Мейендорфа, ... Олуфсена, ... Свена Гедина, Скайлера,... Уйвальфи» [216].

На наш взгляд, Б.В. Лунин является одним из крупнейших историографов региона, и его характеристики, верно, отражают роль и значение названных им исследователей.

Папа Римский Иннокентий IV в 1245 г. отправил миссию во главе с итальянцем Джованни де Плано Карпини в Монголию. Основной её целью, стратегической задачей было узнать, не удастся ли обратить тюрок и монголов в католицизм. Карпини перешел через юг Руси, север Хорезма и казахские земли (Семиречье, Тарбагатай), оставив подробное описание. Сочинение Карпини неоднократно издавалось на русском языке в XVIII-XIX вв. В 1253-1255 г. почти тем же путем, что и Карпини, прошел другой посланник папы и французского короля Людовика IX - Гильом де Рубрук, также оставивший подробное описание своего пути. В частности, Рубруку принадлежит интересное замечание по поводу наличия у зажиточных тюрок постоянных жилищ: тюрки «выстраивают... для своих богачей... кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится» [217].

В России труды Рубрука впервые были опубликованы в 1911 г., но во французских переводах они были известны давно [218].

Описывая быт тюркских народов Марко Поло отмечал: «Татары не имеют постоянных жилищ; с наступлением зимы они отправляются в более теплые страны искать там пастбища для своего скота, и в продолжение двух или трех месяцев постоянно подвигаются дальше, потому что на одном месте нельзя найти травы в достаточном количестве, чтобы все лето прокормить их многочисленные стада. Хижины или палатки татар состоят из шестов, обтянутых войлоком, и их очень легко складывать, так как они совершенно круглы; татары, во время своих перекочевок, везут их на больших, четырехколесных телегах и когда они хотят их раскинуть, то обращают постоянно дверьми к югу. У них есть также крытые войлоком повозки, которые везут верблюды, и где едут их жены и дети с разной домашней утварью и съестными припасами; войлок отлично предохраняет

их от дождя, так что хотя бы целый день лил дождь, но в повозке все остается сухим» [219].

Употребление М. Поло термина «татары» в данном контексте означает тюрков вообще, поскольку вплоть до XIX в. данные термины часто рассматривались как синонимы.

Характеризуя питание тюрков, Марко Поло отмечает: «Татары питаются вообще грубыми кушаньями, но особенно любят мясо и молоко; едят то, что доставляет им охота и в особенности одно маленькое животное, похожее на кролика, но они не пренебрегают и мясом лошадей, верблюдов и даже собак, если они хорошо откормлены. Они пьют кобылье молоко, приготовляя из него особый напиток, имеющий свойство и вкус вина, и называемый на их языке Хемурс. Татары способны переносить всякого рода лишения и могут целый месяц питаться мясом тех диких зверей, которых им удастся поймать. Лошади их кормятся одной травой и не нуждаются ни в ячмене, ни в овсе. Татары обыкновенно проводят по несколько дней верхом на лошади и не слезают даже на ночь» [220].

Описания Марко Поло отличаются значительными деталями и подробностями, хотя некоторые моменты и вызывают сомнения, в частности, когда он говорит об употреблении тюрками в пищу мяса собак.

В начале XIV в. другой известный итальянец Б.Пеголотти подробно описал торговый путь от устья Волги до Пекина по Казахстану, в частности, через такие пункты как Сарайчик (устье р. Урал), Отрар (у впадения Арыси в Сырдарью), Алмалык (на месте раннего поселения Хоргос под Алматы) [221].

В.В. Бартольд указывал, что «торговым путем в Китай через Среднюю Азию, несмотря на политические смуты, продолжали пользоваться и в XIV веке» [222]. Одним из свидетельств этого является т.н. «Каталонская карта», которая представляет собой не что иное, как описание торговых маршрутов из Европы в Азию через казахские степи [223].

Англичанин А.Дженкинсон, путешествовавший по казахским степям (из Астрахани по Каспию на Мангышлак, и оттуда в Хиву и Бухару) в 1558-1560 гг., упоминал «кассаков магометовой веры» (казахов-мусульман – В.И.), которые живут в степях, где нет ни городов, ни домов, Дженкинсон указывал, что это народ сильный, многочисленный. Англичанин также указал на карте расположение их кочевий [224].

Кроме того, Дженкинсон писал о казахах: «никогда не выезжают без лука, стрел и меча, будь то на соколиную охоту или для какого-нибудь другого увеселения; они очень хорошие стрелки, как будучи на коне, так и пешне. Народ этот не употребляет ни золота, ни серебра, ни иных каких-либо монет, а когда они нуждаются в одежде или в других необходимых вещах, они меняют на них скот» [225].

Говоря о гостеприимстве казахов, Дженкинсон писал: «приняв меня очень любезно, приказал хорошенько угостить меня мясом и кобыльим молоком, ибо хлеба они не употребляют, равно как и никакого другого напитка кроме воды» [226]. Дженкинсон был одним из первых европейцев,

который привел в своих записках подлинное самоназвание казахского народа, указав, что народ называется казахами (Cassack), магометовой веры. Живут они в степях, не имея ни городов, ни домов, так крепко заперев дорогу, что никакому каравану нельзя пройти [227].

В 1571 г. в Базеле была издана книга посланника Священной Римской империи в Москве Герберштейна, в которой были упомянуты казахи. Характеризуя питание казахов он отмечает: «Главное их лакомство - лошадиное молоко, от которого, по их мнению, люди делаются сильными и тучными. Они употребляют в пищу весьма многие травы, в особенности те, которые растут за Танаисом, соль употребляется очень немногими». Описывая вооружение казахов, он пишет: «Оружие их состоит в луке и стрелах; копьё у них редкость». Далее он отмечает: «Как мужчины, так и женщины носят одинаковую одежду, последние ничем не отличаются от мужчин в убранстве, кроме того, что покрывают головы льняным покрывалом и употребляют также льняные полусапожки» [228].

В 1675-1678 гг. румынский грек Н. Милеску-Спафарий проехал от Москвы до Китая через всю Сибирь. Результатом путешествия стал труд под названием «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского, лета 1675». В этой книге Милеску-Спафарий на основе литературных, архивных, опросных материалов описаны торговые и дипломатические пути от европейской части России на Среднюю Азию и Китай через казахские степи [229].

Голландец Н.К. Витзен в конце XVII в. (в 1687 г.) под названием «Новая карта севера и востока Азии и Европы» опубликовал в Голландии карту востока России (в том числе казахских степей). Автором ее являлся П.И. Годунов. Эта же карта была опубликована тем же Н.К. Витзеном в книге «Северная и Восточная Татария» в 1692 г. Кроме того, данную карту опубликовал также в Германии Г. Шлессинг под наименованием «Вновь открытая Сибирия с картой этой страны». Швед Пальмквист снял копии с карты Годунова. Как отмечал П.С. Савельев: «и до времени Петра Великого мы имели в архивах богатый запас географических и этнографических сведений, собранных месте, обо всей полосе Средней Азии, в обширном смысле взятой, от восточных берегов делийского моря, до берегов Китая; но при младенчестве нашей ученой деятельности в, то время этими сведениями могло пользоваться одно правительство, да немногие иностранные резиденты (подчеркнуто нами – В.И.), которые явно черпали свои сведения о Сибири и восточных странах не из одних рассказов, но и из письменных источников» [230].

В 1717 г. состоялся Хивинский поход князя А. Бековича-Черкасского. В нем принимали участие пленные шведы, в т.ч. - офицер Табберт, больше известный как Страленберг. После возвращения на родину он издал книгу «Северная и восточная части Европы и Азии», где описал многие народы Центральной Азии, в том числе, - казахов. Правда, многие исследователи, в частности В.Н. Татищев, были невысокого мнения о научной ценности его трудов. Татищев отмечал, что «Страленберг много лет, в Руси быв, с татарами

(с тюрками – В.И.) частое обхождение имел, но слова русские и татарские неправильно писал» [231].

В том же 1717 г. в центрально-азиатский регион был направлен итальянец Ф.Беневени. Среди его сведений есть и достаточно любопытные, например о том, что «по.... Сыр-реке (Сырдарье – В.И.) везде, можно золото сыскати» [232].

В 1720-1727 гг. по северной части Казахстана путешествовал Д.-Г. Мессершмидт, оставивший любопытные сведения по географии, истории, культуре, этнографии Казахстана, Среди материалов имеются рисунки и карты Прикаспийского края, Прииртышья, района Туркестана и т. д. Часть его записей была опубликована в 1860-ых гг. П.П. Пекарским и в 1880-ых гг. В. Радловым. В 1726 г. бельгиец Веренн издал в Брюсселе французский перевод книги Абулгази Багадур-хана «Родословное древо тюрков» («Шажара-и-тюрк»), в котором опубликованы интересные данные об этногенезе казахов [233].

В 1734 г. в петербургской газете «Примечания на ведомости» была опубликована статья анонимного (иностранныго, что следует из лексики и стилистики) автора, в которой отмечалось: «Сие известно, копь еще мало знания поныне о географии, истории и других обстоятельствах тех восточных народов находится, которые в Северной Азии под российским державством состоят... некоторые из иностранных... людей великое к тому желание показывали, чтоб о жилище и прочих обстоятельствах недавно прибывших сюда киргизских и башкирских народов обстоятельное и надежное известие получить» [234].

Анонимный автор указывает в качестве источников книги таких авторов как голландец Н. Витзен, швед Страленберг, англичанин А. Дженкинсон и т. д. Он отмечает: «Мы... сообщим, что об обоих сих народах некоторые писатели, а особливо славный амстердамский биргермейстер Николай Витзен в своей «Северной и Восточной Татарии» объявляет» [235].

Правда, следует отметить, что, говоря о происхождении казахов, Витзен произвольно отмечает их особую близость к татарам: «он называет казахов народом, братским татарам, принимая их за одну и ту же народность. Большой же частью все эти сведения Витзена о казахах основаны на легендах и имеют отрывочный характер». Но это можно простить голландцу, особенно с учётом того, термином «татары» до начала XX века в России и Европе понимали тюркские этносы вообще. Кроме того, Витзен не вполне верно и условно указывает территориальную локализацию казахского этноса: между Енисеем и Монголией [236].

В 1730-ые гг. исследованием восточных этносов Российской империи (в том числе казахов) занимался немецкий ученый Г.Я. Керр. Его роль как организатора научных исследований столь велика, что Н. И. Веселовский отмечал, что: «О требованиях науки в деле востоковедения первый заговорил у нас иностранец (подчеркнуто нами – В.И.), состоявший на русской службе. Г.Я. Керр разработал проект улучшения востоковедческих исследований. Среди предложенных им мер были следующие: 1)

систематический сбор восточных рукописей, 2) регулярное и строго научное изучение литературы Востока» 3) планомерная подготовка квалифицированных востоковедческих кадров, 4) учреждение новой Восточной Академии в России. Керр в качестве аргументации использовал апелляцию к государственным интересам. По мнению Г.Я. Керра, чиновники, получившие необходимую культурно-лингвистическую и историко-этнографическую подготовку в Восточной Академии, могли бы «ласковым обращением с пограничными восточными народами, мало-помалу смягчать их и привлекать к добровольному подданству и послушанию» [237]. Проект Г. Я. Керра показался косной царской бюрократии слишком «смелым» и «революционным», и не был принят. Как верно отмечал П. С. Савельев, «едва ли кто в Петербурге из современников Керра, кроме Байера, мог отдать справедливость его проекту, и не удивительно, что мысль его и осталась только в проекте» [238].

В начале 1740-ых гг. в казахских землях побывали английские исследователи Р.Хогг и Дж. Томпсон, оставившие достаточно подробные описания, но допустившие досадные неточности. Так, ими не были указаны крупнейшие реки региона - Амударья и Сырдарья [239].

В 1733-1743 гг. Сибирь изучал Г.Ф. Миллер, результатом чего явилось фундаментальное исследование «Описание Сибирского царства». Г.Ф. Миллер использовал в своей работе большое число российских и зарубежных (европейских и азиатских) источников, в том числе труды Абулгази Бахадур-хана, Марко Поло, Страленберга, Витзена, иезуитов Мартиния и Суснета и т.д. Исследователь отмечал, что «история соседственных азиатских народов и состояние их земель, сколько обстоятельства позволяют, есть должность Российского историко-писателя, потому что в нашей части севера еще «мало о том известно». Миллер вполне резонно отмечает недостатки многих сочинений: «В древних географических и путешественных описаниях об отдельных землях обыкновенно находится много неправды» [240].

Этнограф С.В. Бахрушин отмечал: «самой замечательной стороной «Истории Сибири» Миллера является последовательное стремление автора научным путем разрешить этногенетические вопросы... Вместо фантастической генеалогии народов, господствовавшей в течение всего XVIII века в ученой литературе... Миллер кладет в основу классификации народов научный принцип языкового сходства. Так, отличает он енисейских киргизов от живущих на бухарской границе от Яика реки к востоку киргиз - кайсаков» [241].

То есть, вопрос различения казахов и киргизов как двух разных этносов ставился уже в тот период.

Швед И. П. Фальк в 1760-1770-ые гг. побывал в Астрахани, Оренбурге, Омске, Петропавловске, Семипалатинске, казахских аулах, собрал интересные этнографические материалы, часть которых была опубликована позже в статье «Известия о Киргизской и Зюнгорской степи» [242].

В 1769 г. казахские степи посетил немец П.С. Паллас. Его работа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» была опубликована в Санкт-Петербурге в 1809 г. В ней он осветил образ жизни, быт, культуру, обычаи и обряды, жилище, одежду, пищу, верования кочевых казахов. Так, например, он так описывает образ жизни казахов: «Киргизы по обыкновению других степных азиатских народов живут в войлочных кибитках, которые от калмыцких разнятся только тем, что обыкновенно бывают гораздо больше и чище, так что в их кибитке больше 20 человек сидеть могут». Говоря о видах домашнего скота, П.С. Паллас упоминает верблюдов и лошадей. Говоря о разведении казахами верблюдов, автор отмечает: «Верблюдов они имеют гораздо меньше, а коров и того меньше по той причине, что их зимой без обыкновенного корма нельзя хорошо содержать в степи. В основном содержат двугорбых верблюдов. У богатых киргизов верблюдов доят, и сказывают, что их молоко синевато, густо и вкусом приятно» Говоря о разведении казахами лошадей, автор отмечает «Киргизские лошади мало разнятся от калмыцких, однако обыкновенно бывают ростом несколько выше» П.С. Паллас отмечает: «киргизы часто доживают до великой старости, да и престарелые бывают бодры и здоровы» Исследователь отмечает: «киргизские овцы очень велики. Они ростом выше родившегося теленка, и так толсты, что старые в хорошее время года весом бывают по четыре и по пяти пуд. Вместо хвоста носят они курдюк, который у больших баранов бывает весом от 30 до 40 фунтов, и от 20 до 30 фунтов вынимают сала из курдюка и только этим они разнятся от индейских баранов» [243].

В 1771 г. две поездки в казахские аулы совершил Х. Барданес, краткие описательные материалы, о которых были опубликованы только через полвека [244]. Х. Барданес в своих заметках, в частности, дал описание парадного национального мужского костюма, состоятельного казаха: «черные атласные шаровары, кафтан тонкого красного сукна с шёлковым кушаком, на голове шитая золотом хорошая киргизская шапка, а на бедре сабля». Кроме того, он подробно и живописно описал юрту султана: «Кибитка его была большая, разделённая завесою, посреди висел большой железный котёл с говядиной и крупами на огне, кругом стояли малые и худые ящики, на которых лежали кожаные мешки с платьями и прочее. Против входа позади котла разостлан был персидский ковер с подушкой» [245].

В 1776 г. немец И.Г. Георги совершил путешествие по Казахстану. Его работа «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», была опубликована в Санкт-Петербурге в 1776 г. В нем он описал образ жизни, быт, культуру, обычаи и обряды, жилище, одежду, пищу, верования кочевых казахов. Так, например, он пишет: «Киргизы одарены от природы изрядным разумом, любят пустоши, пышны, прокладны, ласковы, любострастны и, следовательно, не кровожадны. У них вид точно такой же милый и свободный, как у казанских татар». Надо сказать, что описания И.Г. Георги отличаются объективностью и доброжелательным интересом к казахскому народу. Отмечая ведущую роль скотоводства, он пишет: «Главное занятие

киргизов является скотоводство. Табуны их состоят из лошадей, верблюдов, рогатого скота, овец и коз. От них они получают мясо, молоко, кумыс» [246].

Очень познавательно описано основное жилище кочевых казахов: «Жилища их суть подвижные войлочные юрты, подобные башкирским, только огромное и чище. Знатные и зажиточные люди покрывают их белыми войлоками, и притом имеют особые юрты для жен, детей и для съестных припасов. Место огня сделано посередине юрты под полою вершиной крышки. Около него лежат войлоки или персидские ковры, а иногда и тюфяки. Внутренность юрты или шалаша украшена у богатых пестрыми, нередко шелковыми материями. Кругом стоят молочные мешки и сундучки, на стене висит оружие, верховая конская сбруя, наилучшее одеяние». Исследователь отмечает: «При беспечной и простой жизни, в чистом воздухе открытых своих степей, редко претерпевают они болезни, и многие бывают и на старости еще крепки». Описывая погребальные обычаи казахов, он пишет: «Могины роют неглубокие, напротив того многие набрасывают на них груды камней. Когда мужчина умрет, то самое лучшее его платье изрезают в лоскутки, и разделяют для памяти по его приятелям. Иные замечают также его юрту небольшим значком и втыкают в могилу копьё» [247].

В целом, отмечая роль и значение исследований И.Г. Георги необходимо подчеркнуть, что в его трудах содержится богатый эмпирический материал, сделаны значительные обобщения, хотя его выводы и не всегда безупречны как с точки зрения фактологии, так и методологических подходов.

В 1774 г. вышел перевод книги немца И.-Э. Фишера под названием «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием», где есть ряд интересных сведений о казахах, правда, зачастую тенденциозных и не вполне соответствующих истине. Так, Фишер полагает, что слово «казах» - не этноним, а отражение особенностей кочевого быта племен, означает не конкретный этнос, а тюркских кочевников вообще, орда которых «в набегах и разъездах может быть превосходила всегда других народов» [248].

Не вполне верно трактуется история этногенеза казахов. Фишер полагает, что все поколения, которые именуются киргизами одного происхождения и «они принадлежали к наследному уделу Шейбана-хана», который от «брата своего Батыя-хана получил их в подарок» [249].

Здесь уж совсем все перепутано: узбеки с монголами, XIII век (Батый) с XV веком (Шейбан) и т. д. Пожалуй, единственное верное с этнографической точки зрения наблюдение Фишера: то, что тюрки Южной Сибири (язычники-шаманисты) отличаются от исламизированных тюрков Средней Азии («махометанских киргиз») по своим обычаям и культуре.

В 1774-1776 гг. граверы Рот и Шлипер, опираясь на методическую помощь ученых-этнографов, стали издавать художественный журнал, иллюстрированный черно-белыми и цветными гравюрами, изображающими представителей различных этносов Российской империи в своих национальных костюмах. Всего вышло 15 номеров журнала по 5 гравюр в

каждом. В 10 выпуске под названием «Открываемая Россия, или собрание одежд всех народов, в Российской империи обретающихся» изображены три гравюры казахов (на одной - мужчины, на двух других - женщины) в красочных национальных одеяниях [250].

Во II-й половине XVIII в. в Париже вышла «Энциклопедия» Д. Дидро, в которой о казахах сказано, что их «оружие состоит из сабли, лука и пики, так как огнестрельное оружие вплоть до настоящего времени у них весьма мало употребительно» [251].

Несмотря на несомненные успехи иностранных исследователей в деле изучения этнографии казахов, следует отметить, что не все и не всегда в этом сложном деле было гладким. Еще в середине XVIII в. В.Н. Татищев отмечал, что европейские исследователи ошибочно называют представителей казахского и других тюркских (и даже нетюркских) этносов Востока и Российской империи просто татарами, а всю территорию восточнее Волги - «Великой Татарией». Сам Татищев в своей этнолингвистической классификации относил казахов к «скифской» группе, наряду с башкирами, каракалпаками, татарами, туркменами [252].

Иностранная же наука относила всех тюрок вместе с другими восточными этносами (монголами, маньчжурами и т.д.) к единой группе, называя их татарами.

Особенно наглядно заблуждения иностранных исследователей проглядывает в книге французского востоковеда Дегиня «Всеобщая история гуннов, тюрок, монголов и других западных татар» (1756-1758). «Мнение Дегиня продолжало господствовать в Западной Европе и в XIX в. Дегинь строил свою классификацию народов, руководствуясь политическим разделением народов, а не принадлежностью их к известным этнографическим группам» [253].

В 1784 г. в Париже Леклерк издал книгу под названием «История естественная, нравственная, гражданская и политическая, древней и нынешней России». Данное исследование содержало столько нелепостей и ошибок, что И. Болтин написал на него критическое опровержение в двух томах. Леклерк писал о постоянной и острой ненависти казахов к Российской империи, на что Болтин отвечал: «Киргиз-кайсаки, не быв никогда ожесточены противу России, не имели к ней и злобы» [254].

Леклерк считал кочевников дикарями и утверждал, что их надо перевоспитывать в духе культуры. Болтин полагал, что «насильственное исправление нравов опасно. Желаящему исправлять нравы должно иметь великое познание человеческого сердца» [255].

Российский исследователь полемизировал с французом не только по идеологическим вопросам, но и прямо указывал на его этнографические, географические и прочие ошибки. Например, Леклерк указывал, что Россия граничит непосредственно с Бухарским ханством и землями каракалпаков, на что Болтин указывает, что Россия не граничит с ними, так как эти народы «живут... за киргисцами» [256].

В целом, критический анализ И. Болтина был достаточно научен и объективен.

В 1787 г. Г. Л. Бакмейстер составил «Сравнительный словарь всех языков и наречий», в котором были представлены и тюркские языки, в том числе - казахский язык. Сведения по казахскому языку для этого словаря поставляли многие лица: востоковед И. П. Фальк, генерал Скалон, пастор Лютер и т.д. [257].

В 1824 г, американец Поль де Крюи в книге «Стоит ли им жить» привел пример того, как казахи издревле лечили ожоги танином, содержащимся в чайном порошке [258].

В 1825 г. немецко-французский исследователь Г.Клапрот выпустил в Парижском «Азиатском журнале» статью о казахах и казахском языке «Sur la langue kirdhiz» («Взгляд на киргизский язык»), где дал историко-этнографическую справку о казахах, французско-казахский словарь на 12 страницах, а также привел сопоставление казахского языка с турецким, татарским и монгольским языками. Описывая, образ жизни казахов, он отмечает: «Киргизы ведут в степях кочевую жизнь и устанавливают свои войлочные палатки там, где есть источники пресной воды и пастбища для скота» [259].

В 1826 г. в Париже на французском языке вышла книга барона Г. Мейендорфа под названием «Путешествие из Оренбурга в Бухарию в 1820 г.: через степи, простирающиеся на восток от моря Аральского и древнего Яксарта». Отдельные части этой книги неоднократно перепечатывались в России. Мейендорф писал о национальном характере казахского народа: «Непокоримый, воинственный, дикий, он один на коне своем пускается в середину степи, и проезжает пять или шесть сот верст с удивительной быстротой, чтоб повидаться с родственником или приятелем в другой орде-Дорогой он останавливается почти у каждого аула, рассказывает новости и уверенный в хорошем приеме, знаком ли он или незнаком с хозяевами, садится за их трапезу. Пища состоит из курта или сыру,... айрану или слегка свернувшегося овечьего молока, мяса и кумыса, которые считаются у них за большое лакомство. Он никогда не забудет тех мест, где проезжал однажды, и через несколько дней, обогащенный новыми рассказами, возвращается тем же следом домой отдыхать с женой и детьми» [260].

Описания Г. Мейендорфа носили несколько художественный характер, но также внесли свой вклад в копилку знаний мировой науки о казахском этносе.

В 1828 г. в журнале «Отечественные записки» были опубликованы мемуары бывшего французского посла Сегюра в России, в свое время сопровождавшего императрицу Екатерину Вторую в ее поездке в Тавриду. В их беседе были упомянуты и казахи. Императрица, по воспоминаниям посла, говорила: «Время не пришло ещё до сих кочующих народов, они сохранили первобытную простоту нравов; живя под своими шатрами, питаясь мясом и молоком своих стад, повинуюсь своим начальникам, которые скорее могут назваться отцами семейства, нежели господами, они должны быть

счастливы; нужды их немногочисленны и желания легко удовлетворимы; подать, состоящая в шкурках, совсем для них не тягостна» [261].

Конечно, мнение царицы, да еще переданное французским послом, не обязательно отражает истинное положение дел. Тем не менее, он также является историческим свидетельством.

В 1833 и 1835 гг. немецкий граф фон Хельмерсен совершил путешествие по Уралу и степи. Так, например, он описал картину перекочевки казахского аула. «Вереница шла прямо на нас; это был большой и, как это было видно по многочисленным стадам очень богатый аул. Он расположился на северном берегу речки, на котором через несколько минут представил самую оживленную картину степной жизни. Всадники сошли с коней, воткнули копыта в землю и погнали рассеянные стада на пастбище. Верблюды, которых немилосердно тянут за канат, проходящий через их ноздри, с криком опустили на землю и тотчас были освобождены от палаток, ковров, детей и утвари, которые они терпеливо несли на спине. Делом женщин является установить кибитки, обставить их внутри, искать сухой навоз для костра и готовить еду. Мужчины заботятся только о скотине и лошадях, и о безопасности аула; даже лошади седлаются женщинами. Они обладают в установлении кибиток чрезвычайной ловкостью. Едва вереница остановилась, как уже видишь, как поднимаются сложные деревянные остовы кибиток и, спустя 15-20 минут уже стоит просторное, сухое и теплое жилье, из крыши которого поднимается вверх облако пыли» [262].

В статье «Хива» Г.Ф. Хельмерсен также отмечает: «Киргизы кочуют у озера Айбугирь и в местностях обитаемых каракалпаками, они не очень многочисленны и главное занятие их - скотоводство» [263].

В 30-ые гг. XIX века в Казахстане отбывал ссылку польский исследователь Г.Зелинский. Впоследствии он написал поэму «Киргиз», в которой ярко и реалистично описал жизнь казахского этноса. Перевел эту поэму с польского языка и написал к ней предисловие Г. Гребенщиков, большой знаток жизни и быта Казахстана. В этой поэме, по словам автора предисловия, хорошо описан «обширный и оригинальный мир кочевника-киргиза» [264].

В XIX в. казахские степи посетил немец А. Гумбольдт. Так, например, он отмечает искусную верховую езду казахов: «Они, держась одной рукой за седло, на ходу спрыгивали с лошади и, оттолкнувшись ногами от земли, вновь вскакивали на лошадь, или, опрокинувшись назад, обрывали руками травинки. Во время поездки, да и во время приемов А. Гумбольдта угощали кумысом, любимым напитком казахов и ознакомили со способом его приготовления». А. Гумбольдт отмечает: «Киргизская степь вообще чрезвычайно однообразная; пройдя каких-нибудь 50 миль, вам кажется, что вы прошли тысячу; но народ представляет много интересного ... Киргизы принадлежат к тем немногим человеческим расам, обычаи которых в течение тысячелетий почти не изменялись» [265].

В работе «Центральная Азия», А. Гумбольдт так описывает одежду хана Букеевской орды Джангира: «на нем был широкий, распахнутый наперед

халат из синего сукна с золотым позументом по краям, надетый на такого же цвета архалук, перетянутый широким поясом, но несколько открытый на груди, где был виден вышитый серебром жилет и большая золотая, усыпанная бриллиантами медаль, пожалованная ему императором Александром. Костюм дополнялся широкими шароварами из фиолетового плиса, а на голове небольшой заостренной тюбетейкой из синего сукна, вышитый золотом и обложенной кругом внизу соболем; при выходе их дома хан надевал сверху другую подобную шапку, но более просторную, из красного бархата, которая в комнатах держалась им в руке. Он также бегло говорил по-русски, но мог еще объясняться по-персидски и арабски» [266].

Таким образом, благодаря описанию А. Гумбольдта мы можем представить себе, как выглядели богатые и знатные казахи в праздничной одежде.

В 1848-1849 гг. по Казахстану путешествовал англичанин Т.У. Аткинсон, Его описание Восточной и Западной Сибири, казахских степей вышло в Лондоне в 1858 г. Аткинсон писал о том, какое огромное воздействие на казахов оказывает искусство акынов: «Наверное, даже Гомера не слушали с большим вниманием, чем этого поэта пастухов, певшего о героическом прошлом - стоило ему начать повесть о славных битвах... как киргизы... схватились за боевые топоры» [267].

Т.У. Аткинсон неоднократно бывал в степях и оставил значительное письменное наследие, описывающее жизнь, быт, хозяйство, характер казахов. Так, он дал живописную картину перекочевки казахского аула: «Едва занялся день, как в степи все оживилось. Мужчины приводили в порядок стада. Женщины и дети убирали кибитки, и укладывали домашнюю утварь и прочее имущество. В течение трех часов успели все устроить. Мужчины скакали на лошадях, а женщины и дети на кобылах или на коровах. Подросткие мальчики и девушки ехали верхом на молодых коровах и правили ремнями, которые продеты сквозь носовой хрящ. Малые дети сидели, засунув ноги в войлочные сапоги, привязанными к седлу, наконец, младенцев уложили в мешки, висевшие по обоим бокам верблюда. Степь покрылась живыми существами на всем обозреваемом пространстве, вся эта масса медленно направлялась к горному переходу, а на горизонте появлялись все новые толпы других аулов» [268].

Благодаря описанию Аткинсона даже люди, никогда не видевшие и не знавшие образа жизни казахов, могли себе живо представить картины кочевого быта.

Поляк Б.Залесский оставил интересные записки о жизни и быте казахов, которые в 1865 г. были опубликованы в Париже на французском языке. На русском языке книга Б. Залесского опубликована в 1991 г. в Алматы. Б. Залесский пишет: «Киргиз гостеприимен. Точно так, как он не упустит случая побывать всюду, где можно наесться и напиться до отвала, так же он рад принимать гостей у себя... Когда весна благоприятна и кумыс в изобилии, любой незнакомый, лишь бы это был киргиз, может приходить на эти огромные собрания... Киргиз страстно любит говорить. Если это не

султан и не старейшина рода, то его вопросы не прекращаются... Киргиз расспрашивает обо всем... Любимым человеком, необходимым для развлечения степного общества, является сказитель. Их великое множество, и в их памяти хранится вся степная литература». Залесского порадовало обилие казахского национального дастархана: «После бесбармака идет кумыс, затем плов - еще раз баран, но приготовленный с рисом и изюмом, потом снова кумыс» [269].

В 1865 г. в журнале «Отечественные записки» вышли заметки А. Вамбери «Путешествие в Среднюю Азию». В 1867 г. они вышли в Москве в качестве отдельной книги под названием «Путешествие по Средней Азии». В этой книге исследователь отмечает разницу между казахами и киргизами: «Киргизы, настоящие киргизы, именем которых у нас ошибочно называют всех кайсаков, живут в южной части ханства между Кокандом и Сарыколем» [270].

Это свидетельствует о том, что те исследователи, которые действительно серьезно занимались этнографией региона, видели разницу между казахским и киргизским этносами.

По заданию Австро-Венгерской Академии наук Вамбери занимался сбором материалов по сопоставительному изучению финно-угорских и тюркских языков, побывал во многих районах Средней Азии. Интересны его замечания по поводу религиозности казахов. Вамбери отмечает, что для кочевника «материальное существование всегда дороже» и религия для него является «делом второстепенным». Он отмечает также многие пережитки язычества в верованиях казахов: гадание на лопаточных костях и внутренностях животных, не очень уважительное и даже ироничное отношение к пришлым муллам, большой авторитет шаманов [271].

Вамбери внес большой научный вклад в изучение тюркских этносов, в том числе - казахского. В своей работе «Тюркские народы» он писал: «Казак-киргизы, или казаки кочуют от Урала до Алтая и по Южной Сибири до Оксуса, распадаясь на Большую, Среднюю и Малую орды... По характеру это неиспорченные дети природы, по нравственным и умственным качествам они превосходят всех остальных среднеазиатских тюрков. Память у них поразительна, и умственная свежесть особенно богато раскрывается в области народной поэзии... По внешности киргизы преданы исламу, но воспоминания о шаманской вере сохраняются в полной свежести. На нравы ислам также почти не подействовал» [272].

А. Вамбери удивительным образом смог отметить общенациональное единство казахского этноса: «Живут ли они на берегах Эмбы или Аральского моря, или же в окрестностях Балхаша или Алтая - в наречиях, на которых они говорят, мало различия. Одни и те же сказки и песни, а также известные виды национальной пищи, равно как и национальные игры можно встретить повсюду и, что особенно странно, охота к путешествиям и военные тревоги часто спланивали между собою самые отдаленные племена» [273].

Это очень важное замечание А. Вамбери, свидетельствующее о том, что, несмотря на довольно сильный географический разброс и наличие

множества родоплеменных подразделений, казахский этнос в основе своей един.

Финский тюрколог Рамстедт полагал, что слово «казах» восходит к монгольскому выражению «хасаг-тэргэн», усматривая в слове «казах» его первоначальную форму [274].

Этим выражением обозначаются жилые повозки кочевников, хотя эта трактовка является результатом лингвистических натяжек. Профессор Варшавского университета Ф. Эзбер живо интересовался историей, культурой, фольклором тюркоязычных народов России. В частности, он получил в дар от известного российского исследователя В.И. Даля рукопись, написанную арабским шрифтом, которая оказалась текстом казахской песни [275].

Л. Баллюзек отмечал, что, несмотря на то, что многие обычаи, традиции, обряды, ритуалы и т.д. у разных жузов, племен и родов казахов были различными, тем не менее, боевой клич был единым: «Общий для всех киргизов без различия их юза и родов уран есть алач, употребляемый ими в деле с иными нациями: Алач-уранды каза» [276].

То есть, единство боевого клича является еще одним доказательством единства нации.

В 1875 г. немец Ф.А.Г. фон Хелльвальд опубликовал статью «Центральная Азия». В ней он описал быт, культуру, особенности кочевого образа жизни, жилище, одежду, пищу, верования кочевников. Так, например, касаясь ареала территориального обитания казахов, он отмечает: «Киргиз-кайсак все еще остается до сих пор в значительной степени абсолютным кочевником и является в таком качестве почти единственным обитателем необозримой степи. От Урала до Балхашского лимана, от Каспийского моря до Алтая - это все его родина. Территория кайсаков ограничена, то есть, на западе Уралом и проживающими там казаками от калмыков, на северо-западе и севере она граничит со страной Башкиров. Восточными соседями их являются монголы, на юге их территория простирается до ишимских степей и даже до берегов Сырдарьи». Также он отмечает особенности национального характера казахов. «Киргиз-кайсаки в высшей степени гостеприимны, так что чужестранец может спокойно спать в юрте, не боясь быть ограбленным или убитым. Его характер мягкий, покорный и доверчивый» [277].

Очень интересные этнографические сведения об узбеках приводит в своей работе «Центральная Азия» немец Ф.А.Г. фон Хелльвальд. Он отмечает, что: «сарты то есть узбеки живут в городах, довольно больших, таких как Туркестан, Чимкент, Ташкент, Коканд, Бухара, мало занимаются скотоводством, а больше торговлей, земледелием, садоводством и обнаруживают очевидную склонность к промышленной деятельности. Они самые прилежные усердные земледельцы, в историческом плане – они умелые ремесленники, а также старательные купцы» [278].

В начале 70-ых гг. XIX века по казахским степям путешествовал американец Мак-Гахан, оставивший интересные наблюдения за жизнью и

бытом казахского этноса. Он отмечал, что казахи «ведут очень оригинальный образ жизни. Три зимние месяца они проводят в глиняных жилищах на берегу какой-нибудь небольшой реки, когда же снег начинает стаивать, они поднимаются с места чтобы совершить свой ежегодный переход. Странствуют они девять месяцев, никогда не останавливаясь более трех дней на одном месте и живя все время в кибитках... Человек, незнакомый с их обычаями не найдёт ни малейшей системы в этих переходах. Но система эта тем не менее существует. Каждый род или аул следует год за годом именно по тому направлению, идя по тем же тропинкам, останавливаясь у тех же ключей, по которым шли и у которых останавливались их предки, тысячу лет тому назад, а многие аулы, зимующие всегда по соседству, каждым летом удаляются друг от друга на целые сотни верст. Эти переходы до того регулярны и точны, что можно бы заранее предсказать, где можно будет найти какой из этих кочевых аулов в любой день» [279].

Это очень интересное замечание Мак-Гахана проливает свет на секреты кочевого образа жизни, поскольку американец увидел в них скрытую от постороннего взгляда систему закономерностей.

В 1876 г. француз Ш.Е. Уйфальви де Мезе-Ковезд по заданию Министерства народного просвещения вместе со своей супругой отправился через Оренбург в научную экспедицию по казахским землям и Средней Азии, в течение которой ему удалось за два года путешествий посетить Семиречье и оседло-земледельческие районы в бассейне Сырдарьи, в том числе северо-восточное Приаралье и города Туркестан, Чимкент, Ташкент и Самарканд. На основе собранных полевых и документальных материалов он подготовил и опубликовал в 1879 г. труд «Сырдарья - Зеравшан. Страна семи рек и Западная Сибирь» В нем описываются образ жизни кочевого и оседлого населения Южного Казахстана и Жетысу, высказаны интересные суждения о типичных признаках внешнего облика кочевников-степняков, узбеков; даны колоритные и яркие описания увиденных присырдарьинских городов и их основных культурных достопримечательностей. В работе приводятся сведения об одежде, пище, жилище, кочевых казахов. Он отмечает трудовую деятельность мужчин и женщин: «Вся хозяйственная работа выполняется женщинами, мужчины с утра уходят в степь пасти скот - лошадей, верблюдов, овец. Все киргизы - мужчины, женщины и дети - прекрасные наездники, женщины ездят верхом, как мужчины» [280].

Ученый отмечает: «По своим человеческим качествам казах весел, открыт, умен, честен и очень гостеприимен. Они встречают иностранцев в своих кибитках с отменным гостеприимством» [281].

Это замечание Уйвальфи находится в полном согласии с мнением большинства ученых, неизменно подчеркивавших гостеприимность и доброжелательность казахов.

Кроме того, автор приводит ряд этнографических сведений об узбеках. Так, например, он пишет, что: « сарты (то есть узбеки - В.И.) являются самыми многочисленными жителями после казахов в Сырдарьинском

районе, их насчитывается там 158.453. Они встречаются в таких городах, как Ташкент, Аулие – Ата, Туркестан, Джизак, Чиназ, а также в селениях Икана, старого Ташкента. Сарты (то есть узбеки – В.И.) – среднего роста, кожа смуглая, под одеждой гладкая, на лице – густая растительность. Череп очень маленький, лоб средний, брови густые, нос прямой, рот средний, зубы средние и белые, лицо как правило овальной формы [282].

Американец Ю.Скайлер, обращаясь к характеристике казахской национальной кухни отмечает: «Главная пища у них баранина, а по большим праздникам они наслаждаются кониной. Национальное питье у киргизов – кобылье молоко, приведенное в брожение, кумыс – производит на пьющего возбуждающее действие, но без опьяняющих свойств. Они гостеприимны... В них живет общественное чувство, они всегда рады каким–нибудь новым известиям». Также отмечает природную сметливость казахов: «Они отличаются своею неутомимостью в езде на лошади и отчасти замечательной врожденной способностью к наблюдению всех предметов, которым окружает их местная природа; они могут видеть каким-то удивительным образом путь даже в самую темную ночь, и они никогда не заблуждаются ни в песчаной пустыне, ни в степи. Они могут измерять пространство по расстоянию, до которого доходит их голос или может видеть их глаз» [283].

Швейцарец Г. Мозер дал любопытные сведения о жизни и быте казахского этноса: «Только в безграничной степи киргиз чувствует себя счастливо и привольно, хотя в этой степи ему нередко приходится терпеть страшный холод, но зато кажется, нет в мире народа выносливее киргиза». Г. Мозер в своей книге даёт описание казахской национальной одежды: она «состоит круглый год из вышитых кожаных или бархатных шаровар, бешмета и халата, делаемого из бархата, шёлка или бумажной ткани, смотря по состоянию. Голову они бреют, прикрывая её тюрбетейкой, сверх которой надевают высокую шапку на лисьем или овечьем меху. Одежда женщины ничем не отличается от мужской, костюм замужней женщины, никогда не показывающей свои волосы, отличается огромным белым шарфом, которым окутывают голову и нижнюю часть лица» [284].

В конце XIX века казахские степи посетил немец А. Брем. Он дал очень интересный с этнографической точки зрения заметки, в частности, об особом почитании лошадей казахами: «Лошадь есть не только полезнейшее, благороднейшее и любимейшее из всех домашних животных киргиза, но представляет в глазах своего владельца символ величайшей красоты, и в то же время мерило, которым оценивается и определяется богатство или бедность. Лошадь составляет гордость юноши и девушки, мужчины или старика, молодой женщины или старухи, когда хвалят или бранят лошадь, это все равно, что хвалят или бранят всадника, удар по лошади относится не к лошади, а к её всаднику, её владельцу» [285].

В своем посмертном очерке «Жизнь на севере и на юге от полюса до экватора» А.Брем подчеркнул роль лошади в жизни казахского народа. «Без лошади киргизов нельзя себе и представить, они вырастают вместе с

жеребятами и каждый из них живет со своим конем неразлучно до самой могилы. И хотя киргиз ездит не исключительно только на лошади, хотя он умеет выездить и подчинить себе всякое животное, способное носить его, но тем не менее, лошадь остается всегда при всех обстоятельствах его главным верховым животным, любимейшим товарищем, так как все дела он справляет сидя в седле» [286].

Та роль лошади в жизни казахского этноса, которая отмечена А. Бремом, вполне согласуется с представлениями большинства исследователей о казахах как о прирожденных наездниках и великолепных пастухах.

Швед С.Гедин в конце XIX в. совершил путешествие по азиатским степям, результатом чего явилась его книга «В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан». В этой книге он отмечает, что казахи «полудикий, но способный, здоровый и добродушный народ. Они любят величать себя «кайсаками», то есть храбрецами, молодцами, довольны своей одинокой жизнью в степях, предпочитают всему на свете свободу, не любят подчиняться и презирают тех, кто живет в городах или занимается земледелием. Борьбу за существование им приходится вести тяжёлую; главным источником благосостояния служит для киргизов скот, снабжающий их и пищей, и одеждой, скудная растительность и самая земля доставляют им материал для возведения жилья, а длинные долго тлеющие корни саксаула защиту от холода. Киргизы страстно любят свою пустынную степь, где жили вольной жизнью их родичи; они находят степь прекрасной и полной прелести разнообразия, между тем как чужестранец тщетно ищет здесь, на чем бы остановить утомленный её однообразием взор» [287].

С. Гедин подробно и верно описал жизнь и быт казахов, хотя в некоторых трактовках он неправ. Так, слово «кайсак» он переводит как храбрец, хотя это всего лишь трансформация собственного имени, самоназвания казахов – «казак».

Немец Ф. Шварц в книге «Туркестан - ветка индогерманских народов» описал быт, культуру, занятия, домашние промыслы и ремесла, одежду, жилище, семейно-бытовые отношения, верования кочевых казахов. Так, например, он отмечает: «Богатство киргиз-кайсаков состоит почти исключительно из их стад, которым они обязаны питанием, одеждой, жильем, вообще всем, что им необходимо для жизни. Киргиз-кайсаки разводят следующих домашних животных: верблюдов, лошадей, овец, коз, коров, ослов и собак» [288].

Отмечая ведущую роль скотоводства в хозяйственно-культурной жизни казахского народа, исследователь, тем не менее, отмечает, что часть казахов занималась земледелием. «Они выращивают, в основном, различного вида просо, и, кроме того, ячмень и немного пшеницы. Поля киргиз-кайсаков находятся всегда вблизи их зимних пастбищ». Это важное замечание, свидетельствующее о комплексном характере казахского хозяйства. Зимой, при недостатке кормов, скоту скармливали солому, оставшуюся после обмолота злаков. Он отмечает особое гостеприимство казахов: «Киргиз гостеприимен. Он всегда угощает гостя самым лучшим, что у него есть, а

при радостных или грустных событиях в семье он целыми днями угощает всех прибывших, родственников и чужих, знакомых и незнакомых и при этом, если позволяют условия, часто выставляет невероятное количество мяса» [289].

Из исследований Шварца видна та глубина этнографического анализа и проницательность, свойственные данному автору.

3.2 Описание культуры и быта народа Туркестана в материалах зарубежных исследователей начале XX в.

В 1903-1909 гг. этнографические исследования на Мангышлаке среди казахов-адаевцев проводил немец Рихард Карутц. На основе своих наблюдений и исследований Карутц написал статью «Из Любека в Коканд», а также монографию «Среди киргизов и туркмен Мангышлака». В своих заметках немецкий исследователь описывает картины из жизни и быта казахского этноса, кратко излагает историю движения этносов Центрально-Азиатского региона с глубокой древности до завоевания Российской империей, взаимоотношений этносов в регионе. Карутц достаточно подробно описывает многие особенности быта адаевцев. Вот что он пишет о жилище: «Кибитка представляет деревянный остов, покрытый снаружи циновками и кошмами, и в свою очередь состоит из трех частей: кругообразной стены (кереге), кровельных палок (уки или унины) и дымового обруча (тангарак)» [290].

В своем фундаментальном исследовании немецкий исследователь описывает также обычаи гостеприимства казахов: «Молоко и чай - это только первое приветствие гостеприимных хозяев... при исключительном питании мясом, жиром и молоком население не только не выходит из физического равновесия, но чувствует себя необыкновенно здоровым, тесто, к которому прибавляют иногда кумыс, отчего оно скорее подымается и делается вкуснее... мы получаем к нашему чаю, который следует за кумысом, теплый и вкусный хлеб. Пекут два сорта хлеба, более толстые, лепешки «нан», и более тонкие «шёрек», и, кроме того, ещё мелкое печенье, приготовленное на бараньем жиру». «Когда чашки с мясом очищены, подается мясной навар - очень крепкий и жирный, необыкновенно вкусный... Ничего возбуждающего, никакие пряности за столом киргиза не имеют места, за исключением самого необходимого количества соли или овощей или какой либо другой приправы». Описания Р. Карутца отличаются своей точностью и внимательностью к деталям, так как он достаточно времени провел среди исследуемых им этносов. Р. Карутц отмечал хозяйственные особенности казахов-адаевцев Мангышлака: «Рогатого же скота... здесь не держат», «Кормом для скота не запасаются, что иногда ведет к значительной убыли, а иногда и к полной потере скота». Карутц отмечал также определенное значение земледелия в хозяйственно-экономической жизни адаевцев и отсутствие у них (в отличие от многих других этнографических групп казахского этноса) зимних домов - «адаевцы зимуют в юртах» [291].

Специфика работы Р. Карутца заключается еще и в том, что он писал не о казахах вообще (как многие другие исследователи), а выбрал конкретную этнографическую группу адаевцев, и подробно их описал.

В сборнике «История Казахстана в западных источниках XII-XX вв.» была помещена работа шведа И. Сванберга «Кочевой образ жизни казахов Среднего жуза в Синьцзяне с 1911 по 1949 гг.», в котором приводится ряд этнографических сведений о казахах. Он в ней осветил образ жизни, быт, культуру, хозяйство, занятия, родоплеменную структуру казахов Среднего жуза, указал места обитания, их численность. Так, например, он отмечает трудовую деятельность мужчин и женщин. «Большинство мужчин были скотоводами-малшы или койшы. Их главной обязанностью было охранять стадо, пасти и перемещать скот, но им приходилось к тому, же стерилизовать животных, заниматься стрижкой овец, резать и разделять скот и доить кобылиц. В казахском ауле преобладали женщины. Они несли ответственность за работу, как в ауле, так и внутри своей юрты. Женщины готовили еду, собирали хворост и древесину для топлива, доили коров, овец и верблюдов, заботились о детях, а также выполняли другие мелкие обязанности». Говоря о разведении баранов автор отмечает: «Казахи держали в основном курдючных баранов. Они использовались для получения молока, мяса, шерсти и изделий из кожи. Кроме того, они содержат коз ради молока. Козлы рассматривались как наиболее активные и способные для поиска хороших пастбищных зон». Говоря о казахских лошадях, он пишет: «лошадь - домашнее животное, имеющее высокий статус у казахских кочевников. Они держались в качестве верховых и транспортных животных во время длительных странствий, также их держали для получения молока и мяса, и для продажи». Что касается верблюдов, то их держали, по словам автора «в качестве транспортных животных для перевозки грузов. Во время перекочевков верблюды перевозили строительный материал для юрт» [292].

Специфической особенностью китайской (синьцзянской) группы казахского этноса является то, что она значительно дольше, чем на территории Казахстана, сохраняла свой традиционный образ жизни. Отдельные группы синьцзянских казахов до сих пор ведут кочевой и полукочевой образ жизни, что позволяет исследовать на их материале те элементы материальной и духовной культуры, которые оказались утраченными в результате массового перехода к оседлости в Казахстане.

В 1913 г. немецкий исследователь Георг Благовещенский опубликовал статью «Экономическое развитие Туркестана», в которой приводятся интересные этнографические сведения о казахах. Он в частности отмечает: «Киргиз-кайсаки занимают чрезвычайно большие территории страны. Они кочуют от Сибири до Закаспия и от Волги до Китая. Численность всех киргизов достигает 3 000 000, из которых более 1 000 000 приходится на степи» [293].

Как отмечает Георг Благовещенский «Весь центр Туркестана – области Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская и частично Семиреченская –

имеют многочисленные поселения сартов (то есть – узбеков В.И.). Язык их тюркский. Почти все оседлые народы, как и кочевники, исповедывают мусульманскую религию» [294].

Ценные историко-этнографические сведения о казахах содержатся в трудах известного французского исследователя Ж.Кастанье, или, как его называли в Туркестане – Иосиф Антонович Кастанье. Как отмечает известный среднеазиатский историограф В.А.Германов: «И.А.Кастанье родился во Франции в 1875 году, где окончил курс в тулузском лицее. Приехав в Россию, Ж.Кастанье с 1901 года жил в Оренбурге, а в 1912 году переезжает в Туркестанский край. Интересы его многогранны: археолог, этнограф, лингвист, историк. Это о нем весьма положительно вспоминал В.В.Бартольд, когда писал, что «было бы вполне возможным теперь же составить археологическую карту Туркестана, на которую впоследствии могли бы заноситься поправки и дополнения, тем более что выполнение этой работы в значительной степени подготовлено одним из недавно покинувших край исследователей. В.В.Бартольд же отмечал строгий научный подход Кастанье к сбору археологического материала, столь редкий для археологов того времени. Вот подлинное мнение по этому поводу крупнейшего ориенталиста: «Из частных собраний археологических предметов, с которыми мне удалось ознакомиться, можно упомянуть о собрании, принадлежащем И.А.Кастанье. Собрание является результатом многочисленных командировок и разъездов и хранится в полном порядке, происхождение каждого предмета точно указано» [295].

Француз И. Кастанье обратил внимание на особенности верований казахов, отличающиеся от обычного исламского комплекса оседлых тюркских народов (татар, узбеков и т.д.). И. Кастанье детально анализирует те элементы вероисповедного комплекса казахов, которые унаследованы от шаманизма, например, ритуальное жертвоприношение при болезни: «баксы, исполняя роль жреца, указывает, в какой форме должен быть совершен обряд жертвоприношения. Подойдя к скотине, он вселяет в неё нечистого духа и, обращаясь к присутствующим, говорит: «больного надо омыть кровью ягненка (или барана, или козла)». Приказав убить скотину, баксы подставляет больного под струю горячей крови, или просто окропляет ею больного и зрителей. Нередко баксы сам закалывает приносимое в жертву животное» [296].

Таким образом, Кастанье указывает, что баксы – это универсал, выполняющий духовные и лекарские функции.

В 1915 г. И. Кастанье дал подробные описания казахских национальных похоронных обрядов: «У киргизов похоронные обряды похожи на обряды татар или сартов, их сородичей по исламу, однако некоторые детали варьируют у разных племен. Это объясняется тем, что киргизы, как и все тюркские племена, в свое отдаленное время от нас исповедовали шаманство» [297].

В целом история изучения этнографии казахов исследователями дальнего зарубежья насчитывает не один век. За это время было собрано и

проработано большое количество эмпирического материала. Несмотря на недостатки, упущения, прямые фактологические ошибки, и непроверенные (подчас фантастические) сведения, все же следует признать, что зарубежные исследователи внесли серьезный вклад в изучение этнографии казахского народа. В особенности велика заслуга таких исследователей как Т. Аткинсон, А. Вамбери, С. Гедин, Р. Карутц, Мак-Гахан, Г.Ф.Миллер и т.д. Благодаря зарубежным исследователям, публиковавшим свои труды на различных языках мира (английском, немецком, французском, итальянском и т.д.) мировое сообщество получило возможность из первых рук ознакомиться с богатой этнической историей и этнографией казахского народа. Основы этнографического анализа еще в раннем средневековье заложили такие исследователи как Гильом де Рубрук, Плано де Карпини, Марко Поло и т.д. Само пробуждение интереса к тюркским народам у зарубежной этнографии свидетельствовало о том, что мировое сообщество начинало понимать, что тюрки – это важный элемент этнической картины мира. Труды зарубежных исследователей заложили основу подлинно научного исследования этнографии казахского народа и довольно объективно изложили историко-культурный мир для читателей мира.

4 НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРКЕСТАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В КРУПНЕЙШИХ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

4.1 Научная деятельность туркестанских исследователей в «Туркестанском обществе сельского хозяйства»

Завоевание Россией Средней Азии и Казахстана вызвало в обществе глубокую потребность в научном изучении Туркестанского края. Выявились

незнание этой территории в географическом, экономическом, историческом, этнографическом плане и особенно в области естествознания. Вследствие полного отсутствия в регионе каких-либо научных учреждений, их роль выполняли возникшие многочисленные научные общества, заложившие фундамент краеведческого исследования региона.

Как отмечают авторы коллективной монографии «Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России» известные узбекистанские исследователи А.А. Аминов и А.Х. Бабаходжаев:

«Существенный вклад в изучение природы и истории Средней Азии внесли местные научные общества, объединявшие в своих рядах энтузиастов – любителей и ученых специалистов. Их насчитывалось более пятнадцати. Большой след в науке оставила деятельность Туркестанского отдела Русского Географического общества, Туркестанского кружка любителей археологии, Туркестанского отдела любителей естествознания, антропологии и этнографии и др. Распространению агрономических знаний содействовало Туркестанское общество сельского хозяйства, медицинских знаний – Туркестанское, Ферганское, Закаспийское и другие общества врачей. Научно-медицинские общества помогали также открытию общественных амбулаторий для местного населения в борьбе с эпидемиями [298].

По нашему мнению, они сыграли важную роль в распространении научных знаний в Туркестане, в появлении и развитии целых научных направлений.

«Туркестанское общество сельского хозяйства», возникшее в 1885 г. (просуществовало до 1918 г.), поставило своей задачей изучить особенности сельского хозяйства края, способствовать распространению полезного для местного земледелия опыта русских земледельцев, перенесению полезных сельскохозяйственных культур на местные почвы. Деятельность общества носила массовый характер. В общество входили: известный географ, энтомолог, зоолог - В.Ф. Ошанин, И.И. Краузе - аптекарь, воспитанник Московского университета, член многих научных обществ России; заведующий Ташкентской химической лабораторией - Н.Б.Тейх; редактор газеты «Туркестанские ведомости» - Н.А.Маев[299].

Активное участие в деятельности общества принимали: крупный агроном, выдающийся пловод А.А. Дылевский; видные знатоки туркестанского земледелия: Н.Н. Александров, С.В. Понятовский, М.М. Бушуев; энтомологи: И.А. Севастьянов и Н.Г.Запрометов; практики-пчеловоды: И.А. Бржезицкий и Ф.Ф. Пospelов и др. Деятельность общества была разносторонней [300].

В результате деятельности Туркестанского общества сельского хозяйства в Средней Азии появились новые зерновые культуры: овес, яровые сорта ячменя, рожь, суходольный рис; технические культуры: хмель, сахарная свекла, американские сорта хлопка; огородные культуры: картофель, капуста, в том числе и цветная, помидоры, болгарский перец, баклажаны, красная морковь; плодовые культуры: новые промышленные сорта яблок, такие как розмарин, кальвиль, флеан, пармен и кандиль.

Знаменитый сорт яблок - воронежский апорт был выбран для селекции не менее знаменитых впоследствии алмаатинских яблок. Члены Туркестанского сельскохозяйственного общества высаживали промышленные сорта яблок, груш, вишен и раздавали местному населению черенки из своих садов, способствуя улучшению плодоводства в крае. Питомники, школьные сады, опытные сады и огороды при некоторых сельских и городских училищах являлись своеобразной школой садоводства. Местное население, заимствуя опыт русских, начинало выращивать новые сорта овощей, семена которых получало у членов общества [301].

Одним из положительных результатов деятельности Туркестанского сельскохозяйственного общества явилась организация огневой сушки плодов, которая имела большие преимущества перед старым, крайне примитивным, антисанитарным методом сушения фруктов на солнце. До завоевания Туркестана Россией здесь почти не существовало декоративного цветоводства. В горах произрастало множество цветов, но они не росли в садах местного населения. Выбор цветов был ничтожен: душистый базилик (райхон), черная красильная мальва (карагуль), ноготки, ночная красавица, бальзамины, петушки и редко — плохие сорта астр и цинний [302].

Из древесных пород наибольшее распространение имели: ива (тал), тополь (терек), вяз (карагач), шелковица (тут), а также платан (чинар). Члены общества в своих садах и питомниках культивировали новые декоративные растения, откуда они распространялись в сады, парки и скверы Ташкента и других городов. Стали выращивать алые и карминовые тюльпаны, сиреневые и голубые гиацинты, темно-красные георгины, молочно-белые нарциссы, разноцветные левкой, розы всех цветов и оттенков, прекрасные камелии, бегонии, ландыши и фиалки. Мечтая превратить Чимганскую долину в курортное место, Туркестанское общество сельского хозяйства положило там начало хвойному питомнику. Проводились работы по озеленению Никольского и Троицкого поселков [303].

Конец XIX в. ознаменовался втягиванием Туркестанского рынка в общероссийский рынок, развитием капиталистических отношений, началом процесса специализации сельского хозяйства. Рост текстильной промышленности в России, спрос на хлопковое волокно стимулировал развитие хлопководства. Второй этап деятельности Туркестанского общества сельского хозяйства связан с развитием хлопководства в крае и именем известного селекционера Р.Р.Шредера, возглавлявшего общество с 1904 по 1918 годы.

В 1870 г. в Среднюю Азию впервые завезли из Перу семена позднеспелого тонковолокнистого хлопчатника. Он назывался сийленд или приморский хлопчатник. Однако, несмотря на все свои хорошие качества, он не прижился - слишком поздно созревал и не годился для местных условий. Новый американский хлопчатник начал приносить ощутимые доходы и заинтересовал предпринимателей. Посевные площади увеличивались. Один

из пионеров хлопкового дела в Туркестане Г.И.Беляков засеял новым хлопком большой участок земли - 620 десятин. Одно из его имений располагалось в центре современного Ташкента, от площади Горького (ныне - Буюк ипак йулли) до станции метро Пушкинская. Местные хлопчатники - гузы постепенно начали вытесняться американскими сортами с высокими урожаями, длинным, прочным волокном. Департамент земледелия раздавал сортовые семена частным землевладельцам, хозяевам хлопкоочистительных заводов, текстильных фабрик. При очистке урожая на небольших кустарных заводах, скупке и перевозке семена различных сортов смешивались и в результате из них получались беспородные «заводские смеси», приспособленные к разным районам выращивания. Острая потребность в сортовых семенах для повышения урожайности, в снабжении рынка добротным волокном, дороговизна ежегодной закупки семян за границей привели к организации первых сельскохозяйственных опытных станций — Туркестанской, Андижанской, Голодностепской для улучшения хлопкового дела. В 1908-1910 годах началась планомерная селекционная работа с хлопчатником. Первый отечественный сорт - «Русский» вывел ученый-селекционер Евгений Львович Навроцкий. Впоследствии этот сорт был переименован в «Навроцкий». Дальнейшее развитие хлопководства в Средней Азии связано с именем Гавриила Семеновича Зайцева - человека - легенды, истинного подвижника науки, ученика талантливого селекционера М.М.Бушуева из Туркестанского общества сельского хозяйства, длительное время заведовавшего Голодностепской опытной станцией. Большая заслуга Туркестанского общества сельского хозяйства состояла в улучшении и дальнейшем развитии местного шелководства. Общество организовало выписку доброкачественной гены лучших пород известных шелководческих центров России и за границы и распространяло ее среди местного населения [304].

Туркестанское общество сельского хозяйства как массовая краеведческая организация внесла крупный вклад в развитие местного сельскохозяйственного производства, много сделала для его модернизации, способствовала появлению в регионе новых видов сельскохозяйственных растений, севооборотов, новых механизмов, что сыграло большую преобразующую роль в жизни среднеазиатского общества, позволило поднять рутинное сельское хозяйство Туркестана на новый уровень. Появление и выращивание новых земледельческих культур способствовало улучшению рациона и генофонда местного населения. Живая, полезная деятельность общества, направленная на подъем сельского хозяйства Туркестана, содействовала преодолению первоначального отчуждения между местным населением и русским [305].

Подобно Туркестанскому обществу сельского хозяйства, деятельность медицинских обществ, появившихся в крае, в частности, Туркестанского медицинского общества (1894 -1912 гг.), сочеталась с практической работой в гуще местного населения. Российские врачи столкнулись в Туркестане с полным отсутствием медицинского обслуживания местного населения, как в

городах, так и в кишлаках, многочисленными эпидемиями, свирепствовавшими в крае, уносившими тысячи жизней и приложили немало усилий для изучения края в медицинском отношении.

Эпидемии холеры, чумы, оспы, распространение инфекционных и кожных заболеваний явились результатом вопиющих антисанитарных условий жизни местного населения, отсутствия элементарных знаний о гигиене, недостатка чистой питьевой воды. Например, особенно сильно население Туркестана в конце XIX века страдало от распространения малярии и высокой смертности от нее, что крайне пагубно отражалось на экономике многих районов современного Узбекистана [306].

Железнодорожная станция Сырдарья некоторое время не работала, поезда проходили мимо, не останавливаясь на ней, настолько это было гиблое место. Большая заслуга передовых российских врачей Туркестанского медицинского общества (проф. П.Ф. Боровского, М.И. Слонима, А.Л. Шварца и др.) в краеведческом изучении Туркестана состояла: в познании специфики местных болезней, изучении питания, условий жизни и быта, санитарно-гигиенических условий; в естественно-географическом изучении края: предгорий, минеральных источников, грязей, пещер, климата и т.д. для организации курортов и санаториев для оздоровления населения, а также дикорастущих лекарственных растений [307]. В 1881 г. маргиланский городской врач И. Бунин на свои средства и отчасти на средства общественности выстроил и создал первый в Туркестанском крае бальнеологический курорт на сероводородных водах в ущелье Педау, в 8-9 км к юго-западу от кишлака Риштан в бывшем Кокандском уезде. И. Бунин интересовался также и джелалабадскими водами. В изданной в 1890 г. монографии «Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области» врач В.И. Кушелевский описал известные в то время хазретаюбские сернощелочные источники в ущелье Педау и соляное озеро Ак-Сыкент. Джелалабад как курорт получил известность с 1877 г., после того как андижанский уездный врач Д. Мездриков изучил хазретаюбские ключи в Андижанском уезде (ныне г. Джелалабад Республики Кыргызстан). Впервые анализ этих вод был произведен ташкентским химиком Н.Б. Тейхом. Лекарь Крылов описал арасанские минеральные источники, находящиеся в ста верстах к югу от русского укрепления Балты, пользовавшиеся известностью у местного населения по своим целительным свойствам [308].

Большую роль в оздоровлении населения сыграли организованные членами медицинских обществ Туркестана горноклиматический курорт Шахимардан (Ферганская область), бальнеологическая лечебная местность Чартак (Наманганская область), лечебные местности Чимион (Ферганская область), Чимган (Ташкентская область) и другие [309].

Уникальной была роль женщины-врача в мусульманском мире. В связи с религиозными запретами для больной женщины-узбечки или таджички исключалась возможность обращения за медицинской помощью к врачу-мужчине. В 80-90-х годах XIX века в городах и сельских местностях

Туркестанского края стали возникать женские лечебницы и медицинские пункты. Женщины-врачи Ташкентской амбулаторной лечебницы, выполняя свою основную работу, одновременно занимались краеведческим изучением города и местного населения. Совершая подворовые обходы своих пациентов, они оставили в медицинских отчетах описание улиц, домов старого города Ташкента, домашнего обихода, женской половины жилища, сведения о жизни и домашних занятиях женщин, о питании местного населения; одежде женщин, прическах и головных украшениях, развлечениях женщин: женских оркестрах и танцовщицах; а также раскрыли отношение мужа к жене, положение женщины в семье и ее отношение к своим детям [310].

4.2 Научная деятельность туркестанских исследователей в «Туркестанском кружке любителей археологии»

«Туркестанский кружок любителей археологии», возникший в 1895 г., представлял собой феномен среднеазиатского краеведения, своеобразный востоковедный центр, объединивший наиболее выдающихся людей Туркестана [311].

Благодаря деятельности Туркестанского кружка любителей археологии было положено начало развитию таких наук, как археология, история, этнография, языкознание, фольклористика, статистика и другие в Туркестанском крае. Краеведами кружка в начале XX века была составлена археологическая карта изучения Туркестана, открыта уникальная галерея наскальной живописи под открытым небом Саймалы-Таш, являющаяся выдающимся памятником древнего искусства (около 10 тысяч рисунков), найдены знаменитые Бия-найманские оссуарии, самаркандские кайраки, несторианские захоронения, собраны коллекции гемм, инталий, резных печатей, среднеазиатской керамики, уникальные нумизматические коллекции, в частности, единственная в своем роде коллекция золотых монет Сасанидов, преподнесенная в дар Императорскому Эрмитажу [312].

Как отмечает известный дореволюционный российский исследователь Н.С.Лыкошин: «Устав кружка утвержден 10 октября 1895 года. Открытие кружка состоялось 11 декабря 1895 года. В этот день создано общее собрание членов – учредителей кружка. Таким образом, в крае возникло самостоятельное археологическое учреждение, которому предстоит много работы. Только систематические, по общей для всего края программе веденные исследования, могут дать полную картину археологических сокровищ, скрытых в виде холмов и насыпей. Надо надеяться, что дружными усилиями членов нового археологического учреждения гигантский труд изучение Средней Азии и Казахстана, хотя и в продолжение многих лет, но будет выполнен» [313].

На наш взгляд, вывод Н.С.Лыкошина вполне обоснованы и правдивы с точки зрения современной действительности. Научные сотрудники Туркестанского кружка любителей археологии проделали огромную и кропотливую работу по фиксации и систематизации весьма значимых в

археологическом плане археологических памятников прошлого народов Центральной Азии.

Зачем же профессионалам-востоковедам, живущие, в основном, в Ташкенте понадобилось на исходе XX столетия объединяться в Туркестанский кружок любителей археологии. Ответ на этот вопрос в какой-то степени можно получить, внимательно изучив утвержденный 19 сентября 1895 года на основании высочайшего повеления министром народного просвещения Российской империи статс-секретарем графом Деляновым «Устав Туркестанского кружка любителей археологии» [314].

Заметьте себе, утвержденный на основании высочайшего повеления, то есть самим государем императором и самодержцем российским. Интерес к археологии – этой «науке лордов», вообще приличествующей аристократам, со стороны царствующей особы был отнюдь не случаен. Но об этом ниже. Итак, §2 указанного Устава гласит: «Деятельность Кружка состоит: а) в ознакомлении с памятниками старины, находящимися в пределах Туркестанского края; б) в описании их и нанесении на археологическую карту края; в) в охране археологических памятников; г) в производстве, с согласия владельцев, археологических раскопок, и т.д.) в обработке местных и археологических материалов для печати». Ну, а § 3 еще раз свидетельствует о серьезности придаваемой этому начинанию, поскольку весьма лаконично извещает, что «Туркестанский генерал-губернатор считается почетным председателем Кружка» [315].

Вообще же у Туркестанского кружка любителей археологии три «отца основателя», каждый из которых преследовал также сугубо личный и научный интерес. Кто вообще знает: не скрестись интерес этих незаурядных людей и, не было бы Кружка в природе. Тем более были археологи и не пожелавшие стать его членами, например, авторитетнейший в Туркестане и за его пределами В. Л. Вяткин. Наиболее известен из троих академик В. В. Бартольд. Кружку предшествовала его первая археологическая поездка 1893 – 1894 гг. в Среднюю Азию. «Неудачная» поездка – потому, что падение с лошади, перелом ноги, военный госпиталь в Ташкенте. Но, по известной поговорке, несчастье и помогло. Стремясь сделать полезное употребление из своего времени, В. В. Бартольд разработал концепцию Туркестанского кружка любителей археологии. Концепция была подсказана опытом первой археологической экспедиции. Убедившись, что он лишен необходимых качеств для работ «в поле», на своем месте в процессе кабинетной работы над уже собранными источниками, В. В. Бартольд решил, что следует организовать дело так, чтобы осуществить своеобразное разделение труда, когда провинциальные «любители археологии» собирали исторический материал, включающий в себя археологические и археографические памятники истории, а столичные историки, основываясь на новейших достижениях науки, их анализировали, интерпретировали и сводили воедино. Свое кредо он изложил так – работы, требующие книжных познаний, будут писаться преимущественно в столицах, работы, требующие непосредственного знакомства с жизнью, - в провинции. Характерно

высказывание В. В. Бартольда, рельефно высвечивающее его концепцию, сделанное в специально посвященной Кружку статье. Он пишет: «Археология, если не смотреть на нее как на вспомогательную науку для других отраслей знания, легко может обратиться в мертвое дело, способное заинтересовать только самое незначительное число лиц» [316].

Иной взгляд на концепцию Туркестанского кружка любителей археологии существовал у «патриарха туркестановедения» на выражение В.В. Бартольда, Николая Петровича Остроумова, второго из триумвирата основателей. Он заключался в том, что Туркестанский кружок любителей археологии должен заниматься познанием прошлого и настоящего, особенностей жизни и быта ее населения, прежде всего, для наиболее успешного управления вновь приобретенными владениями. Для этого в составе Кружка необходимо было объединить силы высших государственных и военных деятелей, служилой интеллигенции Туркестанского генерал-губернаторства, столичных российских ученых. Кроме того Н. П. Остроумов являлся ревностным почитателем Константина Петровича фон Кауфмана – завоевателя и устроителя Туркестанского края, восхищенным его биографом, считавшим его героем, совершившим величайший подвиг во славу Российской империи и присоединившим «древнейшие и знаменитейшие города Средней Азии, центры мусульманства». Посему он считал, что доставшееся историческое наследие, дабы его удержать, следует глубоко изучать в археологическом, этнографическом и историческом отношениях гордиться им и пропагандировать во всем мире к вящей российской славе [317].

Позиции В.В. Бартольда и Н.П. Остроумова были изложены 11 декабря 1895 года на заседании Туркестанского отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. По поводу обоих этих сообщений произошел оживленный обмен мнениями, причем по инициативе Туркестанского генерал-губернатора барона Александра Борисовича Вревского – он и есть третий, и самый облеченный властью в крае основатель – было решено сформировать в Ташкенте археологический кружок. Открытие Туркестанского кружка любителей археологии состоялось ровно через два года после описываемых событий – 11 декабря 1895 года. Торжественное заседание, посвященное основанию кружка, было открыто программной речью почетного председателя кружка барона А. Б. Вревского, в которой он изложил в качестве Туркестанского генерал-губернатора геополитическую идею ТКЛА [318].

Важной стороной научной жизни В.В.Бартольда тех лет явилось его активное участие в работе Туркестанского кружка любителей археологии, (ТКЛА), а также образованных в последующем на его базе научных объединений. К сожалению, в отечественной историографии этот аспект научной биографии ученого слабо отражен. Между тем обращение к нему позволяет охарактеризовать его творческие связи с известными российскими востоковедами, историками, археологами, этнографами, оказавшими

заметное воздействие как на формирование исторической концепции В.В.Бартольда, так и на становление национальной казахской исторической школы. Туркестанский кружок любителей археологии был создан как отмечалось выше в 1895 году в Ташкенте. Эта была специализированная в области гуманитарных наук научно-краеведческая общественная организация, своего рода исследовательский центр, который на протяжении более чем 20 лет (1895-1917 гг.) занимался изучением археологических памятников материальной культуры Туркестанского края. Членами Туркестанского края любителей археологии были представители разных профессий учителя, врачи, интересующиеся вопросами изучения историко-культурного прошлого Туркестана. Среди них можно отметить Н.П. Остроумова, В.А. Каллаура, Н.Н. Пантусова, А.А. Семенова, А.А. Диваева, Н.Г. Маллицкого, Н.С. Лыкошина, наиболее активных деятелей кружка, ставших впоследствии крупными исследователями истории Средней Азии и своими трудами снискавшие признание широкой общественности. Для деятельности Кружка особо важное значение имел тот факт, что весь период существования Кружка заботливым покровителем и наставником Туркестанского кружка любителей археологии был выдающийся знаток истории Средней Азии В.В. Бартольд [319].

Пожалуй, в истории русского краеведения это единственный пример такого постоянного, взаимного общения, дружественного и плодотворного сотрудничества с местными деятелями науки. Начиная со времени первой поездки В.В.Бартольда в Среднюю Азию (1893г) и до конца своей жизни, он не переставал живо и глубоко интересоваться состоянием, нуждами и запросами историко-краеведческой работы в Ташкенте и других городах, практически содействовал ее росту и наилучшей организации. Интерес В.В. Бартольда к изучению исторического прошлого Средней Азии вполне объясним. В.В. Бартольд лучше, чем кто-либо понимал, что территория Средней Азии, исторически и географически более близкая России, чем другие восточные страны хранит громадное множество развалин старых городов, крепостей и уникальных по своей архитектуре зданий, других ценных памятников старины, археологическое изучение которых менее доступное западноевропейским исследователям может привлечь к себе мировое внимание и внести в науку новый ценный материал по истории древнего населения, поможет воссоздать более полную и всестороннюю картину прошлого края. Подчеркивая, что история края уходит в глубь веков, В.В. Бартольд отмечал, что «серьезное изучение Туркестанского края еще находится впереди и главная роль при этой работе, по мнению В.В.Бартольда должна принадлежать местным деятелям. При непосредственном знакомстве с краем им гораздо легче определить местоположение старых городов, проверить описание торгового пути» [320].

О необходимости и взаимной пользе тесных контактов столичных научных деятелей с местными краеведами В.В.Бартольд говорил не раз и этой точки зрения твердо придерживался всю свою жизнь. Наглядным примером, свидетельством постоянного интереса В.В. Бартольда к работе

местных деятелей служит многолетняя переписка В.В. Бартольда с Н.П. Остроумовым, И.П. Пославским, В.Л. Вяткиным, В.А. Каллауром, Н.Г. Маллицким и другими туркестанскими краеведами [321].

Впервые В.В.Бартольд был командирован в Туркестан в 1893 году в качестве начальника маршрутной экспедиции с целью в дополнении к письменным известиям о прошлом страны, собрать на месте сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее, и по возможности дать краткое описание развалин городов, укреплений, причем особое внимание он должен был обратить на Чуйскую и Илийскую долину [322].

Экспедиция началась для В.В. Бартольда неудачно, из-за перелома ноги он вынужден был остаться в Аулие-Ате и потом вернуться в Ташкент. В следующем 1894 году В.В.Бартольду удалось осмотреть развалины ниже Аулие-Аты, на пути от Таласа к Чу, в Чуйской долине, в бассейне Нарына, по берегам Иссык-Куля и на реке Или. Вынужденное пребывание для В.В. Бартольда в Ташкенте зимой 1893-1894 гг. положило начало для установления дружеских контактов с местными краеведами. 3 июня 1896 года на заседании Клуба было прочитано послание В. В. Бартольда «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии», в котором он попытался, по своему обыкновению, перевести эту проблему с геополитических позиций на чисто научные, то есть в русло академической науки, отмечая, что «насколько мы можем проследить историю Средней Азии, оседлое население ее всегда принадлежало к арийскому племени, именно к иранской группе арийских народов. Была ли она колыбелью арийского племени, или арийцы пришли туда из какой-нибудь другой страны, этот вопрос до сих пор ещё остается спорным» [323].

Давая, здесь же краткий исторический очерк Средней Азии с падения Греко-Бактрии В. В. Бартольд предпринял, на наш взгляд, попытку проследить сохранившиеся веками «существенные черты арийской культуры». Вышеприведенные слова – яркое свидетельство объективного подхода В. В. Бартольда к изучению сложного и длительного процесса этнического формирования населения Средней Азии.

В 1900 году вышла в свет капитальная работа В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Этот труд для членов ТКЛА послужил своего справочником, в котором содержатся подробные, основанные на первоисточниках исторические указания на интересные в археологическом отношении местности Туркестанского края. Этот труд был особенно ценен для туркестановедов еще и тем, что на месте ощущался острый дефицит знаний по истории Средней Азии и трудно было найти ответы по местным научным вопросам. В отчете о работе Клуба за 1899 – 1902гг. отмечалось, что до выхода в свет сочинения В.В.Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» местные деятели археологии постоянно встречали затруднения в отсутствии авторитетного исследователя, касающегося Туркестана, с наступающим годом указанное затруднение устраняется, местные деятели могут находить в сочинении В.В.Бартольда необходимые для них исторические справки и разъяснения» [324].

В свою очередь члены Кружка своими работами пополняли сведения В.В. Бартольда о различных памятниках древности и сведениями об источниках средневековых авторов [325].

Поддержка В.В. Бартольдом начинаний ТКЛА нашла отражение и в ряде печатных отзывов на работы членов Кружка. С большой теплотой отозвался В.В.Бартольд на этнографические работы А.А. Диваева и в рецензии на его труд пожелал « продолжения полезного издания» [326].

Внимательно наблюдая за ходом научной работы в Средней Азии В.В. Бартольд всегда особо выделял особо способных специалистов и любителей, искренне преданных науке и создавал благоприятные условия для их работы. Все они пользовались расположением и поддержкой В.В.Бартольда и если такая необходимость возникала, делал все что было в его силах, чтобы отстаивать их интересы.

Таким образом, на протяжении более чем 20 лет существования Туркестанского кружка любителей археологии В.В. Бартольд проявлял искреннюю заботу о научно-общественной организации, оказывал научную помощь и поддержку в ее полезных, научных исследованиях по изучению исторического прошлого Туркестанского края.

По заданию Императорской Археологической комиссии в 1867 году в Туркестанский край для осмотра и исследования ряда археологических памятников старины, находящиеся в долине Сырдарьи выехал известный дореволюционный российский исследователь П.И. Лерх. По его сообщению в 22 верстах ниже форта № 1 Казалинска на левом берегу Сырдарьи расположены стены бывшего Хивинского укрепления Джанкала, имеющегося в окружности 80 сажень, вышиной же в настоящее время не более 2 сажень. В юго-восточном углу этой местности, носящей название Джанкента, возвышается неправильным четвероугольником вал, который имеет от 3 до 4 сажень в основании и на котором преимущественно на восточной стороне, сохранились еще остатки толстой стены, сложенной из комьев глины. В северо-западном углу стена была сложена из кирпича. Вал был окружен рвом в 2 сажени ширины, следы которого весьма ясно сохранились на восточной стороне. Внутренняя площадь крепости заключала в себе несколько возвышений. Раскопки, произведенные на ней в различных пунктах, не обнаружили никаких следов построек. Если здесь некогда существовали строения, то вероятно они были глиняные, следы которых изглажены временем. В ходе раскопок были найдены только черепки от глиняных сосудов и бараньи кости. Кроме того, П.И.Лерх оставил свои интересные археологические заметки о древнем городе Сауране. Как отмечает автор, здесь сохранился еще вал значительной крепости, с глиняной стеной. П.И.Лерха привлекло внимание множество холмов, которые находились на северо-западной и юго-восточной части Саурана. Раскопки велись вокруг Сауранской башни, возвышающиеся на 7 сажень над поверхностью земли. Рядом с нею на расстоянии 16 фунтов стояла еще другая башня, которая обрушилась весной 1867 года. Обе башни стояли у входа медресе, от которой уцелел фундамент передней части и

вероятно на заднем конце. Рядом с Саураном располагались кладбища казахов. Сняв копии с сохранившихся надгробных памятников, П.И. Лерх отправился в Туркестан, где занялся исследованием мечети, возведенной в 1404 году над прахом туркестанского святого Х.А. Яссави. По его свидетельству Мечеть эта самая значительная в Средней Азии. Кроме могилы святого, там находятся еще могилы правнучки Тимура Рабии Султан Бегим, дочери знаменитого астронома Улугбека, скончавшейся в 1475 году, могила Есымхана умершего в 1628 году, туркестанских шейхов – улемов, некоторых казахских султанов [327].

Не менее интересную археологическую поездку в Туркестанский край совершил патриарх «Среднеазиатской историографической школы» Н.П. Остроумов, который 18 июня 1893 года выехал в Чимкент, а 20 июня со своими спутниками направился со станции Бурджар прямо в степь, влево от почтовой дороги, ведущей в город Туркестан к большому холму, известному под именем Караул-тюбе, на вершине которого был найден господином Боронином клад. Холм этот находившийся на довольно высокой местности склона в долину реки Арыса имеет около 7 сажен высоты, а окружность основания около 130 сажен. Форма этого холма почти правильно конусообразны. Следом за ним участники экспедиции осмотрели холм Джуан-тюбе или Таяк - салды на вершине которого был найден глиняный стол. Холм Таяк – Салды нанесен на особый план, а найденный там глиняный стол привезен Н.П.Остроумовым в Ташкент и передан в музей с двумя черепами» [328].

Продолжая переписку с Императорской Археологической комиссией Н.П. Остроумов сообщил членам Туркестанского Кружка любителей археологии, что многие из туркестанских памятников старины под всеокрушающим влиянием времени, а также от расширения в крае площади земледельческой культуры постепенно разрушаются и пропадают для археологии, и поэтому необходимо в скором времени приступить к раскопкам тех курганов, разрушение которых уже началось. 3 сентября 1897 года во время своей очередной поездки в Чимкент, Н.П.Остроумов обратил внимание на памятники древности, встречающиеся по дороге Ташкент – Чимкент и его окрестностях. На станции Акджар (вторая станция от Ташкента), на берегу реки Келеса им замечены остатки обмываемого водой крепостного сооружения на одном берегу реки и два больших холма с большими насыпями около их на другом берегу. На станции Джери ясно обозначенные и хорошо сохранившиеся стены огромного крепостного вала, образующего большую котловидную впадину и открывающегося к реке Келесу на поверхности этой насыпи видны серый известняк и женный кирпич. По дороге от станции Джери к станции Шарапхана много небольших холмов, а вправо от дороги по берегу Келеса большие насыпные холмы. Около Чимкента, на берегу реки Бадам Н.П. Остроумовым были осмотрены остатки огромного земляного укрепления «Альвань-кенд», имеющего форму буквы П, открывающегося к реке, и большой неправильной формы насыпной холм, обваливающийся с двух сторон. По другую сторону реки Бадам

виднеется большой насыпной холм конусообразной формы. По дороге в селение Сайрам в 14 верстах от Чимкента, в стороне от почтового тракта, в разных местах встречаются большие и малые холмы, и кроме того, весьма длинный невысокий вал. Около самого селения находится большое земляное укрепление, известное под названием «катта-типя». И далее он сообщает, что по ту сторону от селения далее от Чимкента, находятся остатки древнего города, известные под названием «Йиляна-бузды» о котором среди народных масс сохранилось легенда. Согласно этому преданию, этот город разрушил страшный змей за несоблюдение одной женщиной данного ею змею слова не открывать секрета быстрого ее обогащения. Змей приходил к ней пить молоко и оставлял в кувшине монеты, о чем она и рассказала начальнику города. Змей разгневался и разрушил город» [329].

В заключение своего отчета Н.П. Остроумов отмечает, что все эти памятники, к сожалению, еще не до конца изучены и остаются в не поле исследования туркестанских исследователей. Также не исследованы в систематическом направлении развалины города Саурана, расположенного между Туркестаном и Чимкентом.

Очень интересные археологические сведения о древних памятниках Копальского уезда оставил не менее известный всей мировой научной общественности Н.Н. Пантусов, который 18 июня 1898 года совершил свою археологическую поездку в Туркестан. По результатам собранных им материалов он написал очень содержательную статью под заглавием «Древности Копальского уезда», где им описаны древние памятники старины Келинчек-тас, Денгек, Козы-Корпеш и Баян – Сулу, а также могилы видного казахского ученого- просветителя, демократа Ч.Ч. Валиханова. Автор статьи отмечает, что « Памятник Келинчек-тас находится на горе казачьего Карабулакского поселка, лежащего на почтовой дороге из города Верного в город Копал. Обнаруженный Н.Н. Пантусовым камень находится в 25-26 верстах по прямой дороге вверх по реке Караталу. Согласно его наблюдениям памятник Келинчек-тас стоит на ровном месте, он сохранился очень хорошо и следов каких – либо разрушений незаметно. Келинчек – тас получил свое название по изображению бурхана на этом памятнике, похожего на киргизскую девушку. Недалеко от этого памятника были обнаружены несколько камней в виде пирамиды высотой около 5 аршин» [330].

Во время своего путешествия по Туркестану Н.Н. Пантусов также осмотрел памятник Денгек. Он находится в Баскань-Саркановской волости, Лепсинского уезда близ Абакумовско-Лепсинского почтового тракта в 7-8 верстах на юго-восток от Абакумовского поселка и в 4 верстах от реки Аксу на урочище Отепсаз. Памятник этот стоит в степи на ровной местности. Вблизи его нет ни пашень, ни селений. Памятник сложен из каменных плит на глине, основание квадратное, внутри оштукатурен глиной с соломой. Денгек сложен, как говорят, во времена китайского владычества. 16 июля 1898 гогда Н.Н. Пантусов посетил памятник Козы-Корпеша и Баян-Сулу. Он находится между станциями Кызылкия и Малым Аягузом на Сергиопольско-

Верненском почтовом тракте. Памятник стоит на правом берегу реки Большой Аягузки, саженьях в 50 от берега на возвышенном месте. Все здание памятника сложено из каменных плитняков на глине. С западной стороны памятника одно окно. Внутри виден свод, он обмазан глиной. Во внутренней части могильного памятника мы находим приношения богомольцев киргизов, палки с различными тряпками и волосьями. В окрестностях имеются кочевки киргизов, все они питаются водой Аягузки» [331].

Не обошел без внимания Н.Н. Пантусов и памятник Ч.Ч. Валиханову. Он находится на левой стороне, если ехать к нему со станции Куянкуз на станцию Алтын-Эмель в верстах в 5-ти от станции Куянькузской и видна с дороги. Памятник стоит на возвышенном месте и окружена киргизскими пашнями, пересеченными множеством арыков. Памятник над могилой Ч.Ч.Валиханова состоит из 4 столбов сделанных из жженного кирпича, на которых возвышался купол. Длина сооружения 7 аршин, ширина 6 аршин, высота 4 аршина. Памятник Ч.Ч. Валиханову был сооружен по просьбе Первого туркестанского генерал- губернатора Константина Петровича фон Кауфмана за выдающиеся его заслуги перед Российским Отечеством [332].

Как отмечает известный узбекистанский исследователь В.А. Германов: « По-разному сложилась жизнь в науке у членов Туркестанского кружка любителей археологии после того, как он прекратил свое существование. Некоторые, как уже вышеупомянутый М. С. Андреев, продолжили свою деятельность и в эпоху СССР. Александр Александрович Семенов, бывший военный вице-губернатор Самаркандской области, выпускник Лазаревского института восточных языков после революционных событий 1917 года по существу возглавил создание первого в Туркестане университета, имел звание доктора исторических наук, профессора, стал академиком Академии наук Таджикистана и возглавил Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана. Бывший Ташкентский городской голова, редактор «Туркестанских ведомостей» и председатель Туркестанского отдела Русского географического общества Николай Гурьевич Маллицкий в 20-е гг. являлся профессором на кафедре этнографии восточного факультета Среднеазиатского государственного университета. В последние годы жизни ему была присуждена ученая степень доктора наук без защиты диссертации, и он одновременно являлся старшим научным сотрудником Института истории и археологии Академии наук Узбекистана. Пережившие революцию и оставшиеся в Ташкенте члены ТКЛА в 1920-е годы сгруппировались, в основном, вокруг Восточного факультета Среднеазиатского университета. Из десятков действительных и почетных членов осталось не более дюжины. [333].

Другие, как, например, Жозеф Кастанье или Шерали Лапин после октябрьского переворота эмигрировали за рубеж. Но, в целом судьбы всех переживших Российскую революцию членов ТКЛА были драматичны. Некоторые погибли с самого начала смуты. Более того советская историография была к ним пристрастна. Так, даже Б. В. Лунин, как никто другой внесший колоссальный вклад в дело воскрешения из забвения имен

большинства членов ТКЛА, несправедлив к одному из самых талантливых из них, отмеченному самим Бартольдом, прожившему короткую, чуть более 35 лет, но яркую жизнь в науке - Льву Александровичу Зимину. В своей книге Б. В. Лунин пишет: «Были и исключения. В лагерь контрреволюции перешел Зимин, оказавшийся на посту «министра» иностранных дел одного из белогвардейских «правительств»; за активную антисоветскую деятельность Зимина постигла суровая кара трудового народа» [334].

Между тем «активная антисоветская деятельность» Л.А. Зимина - миф, разоблаченный еще в 1922 году членом Учредительного собрания от Туркестана историком Вадимом Чайкиным в его многотомном исследовании «К истории Российской революции». В начале 1919 года два члена Всероссийского Учредительного собрания, один из которых был Вадим Чайкин, другой широко известный мусульманскому Востоку по работе в Туркестане и Казахстане Мустафа Чокаев прибыли в Закаспий для расследования причин «Начала и конца» закаспийской трагедии и гибели 26 Бакинских комиссаров. Среди прочего они установили тогда, что по просьбе местного населения русского и туркменского членом Закаспийского Правительства, созданного в конце 1918 года после восстания железнодорожных рабочих, недовольных террором, был избран Л.А. Зимин. Это произошло поначалу даже вопреки его желанию. Согласившись после долгих колебаний принять пост министра иностранных дел, он смог предотвратить многие случаи кровопролития. Но не смог помешать расстрелу 26 Бакинских комиссаров, факт, который, был сокрыт от него проанглийски настроенными членами правительства. Вадим Чайкин впоследствии жалел, что не смог предотвратить бессмысленную, казнь Л.А. Зимина, о которой узнал слишком поздно [335].

Многие туркестанские исследователи исследовавшие историю, этнографию, культуру и быт народов Центральной Азии относились с большим уважением к тюрским народам. Они привлекали отдельных представителей коренного населения Средней Азии к работе экспедиций и научных обществ в качестве своих помощников и как любителей старины и собирателей древности. К ним относятся, в частности, самаркандец Мирза Бухари, собравший большую археолого-нумизматическую коллекцию, часть которой вошла в собрания Государственного Эрмитажа, Мирза Барат мулла Касымов, художник – каллиограф, зарисовавший многочисленные памятники древнего Самарканда и окрестностей, изготовивший рукописный чертеж медресе Улугбека и переведший с таджикского на узбекский язык «Самарийя» Абу Тохир Ходжи и др. Самаркандец Мирза Мулла Абдар-Рахман, участник искандеркульской экспедиции А.Л. Куна, вел дневник, в котором зафиксированы данные о наскальных и надгробных надписях, обнаруженных в основном в районах Фальгара и Матча. Ташкентец Акрам – Палван Аскарлов, будучи спутником и помощником востоковеда профессора Н.И. Веселовского в его поездках по Туркестану, собрал большую коллекцию древностей (свыше 15.000 одних только монет). Аскарлов за

заслуги перед археологией был награжден серебрянной медалью Русского археологического общества» [336].

4.3 Научная деятельность туркестанских исследователей в Туркестанском Отделе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и в Туркестанском Отделе Русского Географического общества

Деятельность Туркестанского Отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии выражается в заседаниях, устройстве публичных чтений, составлении коллекций, устройстве местного музея, зоологического и ботанического сада, научных учреждений по предметам своих занятий и в заведывании этими учреждениями в выставках, экскурсиях, экспедициях и вообще трудах по различным направлениям, находящим в области естествознания, антропологии и этнографии. Предметы занятий Отдела антропологии составляют: 1) Изучение населения края в антропологическом и анатомическом отношении, собрание и описание местных коллекций черепов и скелетов. 2) Раскопка похоронных курганов и описание находимых в ней остатков. 3) Составление антропологической библиотеки. 4) Составление коллекций фотографий и склепок, имеющих антропологическое значение. 5) Собрание предметов и разработка вопросов, относящиеся к доисторической жизни человека. 6) Пополнение собираемыми коллекциями Антропологического музея Московского университета. Предмет занятий Отдела по этнографии составляют: 1) Образование местного этнографического музея и при нем библиотеки. 2) Пополнение Московского этнографического музея. 3) Этнографическое изучение Туркестанского края, домусульманских верований, обычаев, традиций, поверий, преданий. 4) Составление и издание этнографической карты Туркестанского края. 5) Издание своих этнографических трудов [337].

Действительными членами Туркестанского Отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии были Н.А.Маев первый редактор газеты «Туркестанские ведомости», И.И.Ибрагимов, А.А.Семенов, Н.Г.Маллицкий и др. На организованной по просьбе туркестанского генерал – губернатора Константина Петровича фон Кауфмана этнографической выставке в Москве в 1871 году были предметы следующие экспонаты: предметы домашнего обихода народов Центральной Азии, в частности казахов и узбеков, переносное жилище кочевников, различная посуда и другие принадлежности домашнего быта. Одежда и украшения казахов и узбеков. Оружие, седла, повозки, упряжь и конская сбруя. Предметы домашних, религиозных, общественных и домашних обрядов. Музыкальные инструменты. Игрушки и детские вещи. Монеты, фотографии: архитектурные виды, картины из жизни кочевого и оседлого населения народов Центральной Азии, в частности казахов и узбеков. На представленных на выставке картинах и акварелях изображена сцена трудовой деятельности народов Центральной Азии, их быт и культура,

повседневная жизнь казахов и узбеков, пляски бачей, несколько базарных сцен и.т.д. [338].

На заседании Туркестанского Отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии от 22 марта 1871 года был заслушан доклад Н.А. Маева «Очерк из жизни киргизского народа», составленных И.И.Ибрагимовым, который провел 10 лет среди киргиз Большой орды и собрал большое количество этнографических материалов. Прочитанные очерки заключали подробное описание рождения, обручения и женитьбы киргиз» [339].

Члены этого Отделения внесли большой вклад в изучение казахского этноса, особенно его южных групп – от Каспия и Арала до Алтая.

В 1897 году в столице края начал действовать Туркестанский отдел Русского Географического общества (ТОРГО), ставший одним из самых деятельных объединений краевой интеллигенции. Позже в советское время ТОРГО был преобразован в Среднеазиатский Отдел Русского Географического общества, который возглавил выдающийся среднеазиатский исследователь археологических памятников народов Средней Азии и Казахстана М.Е.Массон. В сферу интересов названных объединений, входили вопросы истории, археологии, нумизматики, этнографии, эпиграфии, а также собирания, изучение и публикации восточных рукописей. Одной из плодотворных форм их работы явились научные сообщения членов общества. В том числе не раз с обстоятельными докладами выступал М.Тынышпаев. Так, с горячим интересом было воспринято на заседании Туркестанского Отдела Русского Географического общества, состоявшемся в январе 1927 года, выступление М.Тынышпаевым на тему: « Предание о казахском хане Тауке и батыре его Алдияре», которое он записал в Лепсинском уезде со слов Дайржана Арапова – потомка Алдияра в 7 колене. В своем выступлении М.Тынышпаев привел многие неизвестные ранее сведения об этих исторических личностях, о взаимоотношении казахов и каракалпаков на рубеже XVII – XVIII вв. Любопытно и другое, составив на основе предания родословную Алдияра, М.Тынышпаев установил, что сын Алдияра – Куат батыр спас в местности Теректы у реки Боролдай Чимкентского уезда 25 – дневного мальчика Тасбулата, который стал его предком в 5 колене» [340].

Столь же заинтересовано было воспринято выступление М.Тынышпаева на заседании секции этнографии и археологии Среднеазиатского Отдела Русского Географического общества от 2 марта 1928 года, посвященное описанию «Развалин города Илан-Балыка». В своем сообщении ученый, опираясь на информационно насыщенный документальный материал, доказал, что древний город Илан-Балык находится между Алтын-Эмельским перевалом и рекой Или». О многогранной научной деятельности М.Тынышпаева, его неустанной поисковой работе, нацеленной на пополнении знаний об истории и духовном наследии казахского народа, свидетельствует обнаруженное нами в Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан его дружественное письмо известному

востоковеду А.А.Семенову. Автор письма по служебным делам побывал в Жетысу, где обнаружил следы древнего пребывания казахов. На основе увиденного он сообщал: « Жетысу в археологическом отношении чрезвычайно богат и изобилует археологическими памятниками. В частности, в письме отмечалось, что здесь находятся тысячи могильных курганов, древнейшие оросительные системы, развалины древних крепостей. Их раскопки, по мысли М.Тынышпаева могли бы открыть многое и тем самым пролить свет в неизвестное прошлое жизни казахов» [341].

Таким образом, научные поиски туркестанских исследователей содействовали существенному углублению исторических знаний о прошлом народов Центральной Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Казахи издавна имели тесные политические, экономические и культурные связи с народами Центральной Азии – узбеками, туркменами, каракалпаками, кыргызами и таджиками. Об этом свидетельствуют письменные, фольклорные, археологические и этнографические материалы.

В XVIII веке народы Центральной Азии находились в довольно тесных хозяйственно - культурных связях. Представители оседлых народов нуждались в тягловом скоте, продуктах животноводства и скотоводческом сырье, поставляемых им кочевниками – скотоводами, последние в свою очередь не могли обходиться без продукции земледелия.

Территориальное соседство казахов с народами Туркестана, постоянные экономические и культурные связи между ними, привели выработке многих общих черт в материальной и духовной культуре.

Истоки духовной близости казахов и узбеков восходят к глубокой древности. Взаимоотношения народов Центральной Азии имеют многовековую и богатую историю. Живя на едином экономическом пространстве народы Центральной Азии, сумели внести достойный вклад в мировую цивилизацию. В нынешних условиях суверенного развития народы Центральной Азии не могут успешно развиваться изолированно. Поэтому народы Центральной Азии нуждаются во взаимоотношениях в политическом, экономическом, культурном и духовном плане. Такая интеграция является закономерным явлением для каждого народа.

Как отмечает Заслуженный деятель науки Республики Узбекистан д.и.н., профессор Х. Зияев: «Казахи и узбеки испокон веков живут под одним небом, пьют воду из одной реки и находятся в кровных родственных отношениях. Одним словом, казахи и узбеки являются ветвью одного могучего дерева [342].

На наш взгляд, известный узбекистанский исследователь Х.Зияев абсолютно прав в своей данной взвешанной оценке. Безусловно, казахов и узбеков объединяют друг с другом общие исторические корни, общая судьба, история, вера и т.д.

Глубокая взаимосвязь с народами Центральной Азии на протяжении всей многовековой истории их развития нашло отражение в духовной культуре этих народов и прежде всего, в фольклоре.

Это на наш взгляд, совершенно ясно видно при анализе фольклора различных тюркских народов (казахов, узбеков, каракалпаков, туркмен и т.д.), где мы обнаруживаем удивительное сходство сюжетных линий героев.

В своем труде «К вопросу о взаимоотношениях казахских племен с оседлым и полуоседлым населением Хорезма в XVIII-XIX вв.» У.Х. Шалекенов отметил историко-культурные основы близости народов Приаральского региона. В частности «чрезвычайно богато было устно-поэтическое творчество узбекского, казахского и каракалпакского народов; оно имело у этих народов много общих черт и широко было известно в степях и в среде оседлого населения. Собранные нами этнографические

материалы свидетельствуют о том, что казахские сказители (жырау, бахсы) наряду с казахским эпосом прекрасно исполняли узбекские, туркменские и каракалпакские народные песни, предания, легенды, а также произведения великих шаиров (поэтов): Алишера Навои, Махтумкули, Бердаха, Кунходжи и других» [343].

Общность культуры, быта, духовной жизни казахского и узбекского народов ярко отражена в народных сказках, волшебных, фантастических, бытовых, сказках о животных и т.д.

Так, например, в своей статье «Некоторые особенности казахской волшебной сказки» С.А.Каскабасов сумел верно, отразить этнокультурные связи казахских сказок со сказками других тюркских народов (узбеков, туркмен, киргизов, башкир), что подчеркивает этнокультурное единство этих этносов, и их общее происхождение» [344].

Говоря о казахском сказочном фольклоре, следует особо выделить рассказы о ловком обманщике Косе, или Алдаркосе. «Косе» значит безбородый и безусый человек, в народном представлении эта примета почему-то связывается с особенной хитростью, лукавством, изворотливостью. Стоит напомнить, что Алдаркосе обычно обманывает мулл, баев, купцов, но никогда – простой народ. Напротив он, как и другой восточный герой - Ходжа Насреддин – всегда выступает на стороне слабых и обиженных» [345].

Как отмечает С.Мадуанов «все расширяющиеся культурные связи казахов и узбеков, наложили отпечаток и на их песенное творчество. В частности, казахские и узбекские обрядовые песни мало чем отличаются друг от друга. Свадебные песни «Жар-жар» у казахов и «Яр-яр» у узбеков – наглядное доказательство духовного родства казахов и узбеков. В бескрайних просторах казахской степи, издавна распевались и узбекские лирические поэмы о «Тахире и Зухре», «Фархаде и Ширине», полные гуманизма и стремления к свободе» [346].

Как отмечает С. Бизаков в своей работе «Ветви одного могучего дерева» «Великий мыслитель Алишер Навои постоянно воспевал дружбу народов, призывал к согласию и братству. Корни дружбы узбеков и казахов уходят своими истоками в глубокую древность. Мы имеем общую тысячелетнюю историю, единую культуру и традиции, язык и веру, общую землю и воду. Как казахи, так и узбеки ценят юмор, шутку, увлекательный рассказ, ораторское искусство. Учитывая ценный вклад, внесенный в укрепление дружбы между узбеками и казахами, в 1994 году известному узбекскому писателю Насыру Фазылову Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев вручил награду «Мира и духовного согласия» [347].

В сказках, пословицах, поговорках казахов и узбеков отражены духовно-нравственные и культурные ценности, бережливое отношение к труду, сила и единство, быт и культура обоих братских народов.

Таким образом, все сказанное свидетельствует о давних и многообразных связях и взаимовлияния духовной культуры казахов и

узбеков. Это результат их этнокультурной и духовной близости друг с другом.

Иными словами, два народа, благодаря активным действиям глав своих государств, подняли экономику и создали свои государства. Мы надеемся, что близкие по своим историческим судьбам два народа и в дальнейшем не прекратят свои тесные взаимоотношения.

За свою долгую и многовековую историю казахи и узбеки смогли достойно сохранить свою национальную самобытность и всесторонне развили духовную культуру.

Согласно договоренности двух президентов братских Республик Казахстана и Узбекистана Назарбаева Н.А. и Мирзияева Ш.М. 2018 год был объявлен Годом Узбекистана в Казахстане, а 2019 год Годом Казахстана в Узбекистане. Безусловно этот весьма значимый факт будет способствовать дальнейшему укреплению экономических, культурных и духовных связей между двумя братскими народами казахами и узбеками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания / Казахстанская правда. 12 апреля 2017 г.
2. Назарбаев Н.А. Семь граней Великой степи. / Казахстанская правда. 21 ноября 2018 г.
3. Горизонты национальной истории (Развитие исторической науки в Эру Независимости). Коллективная монография под ред. Б. Аягана. – Астана: ТОО «Дэме», 2018. – 379 с.
4. Андреев И.Г. Описание киргиз-кайсаков Средней орды. Алматы, 1998.
5. Григорьев В.В. Россия и Азия // Сборник исследований и статей по истории, этнографии, написанное в разное время. – СПб., 1861; Григорьев В.В. Об отношении между кочевыми народами. – СПб., 1875г.
6. Веселовский Н.И. Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве до настоящего времени. – СПб., 1877; Мейер Л.Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – СПб., 1876; Макшеев А.И. Путешествие по киргизским степям Туркестанского края. – СПб., 1896; Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. – Ташкент, 1889.
7. Н.А.Северцев Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. – СПб., 1873; Краснов А.Н. Очерки быта семиреченских киргиз // Туркестанский сборник Том 258. СПб., 1879; Пашино П.И. Туркестанский край. // Туркестанский сборник Том 16. СПб., 1869г; Костенко Л.Ф. Туркестанский край. – СПб., 1887.
8. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк // Туркестанский сборник Том 520. Ташкент, 1909.
9. Мадуанов С. История казахско-узбекских отношений в XIX – начале XX вв. Туркестан, 1992, Шалекенов М.У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII – XX вв. Алматы, 1995.
10. Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношения народов Каракалпакстана в XVIII – XX вв. Ташкент, 1966.
11. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата: Наука, 1966.
12. Джунусбаев С.М. Социально – экономическое положение Казахстана в конце XIX – начале XX вв // Поиск № 1 (2) Алматы, 2005. – С.198.
13. Там же. – С. 199.
14. Исмаилов А.И. Страницы русских исследователей в Казахстане (XIX – начале XX вв). Алматы, 2004. – С.238.
15. Там же. – С. 239.
16. Там же. – С. 240.
17. Джунусбаев С.М. Социально – экономическое положение Казахстана в конце XIX – начале XX вв // Поиск № 1 (2) Алматы, 2005. – С.200.

18. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казастана к России. Москва, 1957. – С. 26.
19. Джунусбаев С.М. Социально – экономическое положение Казахстана в конце XIX – начале XX вв // Поиск № 1 (2) Алматы, 2005. – С.201.
20. Галузо П.Г. Земделие казахского и киргизского крестьянства Семиречья во второй половине XIX века // Вопросы истории Казахстана. Ученые записки КазГУ. Серия историческая. Том 14. Алма-Ата, 1978. Выпуск 12. – С. 125.
21. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казастана к России. Москва, 1957. – С. 168.
22. Там же. – С. 173.
23. Там же. – С. 175.
24. Кауман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903. – С.168.
25. Джунусбаев С.М. Социально – экономическое положение Казахстана в конце XIX – начале XX вв // Поиск № 1 (2) Алматы, 2005. – С.202.
26. Там же. – С. 203.
27. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казастана к России. Москва, 1957. – С. 202.
28. Там же. С. – 208.
29. Там же. С – 209.
30. Тулеуова Б.Т. Центральный Казахстан и его место в экономике и культуре Евразийского региона во второй половине XIX – начале XX вв // Проблемы истории и этнологии Казахстана. Материалы региональной научно – теоретической конференции « 10 лет суверенного Казахстана: история и перспективы развития» Караганда, 2001. – С. 108.
31. Джунусбаев С.М. Социально – экономическое положение Казахстана в конце XIX – начале XX вв // Поиск № 1 (2) Алматы, 2005. – С.204.
32. Там же. – С. 205.
33. Бижанов М. Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алма-Ата, 1968.
34. Новлянская М.Г. И.И. Кирилов - географ XVIII в. - М - Л., 1964. - С. 96. Кирилов И.И. Цветущее состояние Всероссийского государства. - СПб, 1831.
35. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1789. –С.154.
36. Ерофеева И.В. Вопросы истории Казахстана второй половины XVIII в. в трудах участников академических экспедиций 1768-1774 гг. // Известия АН КазССР. - Серия общественных наук. - 1979. - № 1. - С. 150.
37. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Под ред П.А.Кунте, С.Д.Асфендиарова – Алматы: Қазақстан, 1998. - Т. 2. - С. 152.
38. Там же. –С. 158.
39. Радлов В. Из Сибири.- М., 1989. - С. 252.

40. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 80.
41. Спасский Г. И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сибирский вестник. - СПб., 1820. - Часть 10. - С.183.
42. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. - Ташкент, 1900. - С. 104.
43. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. - СПб., 1832. - Ч. 3. - С. 170.
44. Там же. –С. 178.
45. Даль В.И. Бикей и Мауляна // Библиотека для чтения. - СПб., 1836. - Т. 16. - С. 171.
46. Ханыков Я.В. Очерк состояния Внутренней киргизской орды // Записки РГО. - СПб., 1849. - Книга 1, 2. - С. 144.
47. Иванин М. Поездка на полуостров Мангышлак // Записки РГО. - СПб., 1849. - Книга 1.
48. Там же. –С. 347.
49. Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое описание земли киргиз-казаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. - СПб, 1848. - С. 74-75.
50. Данилевский Г.И. Описание Хивинского ханства // Записки ИРГО. - СПб, 1851. - Кн.5. - С. 93.
51. Грен А. Форт № 1 (Казала). Аральская флотилия, русские поселения и долина Айгерик // Инженерный журнал. - СПб., 1862. - № 2. - С. 62.
52. Косач Г.Г. Ибрагим Алтынсарин: человек в потоке времени // Вестник Евразии. -1998. - № 1-2 (4-5). - С. 123-124.
53. Иванин М. Пути в Средней Азии и перевозочные средства // Военный сборник. - СПб., 1869. - № 8. - С. 287.
54. Маев Н.А. Путеводитель от Санкт-Петербурга до Ташкента // Туркестанский сборник. - СПб., 1869. - Т. 24. - С.9.
55. Там же. – С. 10.
56. Арендаренко Г.А. Из Ходжента // Туркестанский сборник Том 2. СПб., 1869. – С. 56.
57. Там же. – С. 59.
58. М.Граменицкий Степь Сибирских киргизов // Туркестанский сборник Том 25. – СПб., 1870. – С. 125.
59. Лобысевич Ф. Тургайская область и ее устройство // Военный сборник. - СПб., 1871. - № 7. - С.128.
60. Иванин М. Дельта Амударьи // Материалы для статистики Туркестанского края. - СПб., 1873. - Выпуск II. - С.36.
61. Маев Н.А. Очерки Гиссарского бекства // Материалы для статистики Туркестанского края. - СПб., 1879. - Вып. 5. - С. 23.
62. Потто В. О степных походах // Туркестанский сборник Том 32. СПб., 1871. – С. 245.
63. Потто В. Из путевых заметок по степи // Военный сборник. - СПб., 1877. - № 11. - С.165.

64. Там же. –С. 189.
65. Там же. – С. 201.
66. Вогак С. Киргизская лошадь // Военный сборник. – СПб., 1873. -№9 -С.87.
67. Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области // Русский вестник. - СПб., 1880. - Т. 146. - С. 820.
68. Зеланд Н. Киргизы. Этнологический очерк // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. - Омск, 1885. - Книга 7. - Выпуск 2. - С. 22-23.
69. Миропиев М. Демонологические рассказы киргизов // Записки ИРГО по отделению этнографии. - СПб, 1888. – С.165.
70. Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. - Ташкент, 1889. - Т. 1. - С. 8.
71. Февралев Н. Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи от Калы-Ванч до Керки // Военный Сборник. - СПб., 1895. - № 10. - С. 427.
72. Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Известия ИРГО. - СПб., 1893. - Т. 34. - Вып. 1. - С. 525.
73. Полторацкий З.П. Общий обзор страны, лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сырдарьей // Туркестанский сборник Том 16. СПб., 1869. –С.323.
74. Венюков М. Этнографическая карта Азиатской России // Туркестанский сборник Том 56 СПб., 1873. –С. 353.
75. Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. - 1894. - Вып 3 и 4. - С. 405.
76. Ю.Южаков Наши приобретения в Средней Азии // Туркестанский сборник Том 54. СПб., 1873. – С. 56.
77. Там же. – С. 59.
78. Васильев М.В. Киргизы Малой Орды // Туркестанский сборник Том 89. СПб., 1874. –С. 284-285.
79. Там же. – С.286.
80. Макшеев А.И. Географические, этнографические и статистические материалы // Туркестанский сборник Том 112. СПб., 1875г. –С.119-120.
81. Д.Д.Семенов Туркестанский край // Туркестанский сборник Том 406 СПб., 1883. – С. 129-130.
82. Васильев Н.В. Кочевники Туркестана. Самарканд, 1890. – С.7.
83. Современные этнические процессы в СССР. – Москва, Наука, 1975. - С. 41. Под ред. С.А.Токарева.
84. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / Соч. - М., 1968. - Т. 5. - С. 189.
85. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана / Соч. - М., 1963. - Т. 2. - Ч. 1. - С. 295.

86. Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство. - СПб., 1898. - № 8. - С.83-84.
87. Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан. В сборнике литературных трудов. - СПб., 1897. - Т.1. - С. 81; - С. 450.
88. Альбрандт Я. Букеевская орда // Вокруг света. - СПб., 1898. - № 47.
89. Там же. – С. 813.
90. Там же. – С. 814.
91. Аничков И. Очерки жизни Северного Туркестана. – Ташкент, 1899. - С. 32.
92. Герн В. фон. Характер и нравы казахов (этнографические заметки). - Караганда: Номад и К°, 1995. - С. 6.
93. Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. - Ташкент, 1901. - С. 36.
94. Семенов П.П. Краины России: Сибирь, Туркестан, Кавказ. СПб., 1900. – С. 128-129.
95. Там же. – С. 130.
96. Там же. – С. 132.
97. Там же. – С. 135.
98. Абаза К.К. Завоевание Туркестана. СПб., 1902. – С. 52.
99. Там же. – С. 56.
100. Обручев Н.А. Коневодство в Тургайской области // Военный сборник № 3 СПб., 1903. – С. 118.
101. Там же. – С. 120.
102. Шкапский О.А. Киргизы – крестьяне (Из жизни Семиречья) // Известия ИРГО. - СПб, 1905. - Т. 11. - Вып. 1. - С. 765.
103. Инфантьев П.П. Этнографические рассказы из жизни татар, киргизов, калмыков, башкир, вогулов и самоедов. - СПб., 1909. - С. 2-3.
104. Добросмыслов А.И. Этнографические очерки // Туркестанский сборник. - Ташкент, 1909. - Т. 520. - С. 158.
105. Обручев Н.А. В киргизской степи // Туркестанский сборник Том 522 Ташкент, 1909. –С. 119-120.
106. Акмолинская область // Туркестанский сборник Том 505. Ташкент, 1909. – С. 70.
107. Калмаков Н. Некоторые семейные обычаи киргизов северных уездов Сырдарьинской области // Кауфманский сборник. - Москва, 1910. - С. 221.
108. Конопка С.Р. Туркестанский край Ташкент, 1912. –С.7.
109. Там же. – С. 12.
110. Логофет Д.Н. В горах и равнинах Бухары (Очерки Средней Азии). - СПб, 1913. - С. 449-450.
111. Там же. – С. 451.
112. Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. – С.5.
113. Там же. – С. 7.
114. Румянцев П.П. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в

- Семиреченской области. Том IV Верненский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1913. –С. 148-149.
115. Там же. – С. 152.
116. Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края. Ленинград, 1925.
117. Там же. – С. 11.
118. Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. – Петроград, 1916. - С. 383.
119. Микин А. Туркестан // Народы мира в нравах и обычаях. - СПб., 1916. - С. 481-482.
120. Достоевский М. Старина и быт Средней Азии. - М., 1917. - С. 9.
121. Сно Ю.О. Среди знойных пустынь и широких степей. Народы Туркестана. // Туркестанский сборник Том 583. Ташкент, 1917. – С. 23.
122. Там же. – С. 25.
123. Там же. – С. 27.
124. Там же. – С. 30.
125. Там же. – С. 35.
126. ЦГА РУз. Ф. 2868 (Личный фонд Б.В. Лунина). Оп. 1. Д.2. Л.106.
127. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Востоковедение в Казахстане // Востоковедные центры в СССР. - Москва, 1989. – С. 72.
128. Бегалин С. Чокан Валиханов. - Москва, 1976. - С. 30.
129. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4163. Л. 1.
130. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 томах. - Алма-Ата, Наука, 1985. - Т. 5. - С. 30-31.
131. Бегалин С. Чокан Валиханов. - Москва, 1976. – С. 32.
132. Стрелкова И.И. Ч.Ч.Валиханов. – Москва, Молодая гвардия, 1983. - С. 21.
133. Малышева М.П., Познанский В.С. Казахский этнограф Чингис Валиханов // Советская этнография. - Москва, 1991. - № 5. - С. 75.
134. Там же. – С. 86-87.
135. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 69 об.
136. Утенияз С. Отец и сын Чормановы // Первые этнографы Казахстана. – Алматы. Білім, 2002. - С. 73.
137. Там же. – С. 77
138. Чорманов М. О скотоводстве у киргиз Западной Сибири // Туркестанский сборник. - СПб, 1870. - Т. 410. - С. 95.
139. Там же. – С. 98.
140. Чорманов С. Аушы. - Казань, 1907. – С. 81.
141. Алимжанов А. О герое этой книге и её авторе // Предисловие к книге: С. Бегалин. Чокан Валиханов. - Москва, 1976. - С. 7.
142. Веселовский Н.И. Воспоминания о Ч.Ч. Валиханове // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. - В 5-ти тт. - Алма-Ата, 1984. - Т.1. - С. 79.

143. Бессонов А.И., Давыдов Л.К., Мошкин М.Т. Джетысу. Естественно-историческое описание края. - Ташкент, 1925. - С. 26.
144. ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 234. Л. 14-16.
145. Бегалин С. Чокан Валиханов. - Москва, 1976. – С. 127.
146. Валиханов.Ч.Ч. Собр соч. в 5-ти т. -Алма-Ата: Наука, 1961. - Т. 1.- С. 499.
147. Бегалин С. Чокан Валиханов. - Москва, 1976. – С. 135.
148. Стрелкова И.И. Валиханов. – Москва, Молодая гвардия, 1983. - С. 171.
149. Там же . – С. 173.
150. Там же . – С. 177.
151. Бегалин С. Чокан Валиханов. - Москва, 1976. - С. 137.
152. Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие / Собр. соч. – В пяти томах. - Алма-Ата, 1961. - Т.1. - С. 189.
153. Там же. – С. 190.
154. Бегалин С. Чокан Валиханов. - Москва, 1976. - С. 220.
155. Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие / Собр. соч. – В пяти томах. - Алма-Ата, 1961. - Т.1. - С. 205.
156. Там же. – С. 207.
157. Валиханов Ч. Записка о судебной реформе / Валиханов Ч. Собр. соч. - Т. 4. - Алма-Ата, 1985. - С. 318.
158. ЦГА РУз. Ф. 2773 (личный фонд М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 741. Л. 11, 12.
159. ЦГА РУз. Ф. 2681 (личный фонд Г.Н.Чаброва). Оп. 1. Д. 89. Л. 4.
160. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5536. Л. 5об.
161. ЦГА РК.Ф. 4. Оп.1. Д. 5585. Л.8.
162. Бабаджанов М.-С.К. О каменной бабе, найденной в киргизской степи // Сборник статей (1861-1871). - Алматы, 1996. - С. 62.
163. Там же. – С. 63.
164. Бабаджанов М.-С.К. Лошади и их испытания во внутренней киргизской орде // Сборник статей (1861-1871). - Алматы, 1996. - С. 31-32.
165. Бабаджанов М.-С.К. Охота во внутренней киргизской орде // Сборник статей (1861-1871). - Алматы, 1996. - С. 47.
166. Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая // Записки Оренбургского отдела ИРГО. - Казань, 1870. - Вып. 1. - С. 234-235.
167. Там же. – С. 236-237.
168. Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. - Казань, 1900. - С. 753.
169. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1.
170. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1- 4.

171. Тяукин М.Г. Записка М.Г. Тяукина о хозяйстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской степи // Экономические записки. - СПб., 1861. - № 41. - С. 13.
172. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2815. Л. 10-12 об.
173. Записки Оренбургского отдела РГО. - Вып. 1. - Казань, 1870. - С. 135.
174. ЦГА РУ. Ф. 2868 (личный фонд Б.В. Лунина). Оп.1. Д.2. Л. 110.
175. Ибрагимов И.И. Материалы для этнографии Средней Азии. Киргизские пословицы // Туркестанские ведомости. - Ташкент, 1870. - № 1. - № 6.
176. Ибрагимов И.И. Материалы для этнографии Средней Азии. Киргизские пословицы // Туркестанские ведомости. - Ташкент, 1871. - № 1.
177. Ибрагимов И.И. Этнографические очерки киргизского народа // Туркестанский сборник. - СПб, 1872-1873. - Т. 57. - С. 308.
178. Там же. - С. 336.
179. Ибрагимов И.И. Очерки быта киргизов. Поминки // Древняя и Новая Россия. - СПб., 1876. - Т. 3. - 168 с.
180. Бекчурин М.С. Туркестанская область // Туркестанский сборник. - СПб, 1872/1873. - Т. 67. - С. 23.
181. Там же. - С. 33.
182. Алтынсарин И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства // Записки Оренбургского отдела РГО. - 1870. - Т. 1. - С. 101-104.
183. Записки Оренбургского отдела РГО. - Вып. 1. - Казань, 1870. - С. 43-44.
184. Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год. // Записки ИРГО по отделению этнографии. - Оренбург, 1881. - Вып. 4. - С. 99.
185. Там же. - С. 100.
186. Там же. - С. 102.
187. Джантюрин А. Очерки киргизского коневодства // Туркестанский сборник. - СПб, 1883. - Т. 366. - С. 98.
188. Там же. - С. 99.
189. Там же. - С. 104.
190. Букин И.М. Физическое и умственное воспитание у киргиз // Туркестанский сборник. - СПб, 1883. - Т. 341. - С. 98.
191. Там же. - С. 99.
192. Там же. - С. 101.
193. Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Казалинского и Перовского уездов. - Ташкент, 1894. - С. 16.
194. Там же. - С. 17.
195. Там же. - С. 21.
196. Там же. - С. 24.
197. Там же. - С. 25.

198. Бекимов М.Н. Значение названий некоторых народностей в Средней Азии // Туркестанский курьер. - Ташкент, 1909. - № 246; Косшугулов. О названии «казак» (киргиз)// Туркестанская туземная газета. - Ташкент, 1907. - № 14, 15, 17.
199. Бекимов М. Свадебные обряды киргизов Уральской области // Известия Общества Археологии, истории и этнографии. - Казань, 1905. - Т. XXI. - Вып. 4. - С. 392.
200. Бекимов М. Этнографические материалы. Киргизская сказка // Средняя Азия. - Ташкент, 1911. - Кн. 1. - С. 92-93.
201. Отарбаева Г. Научный вклад А.А. Диваева в этнографическое изучение Туркестанского края // Этнодемографические процессы в Узбекистане. - Ташкент, 2005. - Ч. 1. - С. 26.
202. ЦГА РУз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 1137. Л. 25-26.
203. Диваев А.А. Несколько слов о свадебном ритуале киргизов Сырдарьинской области. Казань, 1900. - С. 33.
204. Диваев А.А. Баксы в жизни киргиза // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Выпуск 3. Ташкент, 1928. - С. 188.
205. Восточный сборник в честь А.Н. Веселовского. - Москва, 1913. - С. 228-229.
206. Восточный сборник в честь А.Н. Веселовского. - Москва, 1913. Рамазанов Н. Биография А. Кунанбаева. - С. 226.
207. Шалекенов М.У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII-XIX вв. - Алматы: Гылым, 1995. - С. 151.
208. Кудайбердыулы Ш. Родословная тюрков, казахов, киргизов и ханских династий. / Пер. Б. Каирбекова. - Алматы: Жазушы, 1990. - С. 43.
209. Историко-культурное наследие Центрально-Азиатского региона. - Уральск, 2000. - Вып. 1. - С. 29-30.
210. Германов В.А. Историки Туркестана в условиях политического террора 20-30-х годов. Ташкент, 2000. - С. 29.
211. Там же. - С. 30.
212. Дулатов М.Я. Прежняя жизнь киргизского народа // Восточный сборник в честь А.Н. Веселовского. - Москва, 1913. - С. 233-240.
213. Рыскулов Т. Казахстан / Собрание сочинений. - В трех томах. - Алматы, 1997. - Т. 2. - С. 211.
214. Асылбеков М.Х., Сеитов С. Общественно-политическая и научная деятельность А.Н.Букейхана. - Алматы, 2003. - С. 96.
215. Там же. - С. 98.
216. ЦГА РУз. Ф. 2868 (личный фонд Б.В. Лунина). Оп.1. Д.2. Л. 108.
217. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. - Москва, 1957. - С. 102.
- 218.** Стрелкова И.И. Валиханов. - Москва, Молодая гвардия, 1983. - С. 96

219. Марко Поло. Путешествие в 1286 г. по Татарии и другим странам Востока. - СПб, 1873 - С. 63.
220. Там же. – С. 64.
221. Кереева-Канафиева К.Ш. Дореволюционная русская печать о Казахстане. - Алма-Ата, 1963. - С.29.
222. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. - Ленинград, 1925. – С. 75.
223. Кереева-Канафиева К.Ш. Дореволюционная русская печать о Казахстане. - Алма-Ата, 1963. - С.96.
224. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. // Пер. Ю. Готье. - Ленинград, 1937. - С.185.
225. Там же. - С.189.
226. Путешествие Антония Дженкинсона в Бухару (1558 – 1560) // История Узбекистана в источниках. - Ташкент, 1988. - С. 24.
227. Там же. – С. 29.
228. Герберштейн С. Записки о Московии. - СПб., 1866. - С.137.
229. Милеску-Спафарий Н.Г. Книга, а в ней писана путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского, лета 1675 // Записки РГО по отделению этнографии. - СПб., 1862. -Т. X. -Вып. 1. – С. 254.
230. Савельев П.С. Средняя Азия. - СПб., 1848. - С. 267.
231. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная. - СПб., 1768. - С. 75.
232. Кереева-Канафиева К.Ш. Дореволюционная русская печать о Казахстане. - Алма-Ата, 1963. - С.25.
233. Там же. – С. 30.
234. Примечание на ведомости. - СПб., 1734. - № 28. – С. 3.
235. Там же. – С. 4.
236. Кереева-Канафиева К.Ш. Дореволюционная русская печать о Казахстане. - Алма-Ата, 1963. - С.27.
237. Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды Третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге 1876 г. - СПб., 1878-1880. - Т. I. - С.100.
238. Савельев П.С. Предположения об учреждении Восточной Академии в Санкт-Петербурге // Журнал Министерства народного просвещения. - СПб., 1856. - Ч. 89. - Отдел 3. - С.32.
239. Кереева-Канафиева К.Ш. Дореволюционная русская печать о Казахстане. - Алма-Ата, 1963. - С.34.
240. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. - СПб.,1750. - С.3.
241. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // История Сибири. - М.- Л., 1937. - С. 31.
242. Фальк И.П. Известия о Киргизской и Зюнгорской степи // Полное собрание ученых путешествий по России.

- СПб., 1825. - Т. 7. – С. – 45.
243. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. - СПб., 1809. - С. 585.
244. Поездка Х. Барданеса в киргизскую степь по поручению академика И.П. Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. - СПб., 1825. - Т. 7. – С. -89.
245. Там же. – С. 17.
246. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. - СПб., 1776. - С.123.
247. Там же. – С. 139.
248. Кереева-Канафиева К.Ш. Дореволюционная русская печать о Казахстане. - Алма-Ата, 1963. - С.77.
249. Там же. – С. 78.
250. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 70.
251. Прошлое Казахстана в источниках и материалах (V в. до н. э. – XVIII в, н. э.). - Алма-Ата-М., 1935. - Т. I. - С. 152.
Под ред. С.Д.Асфендиарова и П.А.Кунте.
252. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. - Москва, 1769. - Кн. 1. - Ч.2. - С. 431.
253. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 50.
254. Болтин И. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. - СПб., 1785. - Т. 1. - С. 390.
255. Там же. – С. 401.
256. Там же. – С. 403.
257. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 74.
258. Кереева-Канафиева К.Ш. Дореволюционная русская печать о Казахстане. - Алма-Ата, 1963. - С.173.
259. Клапрот Г.Ю. О киргизском языке // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. - Алматы, 2006. - Т. 7. - С.138.
260. Мейендорф Г. Путешествие из Оренбурга в Бухару // Туркестанский сборник. - СПб., 1885. - Т. 374. - С. 413.
261. Отечественные записки. - 1828. - Ч. 33. - № 95. - С 472-473.
262. Хельмерсен Г.Ф. Путешествие по Уралу и киргизской степи в 1833 и 1835 гг. // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. - Алматы, 2006. - Т.5. - С.109.
263. Хельмерсен Г.Ф. Хива // Туркестанский сборник. - СПб., 1873-1875 гг. - Т.89. - С. 333.
264. Зелинский Г. Киргиз. Предисловие Г. Гребенщикова. - Томск, 1910. - С. 4.
265. Гумбольдт А. Центральная Азия. - Москва, 1915. - С.27.
266. Там же. – С. 59.
267. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам

- Центральной Азии по описаниям Т.У. Аткинсона,
А.Т. фон Миддендорфа, Ф. Раде и др. - СПб., 1865. - С. 401.
268. Аткинсон Т. Семиреченская область // Туркестанский сборник.
- СПб., 1882. - Т. 286. - С. 518-519.
269. Залесский Б. Жизнь казахских степей. – Алматы: Өнер, 1991. - С.
39.
270. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. - Москва, 1867. - С.
318.
271. Вамбери А. Очерки Средней Азии (дополнение к «Путешествию
по Средней Азии»). - М., 1868. - С. 347.
272. ЦГА РУз. Ф. И-1009 (фонд Н. П. Остроумова). Оп. 1. Д. 46. Л. 72.
273. ЦГА РУз. Ф. И-1009 (фонд Н. П. Остроумова). Оп. 1. Д. 46.
Л. 72 об.
274. Ибрагимов С.К. Ещё раз о термине «казах» // Труды
Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.
- 1960. - Т. 8. - С. 66.
275. Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии.
- Оренбург, 1911. - Вып. XVII. - С. 62.
276. Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти
и ныне имеющие в Малой киргизской орле силу
закона, опубликованные в 1871 г. // Материалы по
казахскому обычному праву. Сб ст. - Алма-Ата, 1948. - С. 220.
277. Хелльвальд Ф.А.Г. Центральная Азия // История Казахстана
в западных источниках XII-XX вв. – Алматы: Санат, 2006.
- Т.6. - С.160.
278. Там же. – С. 234.
279. Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы.
Приложение к «Русскому Вестнику». - Москва, 1875. - С. 41-42.
280. Уйфальви де Мезе Ковезд Ш.Е. Сырдарья-Зеравшан.
Страна семи рек и Западная Сибирь // История Казахстана
в западных источниках XII-XX вв. – Алматы: Санат, 2006.
- Т. 7. - С. 179.
281. Там же. – С. 180.
282. Там же. – С. 183-184.
283. Скайлер Ю. Среднеазиатская культура // Туркестанский
сборник. - СПб., 1880. - Том 222. - С. 22.
284. Мозер Г. В странах Средней Азии. - СПб., 1887. - С. 149.
285. Брем А. Степные кочевники-скотоводы
// Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива»
за 1896 г. Январь, февраль, март, апрель. - СПб., 1896. - С. 138.
286. ЦГА РУз. Ф. И-1009 (фонд Н. П. Остроумова). Оп. 1. Д. 46.
Л. 64-об.
287. Гедин С. В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный
Туркестан. - СПб., 1899. - Т. 1. - С. 38.
288. Шварц Ф. Туркестан-ветка индогерманских народов.

- Мюнхен, 1900 // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. - Алматы, 2006. - Т.5. - С.189.
289. Там же. – С. 229.
290. Карутц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. - СПб., 1910. - С. 63.
291. Там же. – С. 75-76.
292. Сванберг И. Кочевой образ жизни казахов Среднего жуза в Синьцзяне с 1911 по 1949 гг. // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. - Алматы, 2005. - Т.3. - С.129.
293. Благовещенский Г. Экономическое развитие Туркестана // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. – Алматы: Санат, 2006. - Т. 5. - С. 255.
294. Там же. – С. 259.
295. Германов В.А. Историки Туркестана в условиях политического террора 20-30-х годов. Ташкент, 2000. – С. 21-22.
296. Кастанье И. Из области киргизских верований. - СПб, 1913. - С.2.
297. Кастанье И. Похоронные обряды киргиз // Туркестанский сборник. - Ташкент, 1915. - Т. 555. - С. 125-126.
298. А.А.Аминов, А.Бабаходжаев Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966. -С. 63.
299. Залкинд М.И. Из истории Туркестанского общества сельского хозяйства // Труды САГУ имени В.И.Ленина. — Ташкент: изд-во САГУ, 1955.- С. 36.
300. Там же. — С.37.
301. Там же. – С. 39.
302. Там же. – С. 43.
303. Газиянц С., Мар А. Хлопок через века и страны. — Ташкент: Ёш гвардия, 1988. - С.74-75.
304. Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX века. — Ташкент: изд-во АН Узбекской ССР, 1962. — С. 160.
305. Там же. – С. 167.
306. Там же. – С. 172.
307. Там же. – С. 174.
308. Файбушевич В.М., Муминов Я.К., Китко М.И., Дрынкин А.П. Здравницы и лечебные местности Узбекистана. — Ташкент: изд-во АН Узбекской ССР, 1969. — С. 187
309. Там же. – С. 198.
310. Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии: примат науки или геополитики // Вестник Каракалпакского Отделения Академии Наук Республики Узбекистан. Нукус, 1996. № 1. С. 90.

311. Там же. – С. 91.
312. Там же – С. 93.
313. Пугаченкова Г.А., Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии и домусульманские древности Средней Азии. К 100- летию ТКЛА. // Вестник древней истории Москва, 1996. № 4 (219). – С. 192.
314. Там же. – С. 194.
315. Там же. – С. 196.
316. Б.В.Лунин Средняя Азия в научном наследии Отечественного востоковедения. Ташкент, 1979. - С.17.
317. ЦГАРУз Ф-2868. Опись 1.Дело2. Л. 1.
318. Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX века. — Ташкент: изд-во АН Узбекской ССР, 1962. — С. 189.
319. Там же. – С. 192.
320. Там же. – С. 194.
321. Пугаченкова Г.А., Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии и домусульманские древности Средней Азии. К 100- летию ТКЛА. // Вестник древней истории Москва, 1996. № 4 (219). – С. 194.
322. Там же. – С. 195.
323. Там же – С. 196.
324. Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX века. — Ташкент: изд-во АН Узбекской ССР, 1962. — С. 195.
325. Там же. – С.200.
326. Там же. – С. 202.
327. Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. // Туркестанский сборник Том 24. СПб., 1870. – С. 324.
328. Лыкошин Н.С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии // Туркестанский сборник Том 523. Ташкент, 1909. – С. 18.
329. Там же. – С. 25-26.
329. Пантусов Н.Н. Древности Копальского уезда // Протоколы туркестанского кружка любителей археологии. Год 4. Ташкент, 1899. –С. 14-15.
330. Пантусов Н.Н. Древности Лепсинского уезда // Протоколы туркестанского кружка любителей археологии. Год 4. Ташкент, 1899. –С. 16.
331. Пантусов Н.Н. Памятник Баян-Сулу и Козы-Корпеш // Протоколы туркестанского кружка любителей археологии. Год 4. Ташкент, 1899. –С. 21.
332. Германов В.А. Историки Туркестана в условиях политического террора в 1920- 1930 –х гг. Ташкент, 2000. – С. 25.

333. Там же . – С. 29.
334. Там же. – С. 33.
335. Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность Конец XIX — начало XX века. — Ташкент: изд-во АН Узбекской ССР, 1962. — С. 29-30.
336. Протоколы заседания Туркестанского Отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1871 г Ташкент, 1872. – С. 3-4.
337. Там же. – С. 16-17.
338. Там же. – С. 41.
339. ЦГАРУз Ф- 2773. Опись 1.Дело 251. Л. 46.
340. Там же. – С. 46 об.
341. Там же. – С. 48.
342. Зияев Х. Ценные сведения о Толе би и Жолбарысе правителях Большого жуза // В материалах Республиканской научно-практической конференции, посвященной 350-летию со дня рождения Толе би Шымкент, 2013. С.159.
343. Шалекенов У.Х. К вопросу о взаимоотношениях казахских племен с оседлым и полuosедлым населением Хорезма в XVIII-XIX вв. - М.: Наука, 1964. - С. 8.
344. Каскабасов С.А. Некоторые особенности казахской волшебной сказки // Известия АН КазССР Серия общественная. 1967. №5 С. 79.
345. ЦГАРУз Ф-2231 Опись 1, Дело 49. Л.59.
346. Мадуанов С. История казахско - узбекских отношений в XIX - начале XX вв. // Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Алма-Ата, 1980. С.12.
347. Бизаков С. Ветви одного могучего дерева. Алматы, 2002. С. 229-230.